

Рассказ со ссылками на документы, или О моём дяде Евсее

«Прекрасные мои дядья
Арон, Евсей, два «Льва» и Ирма,
я думал, что вам Бог судья,
я думал так, да вот что вышло»
Булат Окуджава
несколько переделанный мной
(Простите меня, Булат Шалвович!).
«Революция пожирает своих детей»
Жорж Жак Дантон.
«А потом приходят мародеры...»
(не помню откуда).

Вместо предисловия

17 июля 1941 года. Шёл двадцать шестой день войны, которую позднее назвали Великой отечественной. Оставалось чуть больше месяца до оккупации Гомеля – родины моих родителей, моих дядей и тётей. И в этот день в Казани был расстрелян мой дядя Евсей! Оказывается наш верховный главнокомандующий одновременно вёл ещё одну войну – войну на окончательное уничтожение всех, кто когда-либо посмел усомниться в его, Сталина правоте и поддержать позицию Троцкого. Менее года назад был убит сам Троцкий и теперь, очевидно, надо было полностью искоренить эту «заразу» в СССР.

Вот как я пришёл к этому выводу. Я давно интересовался судьбой моего дяди Евсея, хотя видел его всего один раз в восьмилетнем возрасте (но об этом далее), но мне много о нём рассказывали родители, мама говорила, что я похож на него. Но в 50-е его судьбой интересовалась его дочь, моя двоюродная сестра Люся и получила ответ, что его судьба неизвестна, а потом, как говорится, жизнь засосала... И вот в прошлом 2010 году я попал в Интернете на «Базу жертв политических репрессий в СССР и увидел там такие записи:

«Каганович Евсей Абрамович

Родился в 1896 г., Беларусь, г. Гомель; еврей; чл. ВКП(б); Арестован 6 ноября 1940 г. Приговорен: военным трибуналом ПриВО 29 мая 1941 г., обв.: 58-2, 58-8, 58-11 ("участник троцкист. организации"). Приговор: ВМН, конфискация имущества. Реабилитирован 23 ноября 1992 г.

Источник: Книга памяти Республики Татарстан

Каганович Евсей Абрамович

Родился в 1896 г., Беларусь, г.Гомель; еврей; чл. ВКП(б).; Зеленодольский р-н, п. Васильево. Проживал: экономист, нач. планового отдела, стеклоз-д "Победа труда". Арестован 17 февраля 1931 г. Приговорен: Судебной коллегией ОГПУ 10 мая 1931 г., обв.: 58-4. Приговор: 5 лет концлагарей. 2.12.31 выслан на Урал.

Источник: Книга памяти Республики Татарстан».

Сначала я подумал, что это два разных человека, правда, с удивительно одинаковыми данными, потому, что в моей памяти была его высылка в Казань, но не было разговоров о концлагере. Я связался с «Мемориалом» - автором этой базы. Мне объяснили, что один и тот же человек может быть представлен в базе несколько раз, так как она формируется по соответствующим делам. Посоветовали обратиться в ФСБ, что я и сделал. Написал прямо с их сайта. Спустя некоторое время мне позвонили из архива ФСБ, пригласили в их читальный зал, расположенный на Кузнецком мосту в подъезде рядом с приёмной ФСБ. Пришёл, получил некоторые ксерокопии из дел 1928, 1931 и 1940-41 годов, огляделся, увидел зальчик в десять столов с двумя стульями за каждым (во время моих посещений в зале бывало от двух до восьми – десяти посетителей) и засел за изучение последнего дела, пришедшего из Татарстана. Но об этом дальше, а пока возвратимся к истокам. Перед вами история юноши, в 1917-м в 21 год поверившего в революцию, которая через 10 с небольшим лет показала ему свои зубы, а ещё через 10 лет окончательно расправилась с ним.

Истоки

У моего деда по отцовской линии Абрама Ароновича Кагановича было много детей. Моя сестра говорит об одиннадцати, я знаю твёрдо о восьми. Кто знает, может и то, и другое – правда, просто трое умерли во младенчестве. Косвенным подтверждением этого служит значительная разница в возрасте между старшими и младшими детьми. Годы рождений старших: Арона, Ирмы или Иерёмии, Сарры и Лейбы я не знаю, но знаю, что Лейба был старше лет на десять моего отца – Исера или Исаака и его близнеца Лейвика, а они родились (по словам Лейвика, так как отец не знал своего дня рождения, а только год, и даже при призыве в армию, в первую мировую войну, его возраст определяли по внешнему виду) – 29 января 1893 года. Младшие Евсей и Ева родились, соответственно, в 1896 и 1902 годах.

Жили они в Гомеле, хотя отец и Лейвик родились почему-то в Сновске^[1]. Похоже, что в тот год семья, наверное, из-за служебных дел деда жила там.

Гомель в те годы был в значительной степени «еврейским городом». Вот что пишет об этом один из источников в Интернете:

«До начала 1890-х гг. Гомель был мелким уездным городом. Значительную часть его населения составляли евреи. В 1893 в Гомеле жило евреев: 7164 мужчин и 7308 женщин (православных соответственно 6996 и 7295).

По всероссийской переписи населения 1897 в Гомеле насчитывалось 20385 евреев, что составляло около 55% всего населения города, имелось 26 синагог, 25 молитвенных домов, еврейское училище первого разряда (200 учеников), еврейская мужская гимназия

Ратнера (27 преподавателей и 255 учащихся, среди выпускников - Л.Г. Выготский) и женская прогимназия (90 девушек), еврейское начальное училище (193 учащихся), четырехклассное женское училище Сыркиной (403 учащихся), талмуд-тора Голомштока (152 мальчика), сорок пять хедеров (662 учащихся), а также ряд благотворительных учреждений»[\[2\]](#).

И прадед, и дед (возможно, и их предки) занимались одним и тем же делом: отбирали лес для экспортных поставок его. Мой отец называл эту профессию: бракёр леса. Из сыновей эту профессию унаследовал только один Лейба, который всю свою жизнь проработал экспертом по лесу. Судьба остальных братьев и сестер сложилась по-разному. Старший – Арон – в последние годы своей жизни жил в какой-то деревне под Минском и погиб в первые дни войны не то от немцев, не то от некоторых озабоченных «еврейским вопросом» местных жителей. Ирма (Иеремия) стал кантором, но после погромов начала 1900-х годов уехал в США. Мои друзья в Штатах пытались найти какие-либо сведения о нём или о его потомках, но безуспешно. Вот как об этом времени пишет тот же источник:

«Волна еврейских погромов начала XX века в Российской Империи не прошла мимо Гомеля: 29 августа – 1 сентября 1903 г. в Гомеле произошел погром, во время которого десять евреев были убиты, многие ранены и много еврейского имущества было разграблено. При этом впервые в истории Российской Империи еврейская самооборона смогла дать достойный отпор погромщикам. После погрома состоялся знаменитый Гомельский судебный процесс (октябрь 1904 г. – январь 1905г.; ноябрь 1906 г.), на котором судили не только погромщиков, но и 36 евреев — участников самообороны. Несмотря на неблагоприятную атмосферу, царившую в суде, показания около тысячи свидетелей установили виновников погрома и роль царских властей, которые им покровительствовали. Часть евреев — участников самообороны — была оправдана, другие присуждены к тюремному заключению на несколько месяцев. Процесс имел огромный общественный резонанс в России и за границей»[\[3\]](#).

Старшая сестра – Сарра – вышла замуж, у неё родились два сына. Не знаю судьбу её мужа, но в 1919 г. после смерти матери (моей бабушки) от испанки она вместе с отцом (моим дедом) и детьми также уехала в США. У Лейбы было трое детей. Старшая дочь Сарра жила в Севастополе и погибла там во время его обороны 1941-42 гг. Сын – Арон – окончил учительский институт, некоторое время учительствовал, женился, у него родился сын. Перед войной его призвали в армию, и он преподавал в Прибалтике, в военном училище. Войну начал политработником, был ранен, попал в плен, но к счастью его не выдали солдаты. Через некоторое время их освободили, его комиссовали, и он уехал в Казань, где к этому времени уже оказались в эвакуации и его семья, и его отец с младшей дочкой Ривочкой. О его дальнейших «приключениях» как-нибудь позднее, а пока о младших детях моего деда.

Об отце, естественно, напишу отдельно в своих воспоминаниях, так как он был со мной все годы до его смерти. Скажу лишь, что начал он работать «мальчиком» в одной из гомельских фирм, а уже с 1909 г. был счетоводом-корреспондентом (так называлась его должность) в одной крупной гомельской конторе. Его брат-близнец Лейвик начинал, кажется, подручным у маляра. В конторе также начинал и Евсей. Но об этом далее. Так

как именно трагической его судьбе и посвящён мой рассказ, то об остальных братьях и сёстрах буду лишь упоминать по ходу.

Дядю Евсея, как я уже сказал, я видел только один раз (об этом далее). Он, возможно, кроме этого раза видел меня в первый год моей жизни, но я, конечно, этого не мог помнить. Думаю, что в тот год – 1930-31 – он частенько бывал у родителей на Арбате, в нашей комнате в коммунальной квартире, да и сестру Еву с маленькой дочкой Ниной, наверное, навещал – она жила в соседней коммунальной квартире, там же на Арбате. Возможные следы его пребывания я обнаружил в некоторых книгах из библиотеки отца, изданных институтом, в котором Евсей работал в те годы: двухтомник сочинений Поля Лафарга[4], трёхтомник Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли»[5]. Надо сказать, что труд Плеханова я в своё время, в студенческие годы прочитал с большим интересом, и даже сказал бы – с удовольствием.

Итак, о Евсее

До посещения читального зала архива ФСБ единственным источником моих знаний о нём были рассказы отца и матери, да та единственная встреча с ним. Теперь же у меня появились документальные свидетельства о его жизни и деятельности.

Сведения об этом, прежде всего, содержатся в таких документах, как анкеты арестованного и протоколы первых допросов, заполнять которые Евсею пришлось трижды в 1928, 1931 и 1940 годах. Вот что мы узнаём из этих документов (их форма менялась, но суть сохранялась).

1. Фамилия – Каганович
2. Имя и отчество – Евсей Абрамович.
3. Гражданин какого государства – СССР.
4. Национальность – еврей.
5. Место приписки (откуда происходит), в другой анкете вопрос сформулирован иначе: Место рождения – БССР, г. Гомель.
6. Возраст (год рождения) – апрель 1896 г.
7. Образование – высшее, Институт красной профессуры, экономическое отделения.
8. Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, жены, братьев, сестёр):
 1. Отец – Каганович Абрам Аронович, около 70 лет (при заполнении в 1928 г.), не работает, в Америке. Отвечая на этот вопрос в 1940 г. и понимая, наверное, что лучше не иметь родственников за границей, пишет, что отец «проживал в г. Гомель, умер приблизительно в 1920 году».
 2. Мать – Каганович Нехама (отчество не указал) умерла приблизительно в 1920 году. Насколько я знаю, обе мои бабушки и с папиной, и с маминой стороны умерли от испанки в 1919 г. Именно после этого дед и Сарра с детьми уехали в Америку.

3. Жена – Каганович Елена Ивановна, 27 лет (в анкете 1928 г.), около 1900 г. рожд. (в анкете 1940 г.), домашняя хозяйка (в анкете 1928 г.); в протоколе допроса 1931 г. пишет, называя её почему-то Еленой Николаевной, «была работницей на Госзнаке 10 лет, в наст. время по болезни дом. хоз.»; работает медицинской сестрой в одном из медицинских заведений г. Москвы (в анкете 1940 г.).

4. Дети (в анкете 1940 г.) – дочь Людмила, 12 лет, учится, проживает с матерью в г. Москве; сын (не родной) – Юрий Алексеевич Михайлов, 16 лет, проживает с матерью в г. Москве.

5. Братья (сестры) – брат Исаак (в анкете 1928 г. называет его Исер[6]) Абрамович Каганович, до революции служащий конторщик, бухгалтер изд. «Власть Советов», Москва, в протоколе 1931 г. пишет на всякий случай «в настоящее время должности его не знаю (не поддерживал с ним сношений)», в анкете 1940 г. место работы не указывает; сестра Ева Абрамовна Каганович, машинистка треста «Госшвеймашина», Москва (в анкете 1928 г., в протоколе допроса 1931 г.); в протоколе допроса 1931 г. называет другого брата: «Лев[7] Абр. Каганович, коммунист, живет на Украине, где и как – не знаю (не переписываюсь с ним); в анкете 1940 г. называет и других братьев и сестру: «Лейба Абрамович проживает в г. Гомеле, Еремия Абрамович проживает в Америке, Арон Абрамович проживает в г. Гомеле, Сарра Абрамовна проживает в Америке».

Далее приведены сведения о партийности, занятиях, месте службы Евсея: до войны 1914 г. «был конторщиком-мальчиком в частной конторе Лурье в Гомеле с окладом 5 руб. в месяц, затем в частной комиссионной конторе Рабиновича в Гомеле с окладом 10 руб. в месяц (переписчик)». Далее «с 19 лет, т.е. с 1915 по 1917 был в старой армии солдатом в 117 Ярославском полку». В февральскую революцию 1917 г. «Принял активное участие в революции с мая 1917 г. в качестве большевика, был председателем ротного, полкового комитета, членом и Председателем Армейского Комитета VI армии Румынского фронта, вел ожесточенную борьбу с меньшевиками и эсерами в старой армии и был признанным руководителем большевистской фракции Армейского Комитета. Ездил как представитель армии во главе делегации в сентябре 1917 г. в Петроград с представлением большевистской декларации, которую огласил на заседании Петроградского Совета раб. и кр. депутатов и заседании ВЦИК» (из Протокола допроса от 26 апреля 1931 г.).

Поинтересовался сведениями об армии и воинской части, в которой служил Евсей. 117 Ярославской пехотный полк входил в состав 1-й бригады 30-й пехотной дивизии, которая входила в состав 4-го армейского корпуса. А этот корпус до начала войны входил в состав Виленского военного округа, который охватывал в числе прочих и Могилевскую губернию, одним из городов которой был Гомель. Этим, очевидно, и объясняется, почему туда пошел служить Евсей. Штаб VI армии, в которую входил корпус, находился в Болграде[8]. В то время, когда служил Евсей, армией командовал генерал от кавалерии Цуриков Афанасий Андреевич. Вот что известно о нём в этот период: «После Февральской революции одним из первых ввёл в своей армии комитеты и сотрудничал с ними. Несмотря на это, армия Цурикова сохраняла боеспособность дольше других, возможно, в силу удалённости Румынского фронта от центров революции. Во время Корниловского выступления занял позицию поддержки Временного правительства и на совещании 28 августа 1917 вместе с представителями комитетов подписал

резолюцию, объявлявшую Корнилова изменником и требовавшую предания его суду. По воспоминаниям Г. П. Софронова на требования главкомитета союза офицеров представить ему список большевиков армии Цуриков и его начштаба Радус-Зенкович ответили отказом. После Октябрьской революции остался на своем посту. С декабря 1917 в отставке. С 1920 служил в РККА»[9].

В это же время два других брата также были на фронте. Исаак в XII армии под Ригой, был ротным писарем и в революционные дни также сделал «карьеру»: был председателем ротного, полкового и дивизионного комитетов, был делегатом 1-го Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, но так как он принадлежал к меньшевистской плехановской группе «Единство»[10], то с Октябрьской революцией его «карьера» в этом смысле, хорошо, что благополучно, завершилась. Другой брат Лейвик воевал на Юго-Западном фронте, участвовал в Брусиловском прорыве, но ему «повезло» - он попал в австрийский плен и вернулся оттуда только в 1918 г.

А Евсей в Октябрьскую революцию 1917 г. «был в Петрограде, присутствовал на 2-м Съезде Советов, после захвата власти большевиками немедленно уехал в армию по предложению покойного Володарского для революционизации армии. По приезде в армию добился переизбрания старого состава Армейского Комитета VI армии, где раньше большинство было у меньшевиков и эсеров, был участником большевистского переворота в Болграде (смена командного состава армии), был участником большевистского переворота в Одессе, был организатором Красной гвардии в Одессе в борьбе с немцами и румынами. В марте 1918 года был командирован на Урал в качестве организатора Красной армии Восточного фронта. По организации Красной армии с марта 1918 г. по декабрь 1920 г. был завед. политпросветом и начальником политич. Упр. Уральского областного военного комиссариата. С декабря 1920 г. перешел на партийную массовую работу в Екатеринбурге, где был членом городского комитета партии, членом Губкома ВКП(б), заведующим губ. сов-партшколой и сотрудником «Уральского рабочего». С августа 1921 г. в Москве, куда был послан на учебу Екатеринбургским Губкомом ВКП(б)» (из Протокола допроса от 26 апреля 1931 г., похоже, что ответы на стандартные вопросы записаны рукою самого Евсея).

В эти годы два других брата тоже служили в Красной армии: отец до 1922 г., Лейвик, кажется дольше, в Красной армии он вступил в партию и позднее перешёл на партийную работу.

Отвечая на вопрос об образовании, Евсей пишет «Образование из-за бедности никакого не получил (учился самоучкой), впервые учился при советской власти с 1921 по 1923 г. на курсах марксизма Коммунистической академии[11], а с 1923 по 1925 (включ.) в Институте красной профессуры[12], который и окончил в 1925 году по экономическому отделению».

Отвечая в анкете 1928 г. о роде занятий и месте службы пишет: «Научный сотрудник Института Маркса и Энгельса[13] и преподаватель Института Востоковедения им. Нариманова».

Далее основным источником сведений нам будет служить документ под названием «Собственно-ручные[14] показания Кагановича Евсея Абрамовича, 1896 года рождения». Он представляет собой 10 рукописных страниц, написанных некрупным разборчивым

почерком, который напомнил мне почерк моего отца, который я, увы, от него не унаследовал. Этот текст я буду лишь дополнять по мере необходимости необходимыми уточнениями, выдержками из других документов и книг. Эти показания Евсей написал, сидя во внутренней тюрьме НКВД ТАССР. Каждая страница их подписана, а в конце стоит дата – 14 ноября 1940 года и полностью: Евсей Абрамович Каганович. Процессуальный статус этих страниц неясен. В деле подшиты и рукопись, и печатная копия, однако ни в протоколах допросов, ни в обвинительном заключении ссылок на них нет. Но для наших целей они очень удобны, так как представляют собой связный рассказ о так называемых «преступлениях». И вот теперь начинаем их читать:

«Впервые я отошел от партийной линии примкнул к троцкистской оппозиции в 1921 г., во время профсоюзной дискуссии[15], в гор. Екатеринбурге (Свердловске), где я в то время был членом Екатеринбургского губкома партии. Во главе Екатеринбургского Губкома РКП(б) тогда стояли Семашко (женщина), Уфимцев, Гунтул, Воробьев,[16] Мрачковский и другие. По их предложению, я присоединил свою подпись к платформе Троцкого, которая была опубликована в «Уральском рабочем».

В допросах Евсей называет ещё нескольких лиц, с которыми он общался в этот период, в частности: «ЕВТУШЕНКО[17] Ермолай Наумович – работал со мной на Урале в Свердловске при Уральском военном округе. Последний раз с ним виделся в г. Москве в 1930 году. Тогда он работал в военном ведомстве, кем – не знаю. С тех пор о нем сведений не имею» (из протокола допроса от 8 ноября 1940 г.).

Вряд ли Евсей, ни дня до этого с профсоюзными делами не сталкивавшийся, имел по вопросу деятельности профсоюзов какое-то определённое мнение. Скорее всего, он, как «военный человек» поддержал позицию Троцкого как такого же «военного человека» - Наркомвоенмора. На Урале позиции Троцкого были очень сильны. Вот что говорится в одной из работ, посвящённых Л.Д. Троцкому:

«Троцкому постоянно приходилось решать серьезные вопросы совместно с партийными и советскими работниками Урала. Многих из них связывали с Троцким не только деловые или теплые дружественные отношения, но и общие взгляды на пути дальнейшего развития страны, строительства социализма. Именно эти люди составляли костяк Екатеринбургских губернского и уездного комитетов партии, Уралбюро ЦК РКП(б) к концу 1920 года. За их плечами был опыт Гражданской войны и ратные заслуги. Они пользовались уважением и поддержкой уральцев и, что было очень важно в ходе начавшейся дискуссии, разделяли точку зрения Троцкого о профессиональных союзах»[18].

В ещё одном допросе 1941 г. (от 4 марта) следователь возвращается к этому периоду:

«В[19]. ...А теперь скажите. Вы до 1928 года примыкали к троцкизму?

О. Да, примыкал в 1920 году, во время выступления троцкистов по вопросу о профсоюзах и навязанной в 1920 году троцкистами партии дискуссии. Я тогда голосовал и выступал в защиту троцкистской платформы и подписал эту платформу. Это было в г. Свердловске, где я тогда работал на партийной работе – был членом Губкома ВКП(б).

В тот период я по троцкистской деятельности был связан с МРАЧКОВСКИМ Сергеем Витальевичем, УФИМЦЕВЫМ Николаем Ивановичем, ВОРОБЬЕВЫМ (имя не помню) - работал редактором газеты «Уральский рабочий» и Александрой СЕМАШКО – секретарь Губкома.

В. Следовательно ваша связь с троцкистами и троцкистская деятельность началась не с 1923 года, как Вы об этом показали, а значительно раньше?

О. Да, признаю, что моя связь с троцкистами и моя троцкистская деятельность началась не с 1923 года, а с 1920 года, т.е. еще в г. Свердловске, когда я вместе с другими троцкистами выступал и защищал платформу троцкистов, в частности по вопросу о профсоюзах».

Таким образом, то, что в 1920 году было вполне легальной внутрипартийной дискуссией, после завершения, которой оппоненты вполне лояльно друг с другом работали в партии, были членами её руководящих органов, в 1940-41 гг. (а для других и ранее) стало считаться преступлением.

Из упомянутых выше деятелей Екатеринбургского Губкома наиболее крупная фигура, несомненно, Мрачковский, поэтому приведём здесь более подробные сведения о нём:

Мрачковский Сергей Витальевич родился 15 (27) июня 1888 г. в с. Тундра Сургутского уезда, сын политссыльного. Его отец, В. Я. Мрачковский, был одним из организаторов «Южно-Российского союза рабочих», в 1877 году был сослан в Сургут. Сергей Витальевич в 1905 году на Уфалейском заводе вступил в РСДРП, большевик. Неоднократно арестовывался полицией. В 1917 году был членом Екатеринбургского Совета, разъездным агитатором Уральского обкома РСДРП (б). С февраля 1918 года участвовал в гражданской войне — был начальником бригады на дутовском фронте, комиссаром Екатеринбургско-Челябинского фронта, затем комиссаром 2-ой Уральской сводной дивизии и 29-й дивизии на Восточном фронте. С января 1919 года командовал Особым Северным Экспедиционным отрядом, созданным в том же месяце в Вятке, а затем сформированной на его основе 2-й бригадой 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера. Бригада, руководимая Мрачковским, после ряда успешных боёв заняла город Тобольск. Затем с боями дошёл до Иркутска. В 1920 году стал командующим войсками Приуральского военного округа, в 1922 году — Западно-Сибирского военного округа, в 1923 году — Приволжского военного округа, затем командующим Кронштадтской крепостью. Был дважды награждён Орденом Красного знамени в 1919 и 1923 гг. С 1925 года находился на хозяйственной работе — председатель трестов «Уралзолото», «Госшвеймашина». Был участником «левой оппозиции», сторонником Л. Д. Троцкого, в сентябре 1927 года исключён из партии (восстановлен в 1930). С мая 1932 года по август 1933 года был начальником Управления строительства Байкало-Амурской магистрали, которое строило и вторые пути на Забайкальской и Уссурийской дорогах. Затем был управляющим трестом «Казжелдорстрой», который строил железную дорогу Караганда — Балхаш. 25 января 1935 года был арестован и 26 марта того же года приговорён ОСО при НКВД СССР к 5 годам тюремного заключения. Отбывая наказание, Мрачковский вновь был привлечён в качестве обвиняемого к делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». 24 августа 1936 года Военной коллегией Верховного Суда СССР вместе с другими

подсудимыми он был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян на следующий день [20]. Реабилитирован Пленумом [Верховного Суда СССР](#) 13 июля 1988 г. Почти на месяц позднее столетия со дня рождения!

В Екатеринбурге с Евсеем была младшая сестра Ева. Ей было тогда 17-19 лет. Возможно, именно там она научилась машинописи и стала профессиональной машинисткой. С Евсеем она приехала и в Москву. Он помог ей получить комнату в коммунальной квартире на Арбате, дом 4, где в 1922 г. в другой коммунальной квартире по соседству поселились и мои родители. Помог он ей и с устройством на работу в трест «Госшвеймашина», председателем которого был в то время С.В. Мрачковский.

Продолжим чтение «собственноручных показаний»:

«В 1923 году я учился в Институте красной профессуры, когда возникла дискуссия [21], я через некоторое время примкнул к троцкистской оппозиции. Первоначально я больше всего был связан по троцкистской оппозиционной работе с слушателями Красной профессуры – Эльциным Виктором [22], Ленцнером [23], Дингельштедтом [24], Лившицем Борисом [25], Красным [26], Солнцевым [27], Полянниковым [28], Хариним [29], Яковлевым [30], Павловым [31]. В конце 1924 года или в начале 1925 года Ленцнер пригласил меня принять участи в редактировании сочинений Троцкого. С этой целью он (Ленцнер) и Эльцин познакомили меня с Троцким, который и поручил мне редактировать некоторые тома его собрания сочинений: помню один том вышел под названием “Проблемы пролетарской революции”, один посвящен революции 1905 года, точное название не помню.

Указанные сочинения Троцкого вышли в издании Госиздата в 1925-26 гг.».

Речь идёт, соответственно, о следующих томах сочинений Троцкого: Том 2. Наша первая революция. Части 1 [32] и 2 [33]; Том 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции [34]. Вот как оценивал Троцкий работу Евсея как редактора тома 2:

«**От автора.** Самое существенное о составе и характере настоящего тома сказано шире в предисловии редактора этого тома т. Е. Кагановича. Мне остается только выразить ему здесь благодарность за проделанную им работу. Л. Троцкий. 19 марта 1925 года» [35].

А вот что написано автором в Предисловии к 12-му тому Сочинений:

«...Весь том подготовлен к печати и снабжен примечаниями тов. Е. Кагановичем, которому выражаю здесь свою искреннюю благодарность.

Л. Троцкий. 20 октября 1924 года» [36].

Сначала я думал здесь привести и те тексты, что написал Евсей в предисловиях к этим томам «От редакции», но потом решил, что это утяжелит рассказ. Их можно прочитать в этих томах в Интернете.

На допросах 1940-41 гг. Евсей повторял эти фамилии слушателей Института красной профессуры, иногда следователь «вытягивает» из него и другие фамилии. Так, в допросе от 8 ноября Евсей повторяет всё те же фамилии:

«...Я был связан с троцкистами:

1. СОЛНЦЕВ Юзик, отчество не знаю, преподаватель политэкономии в Московских высших учебных заведениях. Последний раз виделся с ним в Москве в 1929 году.
2. ПОЛАТНИКОВ[37], имя, отчество не помню, помню его был инициал «Н», окончил институт Красной Профессуры и преподавал в ВУЗах политэкономии.
3. ЭЛЬЦИН Виктор – работает преподавателем в ВУЗах историю, был административно выслан из Москвы.
4. ХАРИН окончил институт Красной Профессуры, экономист, работал в ВУЗах. Встреча была с ним последняя в 1929-1930 годах.
5. ЛИФШИЦ Борис – экономист. Имел последнюю встречу с ним в 1930 году.
6. ПАВЛОВ – экономист. Имел с ним встречу в 1930 году.
7. КРАСНЫЙ Совул – историк, умер в 1930 году.

Я назвал эти фамилии, с которыми часто встречался на нелегальных собраниях, как троцкисты...».

И далее в этом же допросе о редактировании томов сочинений Троцкого:

«В. Вы кем работали у Троцкого и в какие годы?

О. Троцкий привлек меня к работе его Секретариата для составления примечаний к некоторым томам собрания сочинений. Там я работал в период 1924-1927 годы.

В. Вы же не только писали примечания в собраниях-сочинениях Троцкого, но Вы их и редактировали?

О. Да, его тома сочинений я редактировал.

В. Какие тома Троцкого Вы редактировали?

О. Точно сказать не я могу. По-моему, один том «Проблемы пролетарской революции», а остальные два тома я не помню.

В. При каких обстоятельствах Вы познакомились с Троцким?

О. С Троцким я познакомился с ЛЕНСНЕР[38] – слушатель Красной Профессуры.

В. Личные встречи с Троцким после Вашего знакомства у Вас часто были?

О. Всего с ТРОЦКИМ я имел встреч раз 10.

В. А чем были вызваны эти встречи?

О. Изданием его сочинений и троцкистской работой того времени.

В. Вы часто бывали на нелегальных собраниях, где принимал участие и сам Троцкий?

О. Таких собраний, на которых я лично принимал участие и сам Троцкий, где обсуждался вопрос политического характера, а именно, обсуждались вопросы: троцкистской платформы, освещение внутривнутрипартийного положения и давал установку, как вести борьбу с партией было не много».

В допросе от 17 декабря 1940 г. следователь вновь возвращается к некоторым фамилиям и называет новые:

«В. А как Вы знакомы с ХАРИНЫМ Соломоном Михайловичем?

О. С ХАРИНЫМ я знаком как с активным троцкистом, встречи с ним имел до 1928 года, с того времени никаких связей не имею.

В. Кто такой ДИНГЕЛЬШТЕДТ (в тексте заминка) Федор?

О. Слушатель Красной профессуры, также участвовал в к-р организации троцкизма, потерял его в 1927 году.

В. А ЯКОВИН^[39] Григорий, ГОНИКМОН^[40] Соломон?

О. ГОНИКМОНА я не знаю. ЯКОВИН был активный троцкист.

В. Как Вы можете охарактеризовать БЕРЕЗИНА^[41] Николая?

О. БЕРЕЗИН Николай, я с ним близко не стоял, но он примыкал к троцкизму.

В. А ЛИВШИЦ Борис?

О. Встречался в 1928 году. Последний является одним из активных троцкистов.

В. ЭЛЬЦИН Виктор и КРАСНЫЙ Самуил? Где они?

О. Оба в 1928 году оба были высланы куда я не знаю. Высылались из гор. Москвы.

В. Кто такой КАПЛИНСКИЙ^[42]? Разве он не являлся троцкистом?

О. КАПЛИНСКИЙ стал троцкистом приблизительно с 1924 года.

В. Ваши знакомые СОЛНЦЕВ, ПАЛАТНИКОВ, ПАВЛОВ – это тоже троцкисты?

О. Троцкисты. В прошлом они все слушатели Красной Профессуры».

В допросе от 30 января 1941 г. появляется новая фамилия и создается твердое впечатление, что следователь пытается собрать обвинительный материал на этого человека. А зная его судьбу, это можно уверенно утверждать:

«В. Вы знакомы с КУБАНИНЫМ^[43] Михаилом Ильичем?

О. Я его знал как слушателя института Красной Профессуры, примыкавшего к троцкистской оппозиции с 1923 по 1927 год включительно. Отошел он от оппозиции на партийном собрании членов партии в Социалистической Академии непосредственно после 15 съезда партии.

В. В каком году Вы имели последнюю встречу с КУБАНИНЫМ?

О. Моя последняя встреча с КУБАНИНЫМ была в 1927 году в г. Москве на указанном партийном собрании.

В. В чем выражалось участие КУБАНИНА в троцкистской группе?

О. Я знаю, что КУБАНИН активно выступал на партийных собраниях в институте Красной Профессуры, как троцкист.

В. Следствие располагает данными, что с КУБАНИНЫМ Вы, как троцкист тоже имели связь. Это подтверждаете?

О. Я этого не помню.

В. КУБАНИН бывал на квартире Троцкого на тех совещаниях, которые посещали Вы?

О. Когда я бывал на совещаниях у Троцкого, тогда КУБАНИНА не было. Был ли он в мое отсутствие, это мне неизвестно.

В. А с ТРОЦКИМ лично он не был связан?

О. Об этом мне ничего неизвестно. Думаю, что нет.

В. ПЯТАКОВА КУБАНИН посещал квартиру?

О. Не знаю. Но, когда я бывал у ПЯТАКОВА, там КУБАНИНА тогда не было.

В. Следствие располагает данными, что КУБАНИН был связан с ПРЕОБРАЖЕНСКИМ, ЛЕФШИЦ[44] Борисом и ЭЛЬЦИНЫМ Виктором. Это верно?

О. Об этом я не могу сказать, не помню. Возможно, что и был связан. Я при встречах с названными мною лицами я от них никогда в разговоре фамилии КУБАНИНА не слышал и при мне он с ПРЕОБРАЖЕНСКИМ, ЛЕФШИЦ И ЭЛЬЦИНЫМ не встречался.

В. Следствию известно, что с КУБАНИНЫМ были связаны по антисоветской деятельности ряд известных Вам троцкистов. Фамилии назвать их можете?

О. Не помню. Прошло уже много лет с того времени, когда мне было известно о его связях.

В. Вы, КАГАНОВИЧ, говорите неправду. Следствие располагает данными, что будучи слушателем ИКП, входили в троцкистскую группу вместе с КУБАНИНЫМ. Правду говорить Вы будете?

О. Я входил в троцкистскую группу совершенно в другую, куда КУБАНИН не входил. Об этом следствию я дал подробные показания. Но, что КУБАНИН тоже был участником троцкистской группы, об этом я знал.

В. Когда в квартире Троцкого на антисоветских сборищах, на которых участвовали Вы, обсуждали вопрос как дальше вести борьбу против генеральной линии партии, разве Троцкий не называл фамилий, кто и где должен вести троцкистскую работу?

О. На этих собраниях про КУБАНИНА не было речи и я его у Троцкого не видел.

В. Скажите КАГАНОВИЧ, что Вам вообще известно о КУБАНИНЕ?

О. О КУБАНИНЕ я сказать ничего не могу, сталкивался с ним я редко, с ним в одной группе я не бывал. О роли его в троцкистской группе я уже Вам сказал.

В. Кто возглавлял ту группу троцкистов, в которой находился КУБАНИН?

О. Кто возглавлял ту группу троцкистов и кто входил в ее, кроме КУБАНИНА, я не знаю».

Похоже, что «усилия» следователя «накопать» дополнительный компромат на Кубанина, успехом не увенчались. Но это не помешало расстрелять его 13 октября 1941 г. Так что мой дядя был не единственным «врагом» наряду с немцами, к тому времени уже подошедшими к Москве.

В допросе от 4 марта 1941 г. снова называются эти фамилии и появляются новые:

«В конце 1923 года я был с курсов марксизма, при содействии ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, направлен в ИКП на экономическое отделение. Тогда же, при содействии ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, в ИКП с курсов марксизма были направлены и другие троцкисты, в частности ЭЛЬЦИН, ЛЕНЦНЕР и ПАЛАТНИКОВ.

К моменту моего прихода в ИКП уже существовала значительная троцкистская группа, с которыми я и связался по троцкистской деятельности, а именно:

СОЛНЦЕВЫМ – работал после окончания ИКП преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы и научным сотрудником Социалистической Академии, в 1927 году посылался в командировку в Америку, в 1929 году из Америки возвратился и в этом же году за троцкистскую деятельность был исключен из ВКП(б) и выслан;

ХАРИНЫМ – работал преподавателем в ВУЗ-ах гор. Москвы, в 1927 году был исключен из ВКП(б) за троцкистскую деятельность, подвергнулся высылке, откуда примерно в 1929 году возвратился в г. Москву, был восстановлен в партии и работал опять преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы.

ЛИВШИЦЕМ Борисом – работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы, в 1927 году исключен за активную троцкистскую деятельность, в 1928 году был выслан, а в 1929 году из ссылки возвратился в Москву обратно и восстановился в партии, в последний раз имел с ним встречу в 1930 году в институте Маркса-Энгельса;

ПАВЛОВЫМ Иосифом Моисеевичем – работал преподавателем– заведующим кафедрой политэкономии в Институте Востоковедения, с 1927 по 1929 год вместе с СОЛНЦЕВЫМ находился в командировке в Америке, после возвращения работал в какой-то (какой не знаю) хозяйственной организации, в последний раз имел с ним встречу на его квартире. Там же в это время были ХАРИН и ПАЛАТНИКОВ. Это было в 1930 году;

ДИНИГИЛЬШТЕДТОМ Федором – работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы, в 1928 году был исключен из партии, арестован и выслан за троцкистскую деятельность, после чего я с ним встреч не имел;

КРАСНЫМ Саулом – преподавал в ВУЗ-ах г. Москвы, после окончания ИКП работал научным сотрудником Института Маркса-Энгельса, в 1927 году за троцкистскую деятельность был исключен из партии и в 1928 году арестован и выслан в ссылку в г. Казань, в 1930 году возвратился в г. Москву больным и вскоре умер. Надо отметить, что похороны КРАСНОГО троцкистами были использованы в своих троцкистских целях – были организованы похороны превратившиеся в троцкистскую вылазку, где выступали с замаскированными контрреволюционными троцкистскими речами РАДЕК, РЯЗХАНОВ кто-то еще, но я сейчас не помню кто именно. На этих похоронах КРАСНОГО я тоже присутствовал;

ЯКОВИНЫМ (имя и отчество не помню) – работал преподавателем, в 1927 году исключен был из партии, в 1928 году подлежал аресту, но от ареста скрылся, некоторое время скрывался в частности в доме троцкиста КАПЛИНСКОГО, затем он вскоре был установлен и арестован, а затем выслан. С того времени я ЯКОВИНВ нигде не встречал;

ГИНГОРИНЫМ[45] (имя и отчество не знаю) – был слушателем ИКП и одновременно работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы. В 1928 году выехал из г. Москвы, кажется, и с того времени я с ним встреч не имел;

БЕРЕЗИНЫМ (имя и отчество не помню) – был слушателем ИКП и работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы, насколько я помню, он, кажется, отошел от троцкистов в 1927 году;

КАПЛИНСКИМ Юрием Исааковичем – слушатель ИКП, одновременно работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы, после окончания ИКП работал в ВСНХ зав. Отделом, в 1927 году исключен из ВКП(б) за троцкистскую деятельность, в 1928 году за эту же деятельность высылался, по возвращению из ссылки в 1929-30 гг. был восстановлен в партии. С ним я имел встречи до 1931 года, т.е. до высылки меня из Москвы;

ВЛАДИМИРОВЫМ Владимиром[46] – слушатель ИКП и одновременно работал преподавателем в ВУЗ-ах г. Москвы, в 1928 году дважды арестовывался за троцкистскую деятельность, а затем был выслан, возвратился обратно в г. Москву в 1929 году и работал в Институте Маркса-Энгельса научным сотрудником. Имел с ним встречи до момента моего ареста.

Кроме этих названных мною, лиц я в ИКП был связан и с другими троцкистами по троцкистской деятельности, но фамилии их я теперь не могу припомнить. Постараюсь восстановить эти фамилии в памяти и назвать их при следующих допросах».

В допросе от 6 марта 1941 г. появляются новые фамилии слушателей Института красной профессуры, то ли троцкистов, то ли нет:

«В. На предыдущем допросе Вы заявили, что восстановите в памяти и назовете еще ряд троцкистов, с которыми были связаны по контрреволюционной деятельности за время вашего пребывания в институте Красной Профессуры. Восстановили?

О. Пока нет. Хотя, вспомнил одного. Это – АЙЗЕНБЕРГ[47]. С ним я был тоже связан по троцкистской деятельности. Он был тогда слушателем И.К.П. и преподавал одновременно в ВУЗ-ах г. Москвы. Принимал участие в редактировании сочинений ТРОЦКОГО и был лично связан с последним. В 1926 году после окончания ИКП АЙЗЕНБЕРГ из г. Москвы выехал на работу в один из городов Советского Союза. С тех пор, т.е. с 1926 года я его не встречал.

В. Возможно еще кого-либо вспомнили из своих троцкистских связей по институту?

О. Нет, сейчас я больше никого не могу вспомнить. Виноват, вспомнил еще одного троцкиста по И.К.П. – КУБАНИНА (имя не знаю). Знал его как троцкиста до 1927 года включительно. Он был слушателем ИКП. Надо сказать, что с КУБАНИНЫМ я не был связан по троцкистской деятельности, но он был безусловно троцкист.

В. Как же так, Вы с ним не были связаны по троцкистской деятельности и в то же время знали его как троцкиста? Объясните.

О. Как троцкиста я его знал по его выступлениям на собраниях, а также и потому, что он голосовал в период борьбы партии против троцкизма, за троцкистов, против линии партии и ЦК партии, но к нашей троцкистской группе, в которую я входил, он не входил.

В. Следовательно при институте в то время существовало несколько троцкистских групп. Так это?

О. Об этом мне неизвестно.

В. Еще кого из троцкистов Вы знали по Институту?

О. ГОНИКМАН (имя не знаю) – слушатель ИКП, а также преподавал в ВУЗ-ах г. Москвы. Знал его как троцкиста до 1926 года, а затем он в 1926 году по окончанию института был направлен на работу вне г. Москвы и с тех пор мне о нем ничего не было известно.

В. Кого еще знали из троцкистов по институту?

О. Кроме названных мною, никого не могу припомнить.

В. А разве с АЛЬТЕРОМ[48] Исааком Вы не были в институте связаны по троцкистской деятельности?

О. Я его знал, как слушателя Института и как троцкиста, но организационно по совместной троцкистской деятельности я с ним не был связан.

В. ГОРДЕЕВА[49] Григория Вы знали?

О. ГОРДЕЕВА Григория я знал только как слушателя ИКП, по троцкистской деятельности с ним не был связан и, был ли он троцкистом, не помню.

В. Не, не помните, а пытаетесь скрыть?

О. Скрывать я его не хочу, но я не помню, чтобы он был троцкистом.

В. А о принадлежности к троцкистам ЖАКОВА [\[50\]](#) Михаила тоже не помните?

О. ЖАКОВА Михаила я знал как троцкиста, но организационно с ним по троцкистской деятельности связан не был.

В. Возможно теперь Вы вспомните и о принадлежности к троцкистской группе в ИКП таких лиц, как ВАЙСБЕРГ [\[51\]](#) Роман, ГОЛЬДЕНБЕРГ [\[52\]](#) Элькон и СТОПАЛОВ [\[53\]](#) Григорий?

О. Знаю их, как слушателей Института, но совершенно не могу вспомнить ничего об их троцкистской деятельности и об их принадлежности к троцкистской группе в Институте.

В. Вы не помните, а пытаетесь скрыть свои троцкистские связи и тем самым спасти от разоблачения троцкистские кадры [\[54\]](#). Следствие требует от Вас назвать всех лиц, с которыми Вы были связаны в Институте по совместной к-р троцкистской деятельности?

О. Я утверждаю, что о троцкистской деятельности ВАЙСБЕРГА, ГОЛЬДЕНБЕРГА и СТОПАЛОВА я ничего не знаю, а также не помню об их принадлежности к троцкистской группе в Институте».

Так случилось, что во время написания этого текста к нам приезжала моя племянница Лена – внучка Евы, младшей сестры моего отца и Евсея. Она вспомнила, как бабушка «ругалась» на Евсея: «И зачем он только связался с этим Троцким». И я подумал, в самом деле, не был бы он в оппозиции, был бы всегда верен линии партии, или, как говорится «колебался вместе с линией партии», может, и остался бы, жив и успешен, как например, его бывшие коллеги по Институту красной профессуры ставшие академиками: Павел Федорович Юдин и Марк Борисович Митин (Гершкович), продолжал бы работать в Институте Маркса и Энгельса, ставшего к тому времени Институтом Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ). Глядишь, поучаствовал бы и в издании сочинений не «врага народа» Троцкого, а «вождя и учителя» Сталина. Правда в этом случае пришлось бы подождать до сороковых годов, да и участие было бы анонимным: везде составитель там обозначен как ИМЭЛ. Не любил, видно, «великий вождь», чтобы рядом с ним ещё кто-то «светился». Но, видно, не судьба...

В то же время продолжалась и обычная жизнь. В 1923 году Евсей окончил Курсы марксизма-ленинизма при Социалистической академии и сразу же продолжил учёбу в Институте красной профессуры. В 1925 году Евсей окончил Институт красной профессуры. Надо заметить, что сравнительно немногие из тех, кого посылали учиться в ИКП, успешно завершали учёбу. Так в статье Л.А. Козловой «Комплектование Института красной профессуры, 1920-е годы» приводятся такие сведения: Всего с 1921 по 1930 гг. в ИКП училось 3588 человек, а окончило за эти годы всего 335 человек. В 1925 году, соответственно, обучались 217 человек, а окончили 53 человека. И одним из этих 53-х был Евсей. А нужда в новых преподавателях и учёных была большая. И Евсей сразу становится заведующим кафедрой политической экономии в Институте востоковедения им. Н. Нариманова, и одновременно читает лекции ещё в двух вузах: Институте народного

хозяйства им. Г.В. Плеханова и Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Одновременно он также занимается научной работой. Кажется, в этом же году он женится на женщине с ребёнком – Елене Ивановне Михайловой (не знаю, это её девичья фамилия, или фамилия первого мужа).

Но продолжается и бурная общественная жизнь, поэтому продолжим чтение «собственноручных показаний»:

«По мере обострения внутрипартийной борьбы, Троцкий стал энергичнее привлекать оппозиционеров из Института красной профессуры к троцкистской работе. Это выразилось в следующих фактах:

а) в усилении открытых публичных выступлений на партийных собраниях с защитой троцкистских взглядов. В частности я выступал на собраниях партячейки Социалистической Академии, Института красной профессуры и Института Народного хозяйства имени Плеханова;

б) в большем привлечении коллектива оппозиционеров из Института красной профессуры (Каганович, Солнцев, Харин, Палатников, Лившиц, Красный, Павлов, Дингельштедт) к обсуждению внутрипартийного положения и выработке троцкистской тактики. В таких случаях, Троцкий приглашал нас к себе в Главконцесском [\[55\]](#), где делал нам доклады, по которым ставились вопросы и обменивались мнениями. Иногда на этих собраниях присутствовали, кроме Троцкого, Преображенский, Пятаков, Радек и Смилга, с которыми, таким образом, оппозиционеры из Института красной профессуры и познакомились;

в) оппозиционеры из ИКП (и я в том числе) привлекались для выполнения различных поручений фракционного характера. Так, например, готовились тезисы для выступлений троцкистских докладчиков, писались статьи, которые распространялись подпольным путем, подбирались и обрабатывались материалы для составления платформы троцкистской оппозиции. В частности мною написан разбор с оппозиционной точки зрения одного из докладов тов. Молотова (точно содержания статьи не помню). Это относится к 1926 или началу 1927 г. Мною же разрабатывались материалы к платформе оппозиции по рабочему вопросу.

Троцкисты из ИКП (фамилии указаны мною выше) привлекались также и к подпольной троцкистской работе по организации троцкистских ячеек на предприятиях города Москвы, по распространению троцкистской платформы, по активной агитации и пропаганде троцкизма в учреждениях и на предприятиях города Москвы».

Читаешь и думаешь, вот так нормальная дискуссия о путях развития страны под влиянием уже прошедших в стране чисток, процессов и репрессий воспринималась уже их участником как что-то преступное. И ещё: вот же человек обо всё подробно рассказал, так что же вы его мучаете одни и теми же вопросами на допросах.

Для представления о том, что происходило в то время и кто были те деятели, которые были упомянуты выше, приведём краткие сведения о событиях и лицах (за исключением Троцкого, фигура которого, на мой взгляд, общеизвестна):

В 1920-е гг. в СССР разворачивается острейшая идейно-политическая борьба по вопросам социалистического строительства. Лидеры и теоретики партии по-разному представляли темпы и методы строительства социализма. В центре разногласий стоял вопрос о том, можно или нельзя построить социализм в одной стране. Оппозиция начала формироваться в ходе внутрипартийной борьбы в период болезни Ленина и особенно после его смерти в январе 1924 г. 15 октября 1923 г. сорок шесть советских и партийных работников, старых членов РКП(б), подписали обращение в Политбюро ЦК РКП(б), вошедшее в историю как «Заявление 46-ти». С этого письма фактически началась история левой оппозиции внутри компартии. Линия борьбы проходила между Троцким и его сторонниками (в том числе подписавшимися под «Заявлением 46-ти»), с одной стороны, и Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками – с другой. В «Заявлении 46-ти» говорилось об установлении в партии режима фракционной диктатуры, о подавлении любого инакомыслия под благовидным предлогом сохранения единства партии. Октябрьский пленум ЦК и ЦКК РКП(б) 1923 г. осудил это выступление. Под давлением партийных низов, где уже давно складывались оппозиционные группировки, была открыта дискуссия о внутрипартийной демократии. В газете «Правда», редактором которой тогда был Бухарин, публиковались статьи, как сторонников большинства ЦК, так и представителей оппозиции. Начала дискуссию статья Зиновьева «Новые задачи партии» («Правда» от 7 ноября 1923 г.). В декабре 1923 г. Троцкий опубликовал в «Правде» цикл статей под названием «Новый курс». Собравшаяся в январе 1924 г. XIII партийная конференция осудила взгляды Троцкого, Преображенского, Пятакова, Радека и других членов оппозиции. Они были обвинены во фракционности и нарушении резолюции X съезда РКП(б) 1921 г. «О единстве партии», а также в «социал-демократическом» (то есть в меньшевистском) уклоне. Борьба с троцкистами (как были тогда названы сторонники левой оппозиции) была продолжена и на состоявшемся в мае 1924 г. XIII партийном съезде. В декабре 1924 г. вокруг Троцкого завязалась новая «Литературная дискуссия». Ситуация с оппозицией обостряется в 1925 г. В апреле этого года в Москве проходит XIV партконференция. В прозвучавшем на ней докладе председателя Совнаркома Рыкова «О кооперации» и в принятом по нему постановлении провозглашается принципиально новая политика в деревне. Постановление распространяет на деревню отношения НЭПа, существовавшие до этого преимущественно в городе: частное производство, торговля, использование наемного труда и сдача в аренду земли. Каменев и Зиновьев рассматривают это как смягчение классово-борьбы, как непрерывное отступление перед капиталистическими элементами и подвергают критике слева концепцию Бухарина о мирном вращении частного капитала и зажиточного крестьянина в социализм. Они порывают с близким Бухарину Сталиным, формируя «Новую оппозицию». Бывшие враги: Троцкий – с одной стороны, Каменев и Зиновьев – с другой, – становятся союзниками. «Новая оппозиция» критикует концепцию построения социализма в одной стране и широко пропагандирует свои взгляды, особенно в партийной организации Ленинграда, где Зиновьев является председателем Ленсовета. С декабря 1925 г., в ходе широкой полемики с «Новой оппозицией» накануне XIV съезда ВКП(б), выясняется, что большинство коммунистов осуждает ее идеологические установки. XIV съезд ВКП(б) (последний съезд партии, на котором велись свободные дискуссии, декабрь 1925 г.) заявляет, что для построения социалистического общества в СССР имеются все необходимые политические и экономические условия, и даже в обстановке задержки мировой революции полная победа социализма в стране будет обеспечена. В феврале

1926 г. Ленинградская губпартконференция отстраняет зиновьевское руководство и избирает новый губком во главе с Кировым. В 1926 г. «Новая оппозиция» объединяется с троцкистами и создает троцкистско-зиновьевский антипартийный блок. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 г. троцкисты и зиновьевцы выступили с совместным «Заявлением 13-ти» – развернутой платформой блока. Пленум осудил их действия и вывел Зиновьева из состава Политбюро ЦК. В октябре 1926 г. Президиум ИККИ (Исполнительный комитет Коммунистического интернационала) снял Зиновьева с поста председателя Исполкома Коминтерна. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (октябрь 1926 г.) вывел Троцкого из состава Политбюро ЦК. XV конференция ВКП(б) (1926 г.) указала, что блок является выражением социал-демократического уклона в партии, а его платформа – отход от классовой линии пролетарской революции в важнейших вопросах международной и внутренней политики. 27 сентября 1927 г. пленум ИККИ исключил Троцкого из своего состава, а Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в октябре 1927 г. исключил Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. Последним публичным выступлением оппозиции стало участие в демонстрациях по случаю 10-летия Октябрьской революции 7 ноября 1927 г. На совместном заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) 14 ноября 1927 г. Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. отметил полный разрыв оппозиции с ленинизмом, перерождение ее в меньшевистскую группу; объявил принадлежность к троцкистской оппозиции несовместимой с принадлежностью к ВКП(б); одобрил исключение из партии Троцкого и Зиновьева, а также исключил из партии ещё 75 активных деятелей троцкистской оппозиции и 23 членов группы Сапронова. Резолюция съезда «Об оппозиции» поручала ЦК и ЦКК «принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппозиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции». В феврале 1929 г. Троцкий был выслан из страны. Разгромив левый блок, руководство партии вскоре само сдвигается влево и приступает к свертыванию НЭПа. После XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) в связи с принятием первого пятилетнего плана утверждается планово-распределительный механизм управления, ускоряются и без того высокие темпы индустриализации, начинается наступление на капиталистические элементы города и деревни. По сути, сталинское руководство партии и страны взяло на вооружение методы, осуждённые как троцкистские. Далее о ведущих троцкистах.

Преображенский Евгений Алексеевич (15 февраля 1886 – 14 июля 1937) – член РСДРП с 1903 г., до революции вёл партийную работу в разных городах. С осени 1909 г. находился в ссылке в Иркутской губернии. С марта 1917 г. – товарищ председателя Читинского совета. В 1917-1918 гг. – кандидат в члены ЦК партии. С мая [1918](#) г. председатель президиума Уральского обкома РКП(б). В [1920](#)—[1921](#) гг. - секретарь ЦК партии и член Оргбюро ЦК. В [1924](#)-1927 гг. - заместитель председателя [Главного концессионного комитета](#), член Коллегии Наркомата финансов СССР. [13 октября 1927](#) г. исключён из партии «за организацию нелегальной антипартийной типографии». В январе [1928](#) г. выслан в [Уральск](#), где работал в плановых органах. В [1929](#)—[1930](#) гг. Преображенский — сотрудник [Госплана Татарской АССР](#). Летом [1929](#) г. вместе с [К. Б. Радеком](#) и [И. Т. Смилгой](#) направил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором открыто заявил об идейном и организационном разрыве с [троцкизмом](#). В январе [1930](#) г. Преображенский был восстановлен в партии и назначен заместителем председателя Нижегородского краевого

планового комитета. С [1932](#) г. член Коллегии Наркомата лёгкой промышленности СССР. [26 января 1933](#) года был вновь арестован как член подпольной организации и исключён из ВКП(б). Особым совещанием при [ОГПУ](#) был приговорён к 3 годам высылки; однако написал покаянное заявление и в декабре того же года был восстановлен в партии. Окончательно Преображенский был исключён из ВКП(б) в [1936](#) году и [20 декабря](#) 1936 г. вновь арестован. [13 июля 1937](#) приговорён к смертной казни. Расстрелян. В [1988](#) г. посмертно реабилитирован.

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (6 августа 1890 – 30 января 1937) - учащимся реального училища участвовал в событиях Революции 1905 – 1907 гг. в Киеве; примыкал к анархистам. В 1907 – 1910 гг. - студент экономического факультета Петербургского университета; в 1910 г. вступил в студенческую социал-демократическую организацию; в том же году исключён из университета за революционную деятельность. По возвращении в Киев с 1911 г. член, с 1912 г. секретарь Киевского комитета РСДРП. Будучи ранее неоднократно арестован, в 1912 был арестован вновь; в 1914 вместе с [Е.Б. Бош](#), ставшей его женой, сосланы в Иркутскую губернию, откуда в октябре этого года бежали и через Японию перебрались в Швейцарию. С 1915 г. Пятаков в сотрудничестве с [В.И. Лениным](#) редактировал журнал "Коммунист". После Февральской революции 1917 г. из Норвегии вернулся в Россию, но на границе из-за фальшивого паспорта был арестован, препровождён в Петроград, затем в Киев. В июле 1918 г. на 1 съезде Коммунистической партии (большевиков) Украины был избран секретарём ЦК КП(б)У. В ноябре 1918 г. вошёл в состав Украинского революционного военного совета, который разработал план и провёл подготовку к наступлению Красной армии на Украине. С ноября 1918 до января 1919 г. — глава [Временного рабоче-крестьянского правительства Украины](#). В 1920—[1923](#) [годах](#) руководитель Центрального управления угольной промышленности [Донбасса](#), председатель [Главного концессионного комитета](#). С [1922](#) года — заместитель председателя Госплана. В 1923-1927 гг. – зам. Председателя ВСНХ СССР. С [1923](#) [года](#) активный сторонник троцкистской оппозиции. На [XV съезде ВКП\(б\)](#) был исключен из партии как деятель троцкистской оппозиции. В [1928](#) [году](#) после заявления об отходе от оппозиции, был восстановлен в партии. В 1927 г. руководитель торгового представительства СССР во Франции. В 1928 г. был назначен заместителем Председателя Госбанка СССР, а весной [1929](#) [года](#) — Председателем Правления Госбанка СССР. Полтора года спустя неудачи в проведении первого этапа кредитной реформы стали причиной отстранения Пятакова от должности председателя. В 1930-1936 гг. – член ЦК ВКП(б). С 1930 г. член Президиума, в 1931—1932 гг. - заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1932—1934 гг. — заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР, а в 1934—1936 гг. 1-й заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР. Арестован в 1936 г. На процессе так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.) Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1988 г.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (31 октября 1885 - 13 мая 1939) – уроженец Лемберга (Львова), Австрия, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения (Польша, Германия). В 1919—24 член ЦК РКП(б). В 1920—24 член (в 1920 секретарь) Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет “Правда” и “Известия”. С 1923 г. Радек — активный сторонник [Л. Д. Троцкого](#). В [1927](#) [году](#) исключён

из ВКП(б) и [Особым совещанием при ОГПУ](#) приговорён к 4 годам ссылки и выслан в Красноярск. В 1930 г. вместе с группой других троцкистов направил в ЦК [ВКП\(б\)](#) письмо, в котором открыто заявил об идейном и организационном разрыве с [троцкизмом](#), был восстановлен в партии. В 1936 г. вновь исключён из ВКП(б) и арестован. На процессе так называемого «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.) Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к 10 годам тюрьмы. Был убит в Верхнеуральском политизоляторе работниками НКВД по прямому указанию Сталина и Берии. Реабилитирован в 1988 г.

Смилга Ивар Тенисович (20 ноября/3 декабря 1892 – 12 марта 1938) - окончив реальное училище, в 1909 – 1910 гг. учился в Московском университете. Член РСДРП с 1907, большевик. В 1914 – 1915 гг. член ПК РСДРП. Неоднократно арестовывался, ссылался. На 7-й Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 г. был избран членом ЦК и был в составе ЦК до 1920 г. Участвовал в гражданской войне в качестве члена Реввоенсовета и командующего армией и фронтом. С 1921 по 1923 г. – заместитель председателя ВСНХ и начальник Главного управления по топливу. С осени 1923 г. – заместитель председателя Госплана СССР. В 1924—1927 годах — директор Института народного хозяйства им. Плеханова. В начавшейся после смерти [В. И. Ленина](#) внутрипартийной борьбе Смилга поддерживал [Л. Д. Троцкого](#), хотя и возражал против создания [Трудовых армий](#). В 1927 году, как активный участник троцкистской оппозиции, был снят со всех постов и исключён из ВКП(б). [Особым Совещанием при ОГПУ](#) Смилга был приговорён к 4 годам ссылки и выслан в [Минусинск](#). В 1930 г. вместе с группой других троцкистов направил в ЦК [ВКП\(б\)](#) письмо, в котором открыто заявил об идейном и организационном разрыве с [троцкизмом](#), был восстановлен в партии. Вновь вошёл в Президиум ВСНХ и был назначен заместителем председателя Госплана СССР. В декабре 1934 года после убийства [С. М. Кирова](#) вновь исключён из ВКП(б) и арестован. Осуждён на десять лет тюремного заключения и отправлен в Верхне-Уральский политизолятор, где провёл три года и заболел брюшным тифом. Весной 1938 года возвращён в Москву и содержался во внутренней тюрьме НКВД, неоднократно подвергался допросам с применением жестоких пыток, но виновным себя не признал и показания давать отказался. 12 марта 1938 года [Военной коллегией Верховного Суда СССР](#) приговорён к расстрелу за «участие в троцкистской контрреволюционной террористической организации». Приговор приведён в исполнение в здании Военной коллегии. Был реабилитирован в 1987 г.

Но продолжим наше «увлекательное» чтение:

«После того, как объединенная оппозиция была идейно и организационно разбита Партией накануне XV съезда ВКП(б), внутри оппозиции начался большой идейный разброд. Часть оппозиции, и я в том числе, не была согласна с теми крайними формами борьбы, которые всё более и более начала практиковать троцкистско-зиновьевская оппозиция. Я имею в виду антисоветскую демонстрацию в 10-летие Октябрьской революции[56], демонстрацию при похоронах Иоффе[57] и проводах Смилги[58] и, наконец, самим фактом существования обособленной и враждебной Партии и Советской Власти подпольной троцкистской организации.

Я лично тяжело переживал те крайние формы борьбы, до которых дошла оппозиция. Я больше с оппозицией не мог идти по этому пути. Однако, порвать с оппозицией

немедленно у меня не хватило мужества. Я пошёл на исключение из партии после XV партсъезда^[59].

И вот после того, как лидеры оппозиции были уже исключены из Партии и сосланы, и я сам оказался вне партии, передо мною стал резко вопрос: что делать? Я стал убеждать моих ближайших товарищей по троцкистской работе: Лившица, Солнцева, Палатникова, Харина, Павлова, Красного и др. в неправильности и контр-революционности занятой нами позиции и необходимости прекратить борьбу и капитулировать перед Партией. Со мной согласился один Харин, другие троцкисты из ИКП продолжали настаивать на необходимости продолжения контр-революционной работы против Партии. Несмотря на то, что я и Харин посетили в тот момент Пятакова для совета на его квартире и он одобрил необходимость капитуляции перед Партией, я всё же не решился один на этот шаг.

Таким образом, не будучи уже согласен с троцкистской деятельностью периода после XV съезда партии, я по инерции ещё продолжал сохранять связь с активными троцкистами, как Яковин, Лившиц, Красный, Палатников и продолжал им помогать в руководстве подпольной троцкистской работой. Это относится к периоду начала 1928 года. Я тогда работал по ученой линии в Институте Маркса и Энгельса. В апреле 1928 года наряду с другими активными троцкистами, ещё не сосланными и оставшимися на свободе, был ОГПУ арестован и заключен во внутреннюю тюрьму».

Дело 1928 года

В день ареста Евсея до рождения его дочери и моей двоюродной сестры Люси оставалось 46 дней.

Вот передо мной копии документов этого ареста:

Ордер № 2600 от 11 апреля 1928 г. на арест и обыск, подписанный небезизвестным Генрихом Ягодой, как зам. Председателя ОГПУ;

Протокол от того же дня об обыске и задержании (почему-то без подписей, возможно, отсутствует 2-й лист) с непонятной записью о конфискуемом;

Анкета № 2429 для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ. Анкета заполнена Евсеем в тот же день. 2-я часть, заполняемая администрацией места заключения, не заполнена;

Протокол допроса от 21 апреля 1928 г., также заполнен Евсеем, и машинописная копия этого же документа.

15 мая 1928 г. дело Кагановича Е.А., обвиняемого по статье 58/10 УК, было рассмотрено Особым Совещанием при ОГПУ, и он был приговорён к ссылке в Воронежскую губернию сроком три года. Это следует из имеющейся копии Выписки из протокола. О дальнейших событиях читаем в «собственноручных показаниях»:

«В тюрьме, продумав путь оппозиции и куда он ведет, я твердо решил порвать с оппозицией и подал соответствующее заявление. Я был освобожден в июле 1928 года и после этого подвергся ожесточенным нападкам со стороны оппозиционеров, которые ещё

не были сосланы и ходили на свободе, например, Полина Виноградская[60] и другие, которых я сейчас не запомню».

В документе об освобождении – Выписке из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 17 мая 1928 г. сказано:

«Во изменение прежнего постановления – Когановича[61] Евсея Абрамовича из под стражи ОСВОБОДИТЬ, дело прекратить и сдать в архив».

Продолжим чтение:

«Я был в том же 1928 году восстановлен в партии и продолжал работать в Институте Маркса и Энгельса и в вузах, где я преподавал: Институт Востоковедения имени Нариманова, Институт народного хозяйства имени Плеханова и Академия коммунистического воспитания имени Крупской.

В 1929/30 гг. многие оппозиционеры из моих товарищей по ИКП, после подачи ими заявлений о капитуляции, стали возвращаться в Москву. Сюда относятся такие лица, как Борис Лившиц, Владимиров[62], Палатников, а также знакомые мне Тер-Ваганян[63], Преображенский и другие, с которыми в Институте Маркса и Энгельса мне приходилось встречаться и разговаривать, но политических отношений с этими лицами у меня уже не было. Я целиком посвятил себя педагогической и ученой работе, а также выполнению партийных поручений, которые возлагались на меня в Институте Маркса и Энгельса: я был избран кандидатом в члены Партбюро Института Маркса и Энгельса и Председателем месткома Института Маркса и Энгельса».

Казалось бы всё окончилось благополучно и вновь потекла обычная нормальная жизнь. Но, оказывается «органы» ничего не забывают, и, в допросах вновь и вновь обращаются к этому периоду, «убеждая» Евсея в том, что он де был неискренен с партией, оставался по-прежнему троцкистом. Вот как это выглядит в допросе от 4 апреля 1941 г.:

«В. Когда вы были исключены из ВКП(б) за троцкистскую к-р деятельность?»

О. В первый раз я из ВКП(б) был исключен за троцкистскую деятельность и за неподчинение решениям 15 съезда ВКП(б) в декабре 1927 года. Как известно, 15 съезд ВКП(б) потребовал от троцкистов полного идейного и организационного разоружения и отказа от своих троцкистских взглядов. Я, как и многие другие троцкисты, отказался подчиняться решениям 15 съезда ВКП(б) и за это парторганизацией Хамовнического района г. Москвы из ВКП(б) был исключен.

В. Стало быть, вы отказываясь подчиниться решениям 15 съезда ВКП(б) выполняли установки исходящие от троцкистского руководящего центра?

О. Да, я поступал в соответствии с установками троцкистского руководящего центра.

В. А когда вы обратно, после исключения из ВКП(б) вошли в партию?

О. В июле 1928 г. Я был восстановлен в члены партии Московской контрольной партийной комиссией. Тогда мною было подано заявление, в котором я писал о своем

полном подчинении решениям ВКП(б), признании целиком взглядов троцкистской оппозиции (?[64]) и о полном разрыве с троцкизмом.

В. Это заявление вами было подано тоже по установке троцкистского руководящего центра?

О. Это заявление было попыткой с моей стороны искренне и серьезно порвать с троцкизмом и перейти на партийные позиции.

Мой отход от троцкизма вызвал озлобление среди троцкистов связанных со мною по троцкистской контрреволюционной работе. Они меня признали изменником. Припоминаю такие факты: троцкистка Полина ВИНОГРАДСКАЯ (жена ПРЕОБРАЖЕНСКОГО), работая со мною в Институте Маркса-Энгельса в 1928 году, и вторично в 1929 году открыто в стенах Института выступала и осуждала меня за подачу мною заявления, обвиняя в раскольничестве и самостийности.

Я также слышал (от кого не помню, но кажется от той же ВИНОГРАДСКОЙ или даже от ЛИВШИЦА Бориса), что последний из ссылки написал на меня в ГПУ заявление, в котором обвинял меня в неискренности моего заявления и моего отхода от троцкизма, а в 1929 году ПАЛАТНИКОВ после возвращения его из ссылки при встрече со мною на улице в г. Москве прямо мне заявил, что я за свой индивидуальный отход от троцкизма еще поплачусь

Борис ЛИВШИЦ в 1929 году или 1930 году при встрече со мною в курилке Института Маркса-Энгельса с озлоблением заявил, что я поступил как штрейкбрехер, а не как сторонник идейного течения. Тогда же он сказал:

«Мы – последователи троцкизма возвращаемся в партию организованно и пройдя ссылку».

Об этих фактах травли меня троцкистами я тогда заявил секретарю парт. ячейки Института Маркса-Энгельса КОЗЛОВУ.

Также должен заявить, что после восстановления меня в партии я в течение 3-х лет, также с июня (?) [65] 1928 г. по февраль 1931 г. никакой троцкистской деятельности не вел.

В. При восстановлении вас в партию вы в своем заявлении на имя МКК скрыли известную вам контрреволюционную работу троцкистского подпольного центра и установки на создание широко разветвленной подпольной организации?

О. Да, об этом я ничего не говорил.

В. Стало быть скрыли?

О. Выходит, что скрыл.

В. Следовательно ваши показания о том Что Вы подавая в 1928 году заявление о восстановлении вас в партии хотели искренне и серьезно порвать с троцкизмом являются ложными?

О. Нет, я их не считаю ложными. Я просто в 1928 г. поступил не последовательно, т.е. я тогда искренне хотел порвать с троцкизмом, но в то же время я признаю, что действительно скрыл при восстановлении меня в партию известную мне троцкистскую контр-революционную деятельность.

В. Вы поступили не последовательно, а как троцкистский двурушник. А это двурушническая тактика и являлась тактикой контр-революционной троцкистской организации, после 15 съезда ВКП(б) особенно. Признаете?

О. Я признаю себя виновным в этом в той части только в том, что при восстановлении меня в партию в июле 1928 года, я полностью не разоружился и не сообщил партии все факты моей к-р троцкистской деятельности и троцкистской подпольной контрреволюционной организации за период до апреля 1928 года

В. А как вы иначе назовете такое поведение?

О. По существу это мое поведение конечно являлось поведением троцкистского двурушника, но я тогда это не ощущал как двурушничество, т.к. мне казалось, что ГПУ все известно о подпольной деятельности троцкистов, в том числе и о моей.

В. Вы и теперь на следствии ведете себя как троцкистский двурушник. Вас восстанавливал в партию кто? ГПУ или партия?

О. Партия.

В. Кто требовал от вас полного идейного и организационного разоружения, как одного из главных условий пребывания в партии?

О. Партия.

В. Почему же вы обманывали партию и скрыли от нее свою троцкистскую деятельность и работу вашей подпольной троцкистской организации?

О. Полностью и до конца я не разоружился и все известные мне факты моей троцкистской деятельности и работы подпольной троцкистской контрреволюционной организации я не сообщил партии при восстановлении меня в ВКП(б). Это я признаю.

В. Стало быть двурушничали. От кого вы получили такие установки?

О. Установок на двурушничество я не получал.

В. Из ваших же показаний видно, что после восстановления в партию вы продолжали поддерживать троцкистские связи. Признаете?

О. После восстановления меня в партии я встречался с ВЛАДИМИРОВЫМ, СОЛНЦЕВЫМ, ХАРИНЫМ, ПАВЛОВЫМ, ПАЛАТНИКОВЫМ и ЛИВШИЦЕМ. Эти мои встречи не носили после моего восстановления в партии характера троцкистских встреч, а просто были встречами знакомых и они большей частью носили случайный характер.

В. А разве квартирных встреч не было?

О. На квартире я был только один раз у ПАВЛОВА вместе с ХАРИНЫМ. Это было в 1930 году после возвращения ПАВЛОВА из Америки.

В. Это следовательно было троцкистское собрание на квартире ПАВЛОВА?

О. Нет, я и ХАРИН посетили ПАВЛОВА как своего хорошего знакомого на его новой квартире. На какой улице была его квартира я не помню. Это было ночью, посетил я ПАВЛОВА по приглашению ХАРИНА. Пробьли мы у ПАВЛОВА около часа. Никаких вопросов политического, тем более троцкистского характера, там не обсуждалось. Помню ПАВЛОВ чрезмерно восторгался богатствами Америки, на что я ему даже сделал замечание.

В. А разве ПАВЛОВ вас не информировал о своих встречах за границей с ТРОЦКИМ?

О. Это я категорически отрицаю. Заявляю, что никаких вопросов политического, тем более контр-революционного характера, у меня с ПАВЛОВЫМ при этой встрече не было. Эта встреча была просто встречей хороших знакомых.

В. Вы даете ложные показания о характере своих встреч с троцкистами. Вы же сами признали, что эти встречи не были случайными, в частности ЛИВШИЦ Борис при одной из встреч с Вами информировал вас, что троцкисты «возвратились в партию организованно». Вы подтверждаете эти свои показания?

О. Утверждаю, что с троцкистами я встречался случайно и эпизодически как с знакомыми. Эти встречи не носили контрреволюционного характера. Что же касается моего разговора с Борисом ЛИВШИЦ относительно организованного возвращения троцкистов в партию, то я этого разговора не отрицаю. Он имел место, но я о нем сообщил секретарю парторганизации института Маркса-Энгельса КОЗЛОВУ, также как и о других троцкистских выпадах против меня.

В. Как вы поняли заявление ЛИВШИЦА, об организованном возвращении троцкистов в партию?

О. Я уже показал, что ЛИВШИЦ Борис тогда, т.е. в 1929 г. или в 1930 г. упрекал в безидейном отходе от троцкизма говорил, что они – троцкисты возвратились в партию организованно, как идейное течение. Отсюда, - я его понял, что троцкисты не разоружились перед партией, а идут в партию сохраняя свои троцкистские взгляды.

В. И что же вы предприняли? Вы разоблачили двурушническую тактику троцкистского подполья?

О. Я рассказал секретарю парторганизации КОЗЛОВУ, что меня троцкисты травят, мер к разоблачению двурушнической тактики троцкистов я не принял, так как не сделал должной оценки заявлению ЛИВШИЦА и не оценил его значения.

В. Это не так. Не разоблачили вы троцкистскую тактику двурушничества не потому, что не сделала должной оценки, а только потому, вы сами являлись в партии двурушником и тактика двурушничества была вашей тактикой

Признаете это?

О. Я признаю, что и в последний период моего пребывания в ВКП(б) я до конца не изжил троцкистских взглядов. Но я не был троцкистским двурушником сознательно и этого я не хотел».

Копал, копал следователь по фамилии Баскаков, очень ему хотелось «прикрепить» к Евсею такое привычное и даже, я бы сказал, любимое всеми этими «правоохранителями» словечко «двурушник». Это слово любил повторять их главный пахан, тот, что звался «вождём и учителем». Так например, его выступление на одном из пленумов ЦК в 1937 г. было издано под таким заголовком: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»[\[66\]](#)

Дело 1931 года

Продолжим чтение нашей печальной повести под названием «Собственноручные показания»:

«В 1931 году, работая в Институте Маркса и Энгельса, поддавшись антипартийному влиянию Д.Б. Рязанова[\[67\]](#), который оказывал всяческое покровительство бывшему меньшевику И.И. Рубину[\[68\]](#), работавшему в качестве заведующего кабинетом политической экономии, я, поверив в искренность лояльности И.И. Рубина у Советской власти, в одном из разговоров с ним, со слов Рязанова, как-то сказал ему о возможности его ареста. Так как Рубин в это время вел интенсивную меньшевистскую работу, о чем я, конечно, ничего не знал, то получилось, что его предупредил о возможном аресте. За это мое преступление я был ОГПУ арестован и осужден на 5 лет заключения в концентрационный лагерь (Темниковские лагеря) с последующей заменой лагеря административной ссылкой в город Пермь».

Сначала мне показалось, что это, так сказать, «одиночное дело», случайно «свалившееся» на Евсея. Затем я познакомился с некоторыми публикациями об академике Дмитрие Борисовиче Рязанове и стало ясно, что это скорее дело Рязанова-Кагановича в связи с арестом Рубина. Когда же я познакомился с некоторыми томами этого большого дела (58 томов!) под названием: Дело «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», то понял, что это не так. Дело это известное – один из первых сталинских фальсифицированных так называемых «открытых» процессов. Вот что пишет об этом процессе в своей книге о Сталине Рой Медведев:

«Через несколько месяцев после процесса «Промпартии» в Москве состоялся еще один формально открытый судебный политический процесс — по делу так называемого «Союзного бюро» ЦК РСДРП (меньшевиков). Обвинялись четырнадцать человек: В. Г. Громан[\[69\]](#), член Президиума Госплана СССР; В. В. Шер[\[70\]](#), член правления Государственного Банка; Н. Н. Суханов[\[71\]](#), литератор; А. М. Гинзбург[\[72\]](#), экономист; М. П. Якубович[\[73\]](#), ответственный работник Наркомторга СССР; В. К. Иков[\[74\]](#), литератор; И. И. Рубин, профессор политэкономии и другие. Председателем суда на этот раз был Н. М. Шверник, одним из государственных обвинителей — Н. В. Крыленко. Обвиняемых защищали И. Д. Брауде[\[75\]](#) и Н. В. Коммодов[\[76\]](#). Преобладающая часть обвиняемых в прошлом действительно входила в партию меньшевиков, но именно в прошлом. По данным обвинения, однако, все они в 20-е годы тайно вступили вновь в эту партию, образовав ее подпольный центр в СССР.

Подсудимые обвинялись во вредительстве, особенно при составлении государственных планов: сознательно занижали их, чтобы задержать развитие промышленности и сельского хозяйства. Согласно обвинительному заключению, между «Союзным бюро», «Промпартией»[\[77\]](#) и «ТКП»[\[78\]](#) существовало тайное соглашение об организации интервенции и вооруженных восстаний. Некоторые из пунктов обвинения были прямо направлены против Д. Б. Рязанова, в начале 30-х годов директора Института Маркса — Энгельса — Ленина. Крупный теоретик и историк марксизма, Д. Б. Рязанов был известен своим отрицательным и даже пренебрежительным отношением к Сталину.

Все подсудимые признали себя виновными и дали подробные показания о своей вредительской деятельности. Суд приговорил их к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет»[\[79\]](#).

И далее:

«Ужесточение режима в стране, массовые репрессии против зажиточных крестьян, нэпманов, «буржуазной» интеллигенции сопровождалось ужесточением режима и внутри партии. Так, например, вскоре после процесса «Союзного бюро» был исключен из партии, а затем арестован Д. Б. Рязанов, организатор и первый директор Института Маркса — Энгельса — Ленина. Еще до революции он по поручению Германской социал-демократической партии начал издание Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Работу эту продолжил в Москве. В 20-е годы в партии не было лучшего знатока истории марксизма. К Сталину он относился с иронией и даже сарказмом и не скрывал этого. Не случайно поэтому фамилия Рязанова прозвучала в фальсифицированных показаниях на процессе «Союзного бюро»[\[80\]](#).

А вот как об этом пишет исследователь жизни и творчества академика Рязанова Я. Рокитянский:

«Генсек решил связать арест Рязанова с показательным процессом бывших меньшевиков. Он прекрасно понимал, что проведение открытого судебного процесса над ненавистным ему ученым и правозащитником невозможно, поскольку Рязанов мог публично легко опровергнуть лживые обвинения. Поэтому Сталин решил учинить расправу без открытого судебного разбирательства с помощью Особого совещания при коллегии ОГПУ. Он решил заставить одного из обвиняемых на показательном процессе сотрудника ИМЭ И.И. Рубина сделать лживый донос на Рязанова. После ареста этого известного историка экономической мысли в ночь с 23 на 24 декабря 1930 г от него стали требовать не только признаний в том, что он был членом несуществующего Союзного бюро меньшевиков, но и обвинить Рязанова в том, что тот, якобы, взял у него на хранение документы зарубежного руководства меньшевистским движением. В течение нескольких недель И.И. Рубина, переведенного в Суздальский политизолятор, пытали и мучили по методике Сталина, применяя самые изощренные пытки и издевательства, заключение в карцер, представлявший собой каменный мешок в человеческий рост, запрет спать, бесконечные допросы и угрозы арестовать жену и т.д. (здесь автор даёт ссылку на того же Р. Медведева)»[\[81\]](#).

«Открытый» процесс был можно сказать своего рода надстройкой – 14 обвиняемых, а в закрытой части, в делах, решаемых коллегией ОГПУ, были ещё десятки людей,

которые «формировались» в некие группы «Дело к-р вредительской организации меньшевиков в хозяйственных и кооперативных учреждениях С.С.С.Р.» (в том числе фигурируют Госплан СССР и Центросоюз) – 67 человек и, кроме того, были освобождены от ответственности ещё 16 человек; «Дело военной организации» и т.п. Были и «одиочные дела».

Интересно, что следственные документы по делу Евсея почему-то находятся в томе 26 вместе с некоторыми делами тех, кого ОГПУ рассматривало, так сказать, в непосредственной связи с теми, кто проходил по «открытому» процессу, но дела Рязанова там нет.

Вот какие документы по этому «второму» делу Евсея имеются:

1. Ордер № 9332 от 17 февраля 1931 г. на арест Кагановича Е.А., подписанный всё тем же Генрихом Ягодой. Забеленная в копии фамилия сотрудника в подлиннике читается как Кветышев. Зачем забелили - это загадка, ведь 70 лет прошло;

2. Протокол обыска и ареста. На обороте подлинного протокола есть запись: Производил обыск комиссар Оперода, подпись неразборчива, М... Подпись Е.А. Кагановича, положенная по форме, отсутствует;

3. Анкета для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ от 11 апреля 1931 г. Запись в анкете противоречит первым двум документам, так как в ней указана дата ареста 14 февраля;

4. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Е.А. КАГАНОВИЧА, от 16 февраля 1931 года.

По вопросу о И.И. РУБИНЕ показываю: За несколько дней до его ареста вечером в Кабинет Политической Экономии, где я тогда находился, пришел Д.Б. Рязанов и начал со мною разговор в связи с концертом, устроенным в том день месткомом Института.

Несколько спустя РЯЗАНОВ взволнованно мне заявил, что положение с РУБИНЫМ И.И. ухудшается и предстоит его арест. Я не могу сейчас припомнить все детали разговора по этому поводу, но основное свелось именно к этому. Затем РЯЗАНОВ сказал, что арест РУБИНА скомпрометирует весь Институт. Продолжая разговор, РЯЗАНОВ дал мне ясно понять, чтобы я передал РУБИНУ о нависшей для него угрозе ареста. Я решил, что действительно должен поговорить с РУБИНЫМ, желая скорее толкнуть его на разрыв с меньшевизмом, поскольку мне казалось, что он стоит накануне этого.

Через некоторое время в беседе с РУБИНЫМ, я ему сказал, что в ближайшее время состоится его арест и что это должно скомпрометировать весь Институт. В ответ РУБИН мне заявил, что невероятно.

Настоящим признаю, что совершил тяжкий анти партийный поступок, рассказав РУБИНУ о готовящемся его аресте. Моя вина усугубляется еще тем, что я знал из «Правды» о принадлежности РУБИНА к контр-революционной группировке СУХАНОВА, но поверил РУБИНУ в его заявлениях, что это неверно, что он давно отошел от меньшевизма и никакого отношения к Сухановской группе не имеет.

Записано с моих слов правильно – Е. КАГАНОВИЧ.

ДОПРОСИЛ: п/Нач. ЭКУ ОГПУ – ГАЙ.

Нач. 3 ОТД. ЭКУ ОГПУ – ДМИТРИЕВ.

5. Постановление об избрании меры пресечения от 25 апреля 1931 г., в котором указано:

«Я опер. Уполном. 3 отд. (далее неразборчивая аббревиатура, возможно ЭКУ) ОГПУ (фамилия в копии замазана), рассмотрев дела № 102976 по обвинению Кагановича Е.А. и др. установил, что Каганович Е.А., являясь зам. зав. Кабинетом политической экономии Института Маркса и Энгельса, предупредил Рубина о его предстоящем аресте, чем способствовал уничтожению Рубиным директивных писем заграничного ЦК РСДРП, а потому, принимая во внимание, что следствием это доказано, постановил привлечь Кагановича Евсея Абрамовича в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58/4 ст. ст. Угол. Кодекса и избрав меру пресечения уклонения от следствия и суда Дальнейшее содержание под стражей.

Оперуполномоченный Зего п/д ОГПУ подпись неразборчива.

Настоящее постановление мною объявлено Е. Кагановичу 26 апреля 1931 г.

Согласен: п/Нач. 3 отделения Апресян.

Утверждаю: Зам. Нач. 3 отд. ОГПУ Маранов»;

6. Протокол допроса от 26 апреля 1931 г., ответы на вопросы в стандартной форме которого записаны рукой Евсея (они были приведены ранее, в начале). Далее следует часть протокола, заполненная, судя по всему, рукою Е.А. Кагановича, начало со слов на форменном бланке: Показания по существу дела*

Я согласен с тем, что под влиянием Рязанова и вследствие потери классового чутья я поверил Рубину, его личным и публичным заявлениям, а также его письменному заявлению в «правду», что он уже давно порвал с меньшевизмом, что он в основном согласен с политикой коммунистической партии, под влиянием этого настроения, я, чтобы оказать наиболее сильное давление на Рубина и заставить его до конца и в письменной форме порвать с меньшевизмом, передал ему сообщение Рязанова, что возможен арест Рубина в ближайшее время.

Категорически протестую против предъявленного мне обвинения в том, что я заведомо знал, что Рубин является членом РСДРП и является участником контр-революционной организации, что он хранит документы в кабинете политической экономии.

Я сделал величайший анти-партийный поступок без злого умысла, под влиянием Рязанова и из нелепой мысли, что можно переубедить Рубина и толкнуть его в сторону коммунизма.

Я искренний и честный коммунист, что доказывается всем моим революционным и партийным прошлым. Свои расхождения с партией я ликвидировал в июне 1928 г. и с тех

пор я был твердым и искренним сторонником генеральной линии партии и ее вдохновителя т. Сталина.

Я прошу ОГПУ и партию простить мой идиотский поступок, который может быть объяснен только моим интеллигентским поведением (догадка, неразборчиво) и потерей классовой чуткости. Я прошу ОГПУ направить мое дело в партийном порядке и я клянусь всей своей самоотверженной работой на пользу социалистического строительства искупить мою случайную вину.

Прошу пощадить преданного партии коммуниста, у которого на шее трое нетрудоспособных иждивенцев – теща и двое малолетних детей.

Е. Каганович.

Оперуполномоченный Краснушкин.

* Протокол допроса должен заканчиваться словами записано с моих слов верно, прочитано, подпись допрашиваемого. Это, очевидно, не сделано, потому что текст протокола написан самим допрашиваемым.

7.3 А К Л Ю Ч Е Н И Е

Апреля 28 дня 1931 г. я, Оперуполномоченный 3-го Отд. ЭКУ ОГПУ КРАСНУШКИН, рассмотрев следующее дело № 102976 на КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича, арестованного 14.2 с/г. и содержащегося в Бутырском изоляторе, обвиняющегося по 58-4 ст. УК

Н А Ш Е Л

что КАГАНОВИЧ, являясь Зам. Зав. кабинетом политической экономии в Ин-те К. Маркса и Ф. Энгельса, 11/ХП-30 г. предупредил члена Союзного Бюро ЦК РСДРП РУБИНА И.И. – Зав. названным кабинетом, зная, что РУБИН является членом РСДРП, об его предстоящем аресте, чем способствовал уничтожению РУБИНЫМ ряда директивных писем заграничной делегации ЦК РСДРП (Показания РУБИНА от 1/П-с/г. и КАГАНОВИЧА от 16/П-с/г.).

Следственными материалами инкриминируемое КАГАНОВИЧУ преступление доказано, почему –

П О С Т А Н О В И Л

Дело в отношении КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича, 1896 г., урож. г.. Гомель, гр-на РСФСР, сына служащего, члена ВКП(б) с 1917 г., обвиняющегося по 58/4 ст. УК, поставить на рассмотрение Коллегии ОГПУ.

Оперуполномоченный (Краснушкин)

«СОГЛАСЕН» п/НАЧ 3-го ОТД. ЭКУ Д. Апресян (за нач. Дмитриев)

«УТВЕРЖДАЮ» ЗАМ. НАЧ. ЭКУ ОГПУ (Миронов^[82])

8. Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 10 мая 1931 г.:

«СЛУШАЛИ: Дело № 102976 по обвин. гр. КАГАНОВИЧ Евсея Абрамовича по 58/4[83] ст. УК

Дело рассм. в пор. пост. През. ЦИК СССР от 9/6-27 г.

ПОСТАНОВИЛИ: КАГАНОВИЧ Евсея Абрамовича заключить в концлагерь, сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 17/2-31 года»;

9. Выписка из протокола заседания Колл. ОГПУ (судебное) от 2 декабря 1931 г.

«СЛУШАЛИ: Пересмотр дела № 102976 КАГАНОВИЧ Евсея Абрамовича, приг. пост. Кол. ОГПУ от 10/м-31 г. к заключению в концлагерь, сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 17/2-31 г.

ПОСТАНОВИЛИ: Во изменение прежнего постановления КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича выслать через ПП ОГПУ на Урал в г. Пермь на оставшийся срок»

(в описании всех документов сохранены орфография, сокращения и аббревиатуры подлинников).

Надо сказать, что когда читаешь протоколы допросов Евсея и заключение оперуполномоченного Краснушкина, начинаешь догадываться, почему дело Рязанова в каком-то другом томе. Ведь, если сопоставить, то, что в них говорится, с тем, что пытались приписать Рязанову, то сразу заметно противоречие между ними. Рязанова обвиняли в том, что он будто бы получил от Рубина на хранение документы заграничного центра меньшевиков, а Евсея – в том, что он предупредил Рубина об аресте и тем самым дал ему возможность эти самые документы уничтожить.

Из слов Евсея явствует, что между двумя решениями о его судьбе он находился в концлагере – Темниковских лагерях, а затем в декабре 1931 г. возвращён в Москву в связи с пересмотром дела.

Надо сказать, описание этих событий, данное Евсеем в его собственноручных показаниях, не во всём совпадают с их описанием в других источниках, которые я приведу далее. Это может быть объяснено как положением Евсея, находящегося под арестом уже по другому делу, так и незнанием им всех обстоятельств этого дела, в которых оказались замешаны не только те, кого он назвал.

Первый источник это рукопись Д.Б. Рязанова под названием «Мое показание»[84]. Он подготовил ее как письмо в Президиум ЦКК в форме судебного показания. Вот отрывки из него, касающиеся непосредственно Евсея:

«Так как состояние моего здоровья и возраст делают все более вероятной какую-нибудь фатальную случайность, то я решил уже теперь дать для суда истории ответ на те обвинения, которые стали мне известными после выхода из тюрьмы, по приезде в Саратов.

12 февраля вечером меня вызвал по телефону т. Сталин в ЦК и в присутствии т. Молотова предъявил мне письмо Рубина. В этом письме, адресованном мне, Рубин писал, что передал мне на хранение запечатанный конверт с документами по истории РСДРП. Я заявил, что никакого конверта с документами от Рубина не получал, что письмо его может быть только актом психически-больного, насмерть перепуганного человека. Тт. Сталин и Молотов ответили, что считают необходимым произвести обыск в Институте Маркса и Энгельса. Вслед за этим, по вызову т. Сталина, приехали тт. Менжинский и Прокофьев. В тот же вечер под руководством т. Прокофьева, которому я передал полученные в его присутствии ключи от несгораемых шкафов, – они хранились у моего секретаря, Г. Сухановой, – начался обыск в Институте Маркса и Энгельса. В ночь с 15 на 16 февраля я был арестован. Обыск в моей квартире произведен после моего ареста. Мне не был предъявлен ни один документ, по поводу которого требовались мои объяснения. Все время речь шла о «запечатанном конверте» и о предупреждении об аресте через т. Кагановича. Об этом же говорил со мной и т. Крыленко.

...

Изучив теперь показания Рубина, я сомневаюсь и в том, что его мог предупредить об аресте т. Каганович. Не только о возможности ареста Рубина, но и о его состоявшемся уже аресте, шли слухи задолго до действительного ареста. Об этом было заявлено даже на одном собрании в Комакадемии.

В Институте эти слухи усилились благодаря следующему инциденту. Это было еще в ноябре. Из ОГПУ (экономического отдела) по телефону обратились с запросом в канцелярию, служит ли в Институте Рубин и если да, то какой его адрес. Когда мне об этом передали, я поехал к т. Ягоде и указал ему на странность такого способа действий. Если Рубина собирались арестовать, то надо было это сделать более конспиративно.

С т. Кагановичем – членом бюро ячейки и заместителем Рубина по кабинету – я, конечно, говорил о возможности ареста, хотя оба мы были одинаково убеждены, что Рубин организационно с меньшевиками не связан. Когда я предложил Рубину подать заявление об отставке, я формально принял руководство кабинетом политической экономии на себя, но т. Каганович должен был вести всю организационную и административную работу по кабинету. Мы обсуждали и ряд других вопросов, связанных с редакционной работой Рубина. Меньше всего меня заботил и «волновал» вопрос о том, что арест Рубина может «компрометировать» кабинет политической экономии и тем более институт» который был так же мало застрахован от арестов, как и другие советские учреждения.

Повторяю, я теперь сомневаюсь, говорил ли даже т. Каганович с Рубиным о возможности его ареста, но если бы он даже совершил эту оплошность, то каким образом это можно, как сделал т. Крыленко, превратить в предупреждение об аресте с моей стороны?» (из текста убраны номера сносок, так как в публикации сами сноски отсутствуют).

Из статьи Я.Г. Рокитянского «Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.)», опубликованной в журнале «Отечественные архивы», 2008, № 4, с. 10-23 становится ясным, что Евсей стал невольным участником и жертвой провокации, затеянной Сталиным с целью уничтожения и Д.Б. Рязанова, и его детища – Института Маркса и Энгельса. Ещё более подробно Я.Г. Рокитянский пишет об

этом в своей книге – биографии Д.Б. Рязанова[85]. Вот как в книге со ссылкой на Виктора Сержа описывается разговор Рязанова со Сталиным: «В ту же ночь (12 февраля 1931 г.) Рязанов был вызван в Политбюро, и там у него произошла острая дискуссия со Сталиным. «Где документы?» - крикнул генеральный секретарь. Рязанов ответил резко: «Вы их никогда не найдете, если лишь сами не принесете их с собой»[86].

В книге в частности приводится такой факт:

«Выписка из протокола ЦКК ВКП(б) № 25 была немедленно отправлена в ЦК ВКП(б) Сталину. Вот текст сопроводительного письма: «Сов. Секретно. ЦК ВКП(б) Тов. Сталину 17 февраля 1931 г. Посылаю Вам постановление Президиума ЦКК ВКП(б) о Рязанове и Кагановиче Е.А. Приложение на двух листах. Сов. Секретно. Срочно. Тов. Поскребышеву. Спешка была вызвана тем, что вечером 17 февраля Сталин собирался провести решение об исключении Рязанова через Политбюро путем опроса его членов, т.е. без всякого обсуждения. В протоколе говорилось: «Опросом членов Политбюро от 17.И 31 г. 51/8. О Рязанове. Согласиться с решением Президиума ЦКК (см. приложение)»[87].

Забавно, что в письме Рязанов указан без инициалов, а Каганович с оными. Наверное, чтобы невзначай не спутали с Лазарем Моисеевичем. И ещё в письме Евсей упомянут, а в протоколе Политбюро – уже нет – мелкая сошка для такого органа. Но в то же время, Евсей, похоже, для этой сталинской провокации против Рязанова был удобной фигурой – бывший троцкист, так сказать, человек с сомнительной репутацией.

Упоминается Евсей и в протоколе проведенной 20 февраля очной ставки Рязанова с Рубиным:

«1) Вопрос Рубину И.И.: Предупредил ли Вас Д.Б. Рязанов о предстоящем Вашем аресте? 2) Ответ Рубина И.И.: Да, подтверждаю, что Д.Б. Рязанов мне сказал, что он следит за моим делом и мой арест возможен каждый день. Это же мне сказал мой помощник Каганович. 3) Вопрос к Рязанову Д.Б.: Подтверждаете ли Вы показания Рубина И.И.? 4) Ответ Рязанова Д.Б.: Никогда о предстоящем аресте Рубина И.И. не говорил, а Кагановичу действительно сказал...»[88].

И снова в допросах 1940-41 гг. следователи вновь и вновь возвращаются к этому делу, хотя, казалось бы, и наказание давно уже отбыто, и дело-то десятилетней давности, да и Рубин с Рязановым уже убиты другими чекистами, но повторяю: «органы» ничего не забывали и каждое лыко упорно вставляли вновь и вновь в строку. Вот, например, из допроса от 10 декабря 1940 г.:

«В. Перед Вашим арестом в 1931 г. Вы кого-либо из своих сообщников предупреждали об их аресте?

О. Никого из своих сообщников я не предупреждал о предстоящих арестах.

В. Вы неверно сказали. Следствие располагает точными данными, что лично Вы кое-кому из своих сообщников сделали предупреждение о предстоящих арестах. Говорить правду Вы будете?

О. Никого из своих сообщников я не предупреждал.

В. Вы снова говорите неправду. Вы РУБИНА предупреждали?

О. Я высказал мысль о возможности его ареста в 1931 году. Но это не имело абсолютно политической подкладки под собой, так как РУБИН политического общего со мной ничего не имел.

В. Откуда у Вас появилось такое предположение, что РУБИН подлежит аресту?

О. Это я высказал со слов быв. директора института Маркса-Энгельса РЯЗАНОВА, который расценивал положение РУБИНА как быв. меньшевика в прошлом, который может за собой повлечь арест, в силу того обстоятельства, что РУБИН как крупный в прошлом меньшевик публично в печати со своим меньшевизмом не порвал. Вот в таком духе и был разговор. Это было в 1930 году.

В. Этот разговор между Вами и РУБИНЫМ был искренним?

О. Самый настоящий искренний разговор.

В. Вы имели ввиду сказать РУБИНУ не это. Вы рекомендовали ему выступить в печати с целью замаскировать свои к-р убеждения по отношению к Соввласти и коммунистической партии. Это Вы подтверждаете?

О. Абсолютно ничего подобного.

В. КАГАНОВИЧ, зря Вы стараетесь выгораживать себя и других. Вас допрашивали по делу РУБИНА?

О. Меня допрашивали в Москве в ГПУ, и я там давал такие же показания, которые даю и Вам.

В. Нет, там Вы давали другие показания (показания зачитываются).

О. Не могу запомнить мои или нет, т.к. с того времени прошло уже 10 лет».

Это «копание» следователь с фамилией Катерли (так как фамилия довольно редкая, то хотелось бы выяснить: не родственник ли он известной писательнице из Ленинграда – Санкт-Петербурга?) продолжил и на следующем допросе 17 декабря 1940 г.:

«В. Когда и за что Вы подвергались административной высылке?

О. В 1931 году был осужден на 5 лет Коллегией ОГПУ заключения в Концлагерь, что спустя 11 месяцев было заменено ссылкой в гор. Пермь по делу РЯЗАНОВА, РУБИНА.

В. Разве Вы были осуждены только за это?

О. Да, за то, что я имел разговор об аресте РУБИНА, что мне стало известно со слов РЯЗАНОВА.

В. Не за это Вы были осуждены, а за контрреволюционную троцкистскую организацию. Верно?

О. Это было в 1928 году, я был арестован в Москве за участие в к-р троцкистской организации. Просидел 1,5 месяца и был освобожден. После чего по заявлению от отказе от троцкизма и был восстановлен в правах члена партии, каковым я и оставался до 1931 года. И после ареста в 1931 году я беспартийный, т.к. был исключен в связи с моим арестом. И в 1934 году я стремился себя восстановить, но мне в этом отказали.

В. Хотел сманеврировать?

О. Нет. Но принят не был ввиду моей неустойчивости.

В. Кто такой РУБИН?

О. РУБИН – зав. Кабинетом политической экономики института Маркса-Энгельса при ЦК ВКП(б), осужден в 1931 году за участие в подпольной к-р меньшевистской организации, осужден на 5 лет. РЯЗАНОВ Д. быв. директор института Маркса-Энгельса, осужден на 5 лет за защиту меньшевистских элементов и в частности за особое покровительство РУБИНУ». Здесь Евсей ошибается, так как Рязанов был приговорён Особым совещанием при коллегии ОГПУ 16 апреля 1931 г. к ссылке в Саратов сроком на три года[89].

Затем «эстафету» перехватывает начальник Катерли Баскаков и снова спрашивает о том же в допросе от 22 апреля 1941 г.:

«В. Когда и за что вы были вторично исключены из ВКП(б)?

О. В 1931 году в феврале я был арестован органами ГПУ и в связи с этим был вторично исключен из ВКП(б).

В. За что вы были арестованы в 1931 году?

О. Я в то время работал в институте Маркса-Энгельса в Москве научным сотрудником – помощником заведующего кабинета политэкономии. В то время в институте работали известные троцкисты Полина ВИНОГРАДСКАЯ, ТЕР-ВАГАНЬЯН, ВЛАДИМИРОВ и ещё один, фамилию которого я теперь не могу припомнить. С этими троцкистами я был до 1928 года связан по совместной троцкистской деятельности.

Там же в качестве заведующего кабинетом политэкономии работал меньшевик РУБИН, о котором мне со слов РЯЗАНОВА было известно, что он, якобы, отходит от своих меньшевистских взглядов и эволюционирует (выражение РЯЗАНОВА) в сторону ком. партии и что он, РЯЗАНОВ, хочет даже дать рекомендацию РУБИНУ для вступления в компартию, также как в свое время дал рекомендацию МАРТЫНОВУ[90] и ДЕБОРИНУ[91]. Лично при мне РУБИН ни когда своих меньшевистских взглядов не высказывал.

В 1930 году были арестованы в Москве ряд меньшевиков. В связи с этим встал вопрос о РУБИНЕ, в частности, о возможности его дальнейшего пребывания на работе в институте, причем РЯЗАНОВ встал в защиту РУБИНА.

Парторганизация института потребовала от РУБИНА публичного выступления о своем отношении к меньшевикам и меньшевизму. Он выступил, но бюро парторганизации этим выступлением его не удовлетворилось, и предложило дать заявление в «Правду» о

категорическом разрыве с меньшевизмом. РУБИН этого не сделал, а ограничился подачей заявления только на имя завкома института.

После этого РЯЗАНОВУ было предложено агитпропом ЦК ВКП(б) РУБИНА немедленно уволить с работы, что РЯЗАНОВЫМ после известного сопротивления и было выполнено.

За несколько дней до увольнения РУБИНА, при одной из встреч с РЯЗАНОВЫМ – последний мне сказал, при такой позиции, которую занял РУБИН его неизбежно ждет арест, что в свою очередь явится, и будет означать компрометацию руководства института.

При приемке мною дел у РУБИНА, желая оказать впечатление на РУБИНА, и заставить его подать заявление и отмежеваться от меньшевизма, я информировал РУБИНА о том разговоре, который я имел с РЯЗАНОВЫМ в отношении возможного его ареста. Он на это мне ответил, что такая перспектива для него не является новостью и на этом наш разговор с РУБИНЫМ был закончен. Вскоре, примерно через 2-3 недели РКУБИН был арестован.

В. Стало быть вы предупредили РУБИНА о предстоящем его аресте?

О. Да, я предупредил РУБИНА о возможном его аресте и за это я в 1931 году был арестован и осужден.

В. Следовательно и в этом случае вы себя проявили как троцкист двурушник?

О. В этом случае я совершил только недопустимый проступок, который приобрел характер уголовного преступления. Однако, я отрицаю связь этого моего преступления с троцкизмом в прошлом».

Но продолжим читать «Собственноручные показания»:

«В Перми я проработал в Областном краеведческом музее с декабря 1931 года по июнь 1932 г. В июне 1932 года я был направлен в ссылку в село Уват под Тобольском, где находилась целая колония ссыльных-троцкистов. Я поступил на работу в Уватский райпотребсоюз, а жил я в километрах в трех от Увата вместе с ссыльным троцкистом, бывшим комсомольцем, фамилию не помню, кажется, Леонов, и его молодой женой. В августе 1932 г. я был обратно возвращен в Пермь из села Увата. По своем прибытии в Пермь, я согласно обещанию написал открытку моему сожителю бывшему комсомольцу (фамилию его не помню) о моем благополучном приезде в Пермь и получил от него ответное письмо. Эта единичная переписка носила личный характер. На этом всякая связь моя с Уватом прекратилась».

Из текста осталось неясным кто, и в связи с чем, отправлял Евсея в ссылку из Перми за несколько тысяч километров на пару месяцев, и, соответственно, возвратил из ссылки. Упоминание о переписке, очевидно, было вызвано соответствующим вопросом следователя. Надо сказать, что к этому двухмесячному периоду следователи в допросах возвращались неоднократно, очень уж хотелось доказать, что и там Евсей «продолжал свою троцкистскую деятельность». Так в допросе от 27 декабря 1940 г. следователь обращается к этому периоду:

«...В. Кто вам писал письмо из Увата и когда это было?

О. Было одно письмо 1932 году получено мною от моего одножильца, с которым я жил в деревне (неразборчиво) не далеко от Увата. Фамилию его я не помню, бывш. комсомолец. Письмо носило чисто личный характер без политики.

В. Этот одножилец тоже был высланный? Троцкист?

О. Тоже административно высланный. Быв. троцкист.

В. Расскажите скрытую суть полученного от него вами письма?

О. Общий смысл письма его было таким. Он запрашивал, как я доехал и приехал ли я Пермь, устроился ли я на работу и просил ему ответить, что хорошего в Перми. Я потом в смысле работы я ему ответил. Что я в город Пермь приехал и думаю устроиться на работу. Больше с ним переписки не имел и с Уватом связи не имел.

В. А еще от кого письма из Увата?

О. Из Увата ни одного никаких писем я не получал.

В. И больше Вам это одножилец никаких писем не писал?

О. Больше писем от него я не получал (Он жил там с женой).

В. Кто такой «Серафим»?

О. Я не помню.

В. А кто такой Милеев [\[92\]](#)?

О. Не знаю. Не помню. Возможно с ним и сталкивался.

В. А писем вы от Серафима и Милеева разве не получали?

О. Нет, не получал. Кроме того письма, о котором я уже сказал вам.

В. Кто это ваш знакомый «Федя»?

О. НЕ знаю, не помню.

В. А «Федя» писал вам письма?

О. Нет, от «Феди» никаких писем я не получал его не знаю.

В. А с вами в адмвысылке «Федя», «Серафим» и Милеев не отбывали срок как троцкисты?

О. Не помню таких».

В допросе от 6 января разговор об этом периоде был продолжен:

«В. На допросе 27 декабря 1940 г. Вы показали, что в Увате вы имели только одного знакомого тоже высланного троцкиста, фамилии его не помнили, других знакомых у вас не было, и что от этого знакомого вы получили в 1932 году одно письмо о вашей поездке

в Пермь, других писем из Увата вы не получали. Показания в этой части вы дали правильно?

О. Да, правильно. Письмо я получил одно от троцкиста бывшего, жившего со мной в одной квартире в Увате, и от его больше писем я не получал, и вообще больше писем из Увата я не получал. Знакомые в Увате, в райпотребсоюзе были так-же троцкисты, с которыми я так-же имел беседы, как служебные, так и иного характера, тогда были беседы и на политические темы, с которыми я высказывался (неразборчиво) партийной линии.

В. Вы лжете. Следствие располагает данными, что будучи в ссылке вы продолжали вести к-р троцкистскую работу и в этом вы будете разоблачены, а сейчас вот зачитывается документ за 1932 год, поступивший на ваше имя в г. Пермь из Увата, которое вас изобличает во лжи в ваших показаниях. Теперь вы подтверждаете свою связь с троцкистами?

О. Нет, не подтверждаю. Еще раз подтверждаю, что кроме одного письма я из Увата не получал, а письмо, предъявленное мне, которое писал Серафим, я его не получал, в отношении Серафима я вспомнил, что это есть тот бывш. троцкист, который жил вместе со мной на квартире в деревне, фамилию его я не знал.

В. А кто он такой?

О. Это случайная личность. Я совершенно о нем ничего не знаю.

В. Сколько времени вы с ним вместе жили?

О. Два месяца на одной квартире в деревне около Увата.

В. Какое название деревни?

О. Не знаю

В. Милеева вы знаете?

О. Не помню.

В. Следствие вам предъявляет его записку из Увата, присланную вам. Теперь вы его вспомнили?

О. Такой записки я не получал от Милеева, не имею понятия.

В. Кто это на (неразборчиво) ваш знакомый «Федя» из Увата?

О. Не могу сказать. Это верно кто-либо из троцкистов, который был в то время в ссылке в Увате.

В. Вы от его получали письма?

О. Нет, не получал никаких писем.

В. Вы говорите не правду. Вам предъявляется его документ, полученный вами от его в г. Перми. Теперь свою связь с ним вы подтверждаете?

О. Такого письма я не получал.

В. Вы скрываете свою связь с теми троцкистами, с которыми вы находились в ссылке в Увате. Еще раз вам предлагаю рассказать следствию о своих к-р связях

О. Я ни чего не скрываю и политической связи с ссыльными троцкистами Увата я не имел».

Затем уже начальник Катерли Баскаков вновь возвращается к этому же периоду в допросе от 22 апреля 1941 г.:

«...В. Вы где отбывали наказание за это свое преступление?

О. Шесть месяцев я находился в Темниковском лагере, а затем заключение мне было заменено ссылкой. Ссылку я отбывал: два месяца в с. Увате того же района б. Тобольского округа, а остальное время до февраля 1936 года в г. Перми.

В. Находясь в ссылке, с кем из ссыльных троцкистов вы поддерживали связь?

О. Ни с кем связи из ссыльных троцкистов я не поддерживал.

В. Вы опять лжете. Троцкиста МИЛЕЕВА вы знали?

О. Да, знал с 1931 года. Встречался с ним в с. Увате в ссылке. По его словам он до ссылки проживал в г. Москве, где и кем работал он в Москве не помню. С ним я был знаком только по с. Увату и с ним несколько раз имел беседы на политические темы.

В. А разве после отъезда из Увата вы с ним связи не поддерживали?

О. Нет.

В. Еще кого из ссыльных троцкистов вы знали по ссылке в с. Увате?

О. Серафима ЛЕЛЕЕВА^[93] (фамилия может быть не точна, хорошо не помню). Он троцкист, бывший комсомолец. Откуда он прибыл в ссылку не знаю. С ним я жил на одной квартире. Заходил к нам также несколько раз на квартиру Федя – троцкист, кажется из Донбасса. Кроме этих ссыльных троцкистов я не помню, чтобы с кем либо еще из ссыльных троцкистов имел встречи.

В. Что за «беседы» на политические темы у вас были с указанными ссыльными троцкистами?

О. Обсуждались вопросы: кто прав – троцкисты или партия? Я им доказывал правоту партии, причем Серафим со мной был согласен, МИЛЕЕВ колебался, а Федя все время доказывал правоту троцкистов.

В. Стало быть и в ссылке вы продолжали свою троцкистскую работу, организуя троцкистские контрреволюционные сборища. Признаете?

О. Нет, не подтверждаю.

В. А как же вы назовете эти свои сборища, на которых выступали с доказательствами правоты к-р троцкизма?

О. Это были случайные беседы на политические темы.

В. Вы настаиваете, что после выезда из с. Уваты, вы не имели троцкистских связей со ссыльными троцкистами?

О. Да, настаиваю, если не считать двух писем, полученных мною в 1932 году от Серафима ЛЕЛЕЕВА и МИЛЕЕВА.

В. Вам предъявляется копия письма от 5 ноября 1932 года в адрес: г. Пермь, Урал. область, Главпочтамт, до востребования Евсею Абрамовичу КАГАНОВИЧУ. Письмо подписали: Серафим, МИЛЕЕВ и Федя. Это одно из трех писем, о которых вы говорите?

О. Да, это одно из этих писем.

В. Из содержания этого письма следует, что ссыльные троцкисты аккуратно Вас информировали о положении дел и что вы имели троцкистские связи не только с теми троцкистами, которых указали. Признаете это?

О. Это я отрицаю. Письмо это носит чисто бытовой характер и никакого политического, тем более контрреволюционного содержания в нем нет.

В. Тогда объясните, что означают такие места из этого письма:

«Настроение у всех паршивое... А сколько было надежд и как светло... Ребенок родился отчасти даже излишне здоровым, т.к. покрикивает, иногда весьма надоедливо, в особенности для моих ушей».

О. Я ему написал одно письмо. Почему он пишет два, не знаю. Что касается ребенка, то речь идет о родившемся у него ребенке, т.к. с ним жила его жена.

В. А следующее место из этого же письма, вы тоже отнесете к бытовому характеру?

«С твердой верой в наше будущее, с еще более укрепившейся надеждой на скорую окончательную победу социализма на земле! Примите мои наилучшие пожелания, пожелания большевику от большевика».

О. С моей точки зрения, это просто политическая декларация троцкиста.

В. Объясните в таком случае, почему эта «декларация» направлена именно к Вам?

О. Объясняю только тем, что я с авторами этого письма находился в одной ссылке и они меня уважали как старшего.

В. Вы и теперь будете отрицать вашу троцкистскую деятельность и ваши организационные троцкистские связи в период пребывания в ссылке?

О. Да, отрицаю».

Из этих допросов видно, как с одной стороны, следователи пытаются выдать из Евсея признание в продолжении так называемой «контрреволюционной троцкистской деятельности» в этот период, и как он, с другой стороны, сопротивляется этому.

Читаем «собственноручные показания» дальше:

«С тех пор, т.е. с августа 1932 года по февраль 1936 года я прожил в городе Пермь, работая в тресте «Уралзападлес» и Камгэстрое экономистом и редактором (техническим) Бюллетеня «Уралзападлес» (официальное издание треста). Я жил в одной квартире совместно с секретарем партячейки треста и Начальником спецсектора Гавриловым, который прекрасно знает, как я жил эти годы, т.е. 1932-1936 гг. Я ни с кем не поддерживал близких отношений из окружающих меня людей за исключением Зои Ивановны Куплевицкой, сотрудницей «Уралзападлеса», с которой был в интимной связи. Переписывался я только со своей женой Еленой Ивановной Каганович, неизменно проживавшей в городе Москве. Жена у меня больная, осталась с двумя детьми: моя родная дочь – Люся и пасынок Юра, и я напрягал все эти годы все силы, чтобы обеспечить семью материально и поэтому нес двойную нагрузку: работал экономистом и редактором бюллетеня треста «Уралзападлес». Единственный политический эпизод, случившийся со мной, за время пребывания в Перми – это мое выступление на открытом партийном собрании треста «Уралзападлес», после убийства тов. Кирова, с выражением возмущения по поводу этого кошмарного акта контр-революции. Будучи ссыльным, я не должен вовсе выступать. За эту мою ошибку я подвергся резкому осуждению в постановлении Пермского горкома ВКП(б), каковое было опубликовано в местной газете (кажется «Красная Звезда»), заметка о моем выступлении была помещена также в «Уральском Рабочем».

Никаких последствий для меня за мое выступление не последовало и ровно 15 февраля 1936 года, т.е. по истечении пяти лет моей ссылки, я был освобожден».

А следователь вновь пытается «выдать», хоть что-нибудь троцкистское. Из допроса 25 апреля 1941 г.:

«В. Вы в г. Перми проживали?

О. Да, я там отбывал ссылку с декабря 1931 года по июнь 1932 г., а затем с августа 1932 года по февраль 1936 года. С июня 1932 года по август находился, как я уже показывал, в с. Увате.

В. С кем из участников контрреволюционной троцкистской организации вы были связаны в период вашего пребывания в г. Перми?

О. Ни с кем. Утверждаю, что я там ни с кем из троцкистов не встречался и никого из троцкистов не знал.

В. Следствию известно, что вы в г. Перми на одном из собраний сделали замаскированное троцкистское выступление, в котором защищали троцкистских убийц. Подтверждаете?

О. Я действительно находясь в г. Перми, на открытом партийном собрании треста «Урал-Западлес» выступал, но не в защиту троцкистов, а с резким осуждением троцкистской террористической деятельности.

В. Кто еще из троцкистов выступал на этом собрании?

О. Выступал еще один троцкист, но я его не знал и не знаю. Он работал тоже в этом тресте. Фамилии его не знаю.

В. Вам зачитывается выписка из протокола собрания треста «Урал-Западлес» от 23/ХІІ-1934 года. Правильно зафиксировано в этом протоколе суть вашего выступления на этом собрании?

О. Признаю, что на этом собрании, в своем выступлении, я говорил, примерно следующее:

«Выступаю с большим возбуждением, что оппозиция, которую я когда-то идейно поддерживал, дошла до методов борьбы, грубо противоречащих программе и тактике компартии и марксизму-ленинизму».

Я не говорил, что эти методы не признаны ни одной политической партией, как это зафиксировано в протоколе собрания. Далее, я действительно говорил, что троцкисты – убийцы Кирова, были когда-то политическими деятелями. Это я относил только к бывшим вожакам бывш. оппозиции, т.е. к вдохновителям убийства КИРОВА, при этом я не называл их соратниками Ленина, как это зафиксировано в протоколе.

В. Стало быть, вы не только выступили на этом собрании с замаскированной защитой троцкистских убийц, но и как троцкистский двурушник?

О. Это я категорически отрицаю и не вижу оснований для обвинения меня в этом, именно в этот период».

После ссылки и до последнего ареста

Далее из «Собственноручных показаний»:

«Я из Перми выехал в Москву, к моей семье, надеясь, что мне будет разрешено проживание в городе Москве. Однако, в этом мне было отказано, и я получил паспорт в городе Малоярославце, в 120 километрах от Москвы. Несмотря на все мои хлопоты в Президиум ВЦИК, НКВД и Комиссии партийного контроля мне не удалось получить работу вблизи Москвы и мне было предложено выехать в провинцию. Я первоначально хотел было обратно вернуться к прежнему месту моей работы, т.е. в Камгэсстрой, в Перми, но мне это не было разрешено, так как Пермь – режимный город. Тогда я из Перми выехал в город Казань и поступил на работу в Республиканский краеведческий музей, ученым секретарем. Здесь по служебной линии чаще всего сталкивался с директором Музея Республиканцем (*это такая удивительная фамилия*)^[94], заведующим Историческим отделом Музея (фамилию забыл). Заведующим историко-бытовым отделом музея – женщина (фамилию не помню)».

Все эти подробности о личной жизни, окружении, общении и т.п. Евсей, очевидно писал, отвечая на вопросы следователя. С позиции нормального человека абсурдно выглядят как осуждение партийной властью его выступления с осуждением убийства Кирова - человеконенавистническая власть, очевидно, не допускала, что у ссыльного могут быть такие мысли, так и тот факт, что ссыльному в Перми можно было жить, а освобожденному из ссылки – нельзя.

Что касается решения Евсея ехать в Казань, то насколько я знаю со слов отца, там ему определённую помощь в устройстве оказал сослуживец отца по издательству «Власть советов», их тамошний представитель по фамилии Козаровицкий. В 1966 г. я поехал в командировку в Казань и там встретился с Козаровицкими, мужем и женой. Они мне много рассказывали о Евсее, его жизни там. Подробности я, увы, не помню. А привычки вести какие-то записи из-за своей в то время хорошей памяти, я не имел. Характерно, что Евсей не упоминает о Козаровицком, очевидно, не желая впутывать его в свои дела.

Продолжаем чтение «Собственноручных показаний»:

«Проработав здесь (в музее) до июля или августа месяца 1936 г., и, убедившись в том, что работа на посту ученого секретаря Музея, работа чисто политическая, что такая работа предполагает принадлежность к Партии и возлагает ответственность, которую я, как беспартийный, нести не могу, я подал заявление с просьбой освободить меня от работы. Меня уволили, и я некоторое время был без работы, так как устроиться было некуда. Наконец, я обратился в Комиссию советского контроля и в Комиссию по распределению рабочей силы при СНК ТАССР с просьбой помочь мне устроиться и через посредство этих организаций, я получил назначение в НКМП ТАССР на должность плановика с выездом в Камское Устье, на Алебастровый завод имени 9-го января. На этом заводе я проработал с декабря 1936 года по февраль 1939 г., отдав все свои силы на улучшение работы завода. Проработав в таком глухом месте (завод находится в 6-ти километрах от Камского Устья) два года и два месяца, я с радостью принял предложение Начальника Планового отдела НКМП ТАССР Киля (знавшего меня по работе на Алебастровом заводе, так как завод одно время входил систему НКМП ТАССР) перевестись на стеклозавод «победа труда», вблизи Казани. Меня с завода «9 января» администрация завода не хотела отпускать, но всё же я упросил меня уволить.

В феврале 1939 года я приехал из Камского Устья в Казань и поступил на стеклозавод «Победа труда». Здесь я проработал с февраля 1939 г. до дня ареста на должности Начальника Планового отдела. И здесь я все силы отдавал работе.

Моими знакомыми по служебной линии были почти все сотрудники Планового отдела НКМП ТАССР и все сотрудники Главной конторы стеклозавода «Победа труда», но ни с кем близких товарищеских отношений я не поддерживал.

Евсей Абрамович Каганович

Казань, 14 ноября 1940 года».

Эти рукописные страницы в деле не сопровождаются никаким документом следствия, поэтому не очень понятен их, так сказать, «процессуальный характер».

Когда я читал и переписывал эти строки, мне было мучительно больно: человек всю жизнь искренно старавшийся работать, говоря высоким стилем, «на благо своей Родины», вынужден в этом убеждать сталинскую гопоту, у которой всегда были совсем другие интересы.

Казалось бы, в этих «собственноручных показаниях» Евсей обо всём написал подробно, но следователи опять и опять спрашивают его о том, о чём, казалось бы, уже знают из этих рукописных страниц. Из допроса 25 апреля 1941 г.:

«...В. Где вы проживали после того, как отбыли ссылку?

О. Ссылка кончилась в феврале 1936 года и я выехал из г. Перми в г. Москву, где проживала моя семья. В гор. Москве мне разрешения на жительство не дали. Затем некоторое время жил в г. Малоярославце, но так как работы там не мог найти, то выехал обратно в г. Пермь, полагая остаться там на прежней работе. В Перми мне тоже не разрешили жить и я в апреле 1936 года выехал в г. Казань. В Казани я поступил на работу в республиканский краеведческий музей, где проработал 2-3 месяца в качестве ученого секретаря. В августе 1936 г. из музея уволился по собственному желанию и до декабря м-ца жил в Казани без работы. В декабре 1936 г. поступил работать на завод «9 января» в шести километрах от Камского Устья. Затем с 15 февраля 1939 г. и до ареста работал на стекольном заводе «Победа Труда» в с. Васильеве Юдинского района ТАССР в качестве нач. планового отдела.

В. Кто являлся директором музея в период вашей работы там?

О. РЕСПУБЛИКАНЕЦ [\[95\]](#).

В. Как давно вы с ним были знакомы?

О. С момента поступления моего в музей.

В. В музей на работу вы были приняты РЕСПУБЛИКАНЦЕМ?

О. Да.

В. Ему было известно, что вы являлись активным троцкистом и только что возвратились из ссылки?

О. Да, ему это было известно. Я ему представлял документы и лично рассказывал о своей прошлой активной троцкистской деятельности.

В. Работа ученого секретаря ведь не техническая. Так это?

О. Нет. Это работа научная и в первую очередь политическая.

В. И все же таки РЕСПУБЛИКАНЕЦ, зная вас как троцкиста, принял на работу?

О. Принял, хотя и знал, что я в прошлом являлся активным троцкистом. Он мне говорил, что вопрос о приеме меня на эту работу согласован с соответствующими организациями, с какими не говорил.

В. Кто еще содействовал вам в поступлении на эту работу в музей?

О. Никто.

В. Вам известно, что РЕСПУБЛИКАНЕЦ тоже являлся участником право-троцкистской организации?

О. Нет, я этого не знал. Я слышал после моего ухода из музея, что он был арестован, но за что не знаю.

В. Чем же иначе объяснить, что он вас устроил на ответственную научно-политическую работу?

О. Не знаю, я этого не могу объяснить.

В. Следствие считает, что это стало возможным только потому, что вы и РЕСПУБЛИКАНЕЦ были связаны по совместной контрреволюционной троцкистской деятельности. Признаете?

О. Это я отрицаю...».

Спрашивают Евсея и других лицах, с которыми он встречался в этот период:

«В. Вы работника музея Коробова С. Н.[\[96\]](#) знали?

О. Возможно такой работник музея был, но я его не помню.

В. Следствие располагает данными, что вы вместе с Коробовым высказывали к-р клевету на советскую власть. Это вы подтверждаете?

О. Нет, этого не подтверждаю, ни с кем и никогда я не имел контрреволюционных разговоров о советской власти. Коробова самого я не знаю» (допрос от 27 декабря 1940 г.);

«В. Кого вы имеет из своих знакомых в Удмуртской АССР?

О. Там имею я знакомого инженера Конотбаева[\[97\]](#), имя отчество его я не знаю, до 1938 г. с ним я работал в Камском Устье на заводе 9 января. Последний меня принимал к себе работать» (допрос от 12 февраля 1941 г.).

Отмечу, что до ареста в 1938 г., кажется, зимой Евсей нелегально приезжал из Казани в Москву и останавливался у нас на Арбате. Был он дня три. Помню, что приходили к нам его жена и дочка Люся (останавливаться у них он боялся). Ещё помню, что он с отцом подлогу разговаривали по ночам, а я всё время встречал в их разговоры, за что получил от Евсея два прозвища, которые помню до сих пор: «Иерихонская труба» - за громкий голос и «Точная историческая справка» - за то, что помнил всякие даты и события.

Отмечено это событие и в одном из допросов – от 12 февраля 1941 г. – но там, естественно, Евсей не говорит, что останавливался у нас, а рассказывает иную версию события:

«...В. У вас был обнаружен адрес: 1 Мещанская, 2 Крестовский переулок дом № 9, кв. 13. Левин Иван Иванович. Что это за Левин?

О. Этот адрес мне дал директор Стеклозавода, когда я ездил в Москву для остановки на три дня (неразборчиво) ездил в Москву в 1938 году с бухгалтером Демидовой этого-же завода и (неразборчиво) тоже бухгалтер.

В. Зачем-же вам было останавливаться по этому адресу, когда в Москве проживает ваша семья и жена?

О. В то время я не хотел встречаться с женой дабы не причинить жене не приятности поскольку мне было запрещено ездить в Москву, и запрещено там проживать, но директор не смотря на это меня в Москву командировал.

В. Сами вы имели встречу в семье?

О. Ни с кем. Я только видел свою жену. Встречу с ней имел через письмо, и имел с ней встречу в гостинице т.к. мне уже было домой. Через бюро хотел комнату в гостинице».

Помню также, что где-то в начале финской войны, в ноябре или декабре 1939 г. от него пришло письмо, где он писал, его собираются призвать в армию и послать на финский фронт, и даже на политраблиту. И дальше тишина... И вот как оно обернулось...

В то же время сейчас, раздумывая об этом деле, я вспоминаю такую подробность в биографии отца. В 1938 г., после увольнения из Издательства «Власть советов», он поступил на работу заместителем начальника планового отдела главка, кажется керамической и стекольной промышленности Наркомместпрома РСФСР. Он был очень доволен своей новой работой, восхищался своим начальником отдела, неким Кицманом, говорил, что он очень талантливый экономист. И вдруг, в конце 1940 г. он внезапно уходит с этой работы и становится главным бухгалтером Московского зоопарка. Вспомним, что по существовавшему в то время т.н. «двойному подчинению» Наркомместпром – НКМП Татарской АССР подчинялся как Совнаркому ТАССР, так и Наркомместпрому РСФСР. И мне представляется возможным, что отец через свои «внутриведомственные связи», с одной стороны, поспособствовал переводу Евсея из Камского Устья поближе к Казани в 1939 г., и, с другой стороны также через них узнал об аресте Евсея в конце 1940 г., и, как говорится, от греха подальше, срочно ушёл из Наркомместпрома РСФСР.

Последнее дело (1940-1941 годы)

Итак, Евсея снова арестовали. Вот основные документы, связанные с этим (кроме приведенных выше «собственноручных показаний»), копии которых имеются или были мною выписаны из дела (см. в приложении - Документы):

1. Протокол обыска от 6 ноября 1940 г.

Пос. Васильево, территория Стеклозавода «Победа труда», дом 1.

Присутствовали: Начальник Районного отдела НКВД ТАССР Кузнецов, Старший оперуполномоченный УГБ НКВД ТАССР Качалов, директор Стеклозавода Доспенков.

В числе других изъяты 32 фотографии, 300 руб. наличными и облигации госзайма на 700 руб.

2. Постановление на арест. г. Казань, 1940 г. ноября 6 дня.

Следователь Следственной части НКВД ТАССР сержант госбезопасности Хуснутдинов в отношении Кагановича Евсея Абрамовича, начальника планового отдела Стеклозавода «Победа труда», проживающего пос. Васильево Юдинского района, нашел:

Каганович Евсей Абрамович являлся активным участником к-р троцкистской организации; состоял в близкой связи с к-р Троцким; являлся одним из авторов к-р издания «1917 год»^[98]; ведет среди окружающих лиц к-р террористическую агитацию; возводит клевету по адресу руководителей ВКП(б) и советской власти, а поэтому постановляю:

Кагановича Евсея Абрамовича, проживающего пос. Васильево Юдинского района подвергнут аресту и тщательному обыску.

Согласовано: Начальник Следственной части НКВД ТАССР старший лейтенант госбезопасности Баскаков.

Утверждаю Нарком внутренних дел ТАССР капитан госбезопасности Морозов. 6 ноября 1940 г.

Арест санкционировал Заместитель прокурора ТАССР (не расшифровано). 6 ноября 1940 г.

3. Постановление об избрании меры пресечения.

4. Анкета арестованного на 3-х страницах.

5. Протокол допроса от 8 ноября 1940 г., который вёл «Зам. Нач. Сл. Час. НКВД ТАССР Ст. Лейтенант г/б (в копии фамилия замазана, однако из дальнейшего видно кто это, - С. Катерли). Из пунктов допроса интересен ответ на вопрос о партийности: «Состоял членом ВКП(б) с мая 1917 по февраль 1931 года - исключен в связи с арестом по делу Д.Б. Рязанова, Институт Маркса – Энгельса». Эта запись ещё раз подтверждает, что дело 1931 г. включало группу лиц во главе с Д.Б. Рязановым, хотя ни о ком другом кроме Д.Б. Рязанова и Е.А. Кагановича никаких данных нет. Далее в допросе спрашивают о близких знакомых. Среди них Евсей, частности называет ШРАЙМОНА^[99] Илью Абрамовича – работал на одном из заводов в Москве; БЛИЦА^[100] Соломона Федоровича – также работал на одном из предприятий в Москве; КУПЛЕВАТСКУЮ^[101] Зою Ивановну – учительница средней школы и работала еще в тресте Уралзападлес в Перми.

Следствие велось около полугода с 6 ноября 1940 г. по 25 апреля 1941 г. 27 ноября 1940 г. Евсею было предъявлено обвинение:

«Я, Зам. Нач. Следственной части НКВД ТАССР ст. лейтенант Гос. Безопасности КАТЕРЛИ,

Рассмотрев следственный материал по делу № 16138 и приняв во внимание, что

КАГАНОВИЧ Евсей Абрамович

Достаточно изобличается в том, что

Являясь активным участником контрреволюционной троцкистской организации и находясь в близкой связи с Троцким, на протяжении ряда лет вел борьбу против ВКП(б) и Соввласти.

Среди окружающих себя лиц систематически высказывал контрреволюционные троцкистские настроения по адресу руководителей ВКП(б) и Соввласти и распространял анти советские клеветнические измышления против Соввласти.

ПОСТАНОВИЛ

Руководствуясь ст. ст. 128 и 129 УПК РСФСР привлечь

КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича

В качестве обвиняемого по ст. ст. 58-2, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления в порядке ст. 146 УПК РСФСР направить прокурору.

ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКВД ТАССР – Ст. лейтенант Гос. Безопасности КАТЕРЛИ.

Настоящее постановление мне объявлено 27 ноября 1940 г.

Подпись Каганович».

В последовавшем после этого допросе от того же числа говорится:

«В. Вам предъявлено обвинение по ст. 58-2, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР, виновным вы себя в этом признаете?

О. Виновным себя я не признаю.

В. Вы были участников к-р троцкистской организации?

О. Да, был. С 1923 по 1928 год.

В. Посещали к-р троцкистские собрания, на которых обсуждался вопрос борьбы с Соввластью?

О. Да, посещал нелегальные троцкистские собрания на которых обсуждался вопрос о борьбе с политическим руководством ЦК партии».

Был проведен 21 допрос (в том числе, семь, названных дополнительными, в чём здесь некая «процессуальная» особенность, я не понял), задача которых, очевидно, была проста: заставить признать себя виновным во всей той галиматье, которая была написана, а если «повезёт», то «накопать» ещё. Часть допросов проводилась днём, а часть – поздним вечером, иногда переходящим в следующий день. В ряде допросов следователи вновь и вновь спрашивали о Троцком и его ближайших соратниках, о деятельности подпольного троцкистского центра.

Так, в допросе от 17 декабря 1940 г.:

«В. А ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, ПЯТАКОВ?

О. Это тоже троцкисты.

В. Следовательно Вы вместе с Троцким... имели организованную связь с перечисленными выше троцкистами? Это Вы подтверждаете?

О. Ясное дело, что в период с 1923 по 1927 год имели организованную связь, как с участниками к-р троцкистской организации.

В. Только ли до 1927 года? Нам известно, что с этой организацией Вы были связаны и до последнего дня. Вы это подтверждаете?

О. Нет. Только к ПЯТАКОВУ я заходил в дом в 1928 году. Остальных я не видел».

В допросе от 14 января 1941 г.:

«В. Скажите, Каганович, при каких обстоятельствах вы посещали квартиру Троцкого?

О. Начиная с 1924 года по 1927 год, я совместно с оппозиционерами троцкистами Лившицем Борисом, Солнцевым, Павловым, Полатниковым, Красным, Хариным и некоторыми другими, фамилии которых сейчас я не помню, посетил Троцкого в бытность его в Главконцескоме по его приглашению. При чем на этих совещаниях обычно Троцкий делал политическую информацию о внутри партийном положении ВКП(б) в связи с проходившими общепартийными конференциями или съездами партии.

В. Для чего Троцкий Вас собирал у себя в доме и делал тогда информации?

О. Он собирал нас для дачи установки как квалифицированным агитаторам и пропагандистам троцкистской оппозиции. Иногда на информированиях присутствовал (неразборчиво) Преображенский или Пятаков.

В. И что же вы после указаний Троцкого выступали?

О. Да выступали. И там часто выступал и я. Главным образом я выступал в ячейках в Соцакадемии и института Краской профессуры, и несколько раз на партсобраниях в институте им. Плеханова (1926-1927 годы).

В. Следовательно вы принимали участие в доме Троцкого на нескольких заседаниях в обсуждении вопросов в борьбе против генеральной линии партии?

О. Да принимал участие на нелегальных заседаниях.

В. Только приглашал вас Троцкий или ещё через кого?

О. Связь устанавливалась посредством Эльцина и Лившица.

В. Эти посещения были у вас регулярные?

О. Не регулярные. А по причине только.

В. Не верно. Вы собирались в дом Троцкого, приурочивая свои сборища к проводимым серьезным мероприятиям ЦК с целью их срыва?

О. Конечно эти совещания были направлены против руководства ЦК ВКП(б). Так присутствовали здесь (часть фразы неразборчиво) то и стало линии оппозиции. Это проходило под руководством Троцкого и (неразборчиво) шло на поражение революции.

В. Следовательно вы являлись членом подпольного троцкистского ЦК?

О. Нет, членом ЦК троцкистов я не был, собирались и обсуждали вопрос направленные против генеральной линии партии.

В. А с кем вы были связаны из членов троцкистского ЦК?

О. Непосредственно я связан с ними не был. Я был связан с Троцким, Пятаковым, Преображенским, Смирновым[102], Мрачковским. Эти мне были известны как руководители, а в 1927 году после высылки Троцкого в Алма-Ата я слышал от Виктора Эльцина что во главе троцкистского руководства стоит его отец Эльцин[103].

В. Но вы не прекращали своих сборищ?

О. Да мы собирались у Виктора Эльцина, у Лившица и Каплинского.

В. Кто возглавлял эти сборища?

О. Виктор Эльцин и Лившиц.

В. И продолжали вести на этих сборищах свою троцкистскую работу?

О. Да продолжали вплоть до моего ареста в 1928 году.

В. На квартире у Пятакова вы были уже после высылки Троцкого?

О. После высылки Троцкого в 1928 году в (неразборчиво) с Хариним.

В. Чего были у Пятакова?

О. В связи с мои отказом от оппозиции и он признал что я поступил совершенно правильно.

В. Сманеврировали?

О. Нет. Я искренне отошел для меня он тогда был авторитет.

В. Лжете вы. Вы оставались на своих позициях, и продолжали вести к-р троцкистскую работу как продолжал вести её ваш «авторитетный» Пятаков. Рекомендую не защищаться, а рассказать о своей к-р работе».

Продолжается это давление в следующем допросе от 23 января 1941 г.:

«В. Продолжайте свои показания о той к-р работе которую вы вели?

О. Я следствию показания уже дал и больше мне нечего показывать.

В. Скажите при каких обстоятельствах вам стало известно что Эльцин являлся членом троцкистского ЦК?

О. Точно не помню от кого мне стало известно или от Эльцина Виктора сына Эльцина или от Лившица Бориса. Что Эльцин является членом ЦК троцкистов.

В. В к-р работе вы сталкивались с Эльциным?

О. Ни когда с ним не сталкивался и ни когда с ним не встречался С его сыном Виктором встречался о чем я уже следствию рассказывал.

В. На квартире у Эльцина Виктора вы бывали?

О. Нет, не был».

И снова в допросе от 18 февраля 1941 г.:

«В. Почему вы от следствия скрыли свое участие на антисоветских собраниях, состоявшихся 1926-1927 годах на квартире то же троцкиста Павлова?

О. Я не помню собраний в квартире Павлова. Квартиру Павлова я посещал, обсуждали и вопросы политического характера, но как собрания – назвать это я не могу.

В. Следствию известно (неразборчиво).

О. В собраниях у Павлова я не участвовал, но в гостях у его бывал не однократно. Тогда мы бывали и другие троцкисты из ИКП Солнцев, Павлов, Лившиц, Красный, Харин, Яковин, Полатников и др. фамилии которых я не помню.

В. А у Павлова этих лиц вы разве не встречали?

О. Нет не встречал.

В. Вы говорите что там – (неразборчиво) обсуждались и политические вопросы. Какие вопросы обсуждались?

О. Обсуждались вопросы, которые были направлены против генеральной линии партии.

В. Следовательно это были те совещания о которых у вас спрашивают?

О. Нет. Это просто было обсуждение группы троцкистов, к тому же это собрание было не организованное.

В. Какая же требуется для вас организация? Вы собирались с троцкистами в количестве 7 человек в среде которой обсуждались вопросы направленные против генеральной линии партии. Разве это не является антисоветскими собраниями?

О. Это случайные сходки.

В. А это разве не есть антисоветское собрание?

О. Ответа на это я дать не могу».

Давление продолжается в допросе от 28 февраля 1941 г.:

«В. Следствие располагает данными что вы по заданию троцкистского центра писали листовки к-р содержания и их распространяли. Это вы подтверждаете?

О. В какой период это было?

В. У вас спрашивают не о периоде а о том писали ли вы к-р содержания листовки. Говорить вы будете?

О. Да писал такие листовки, писал в 1923 и 1928 году в Москве. Эти листовки были с троцкистской к-р установкой, направленной против вождей партии в частности одну к-р листовку против Молотова.

В. Кто писал еще такие листовки?

О. Троцкисты: Солнцев, Лившиц, Полатников, Харин, Красный.

В. Ваши листовки прочитывались на троцкистских кружках?

О. Сейчас не помню.

В. От кого вы получали задания писать к-р листовки?

О. От Бориса Лившица, который и являлся организатором в ИКП оппозиционной группы.

В. Вы антисоветские сборища на квартире Павлова посещали?

О. Да посещал, только не сборища а просто заходил к нему.

В. Не просто заходили. Павлов тоже являлся троцкистом, следовательно вас это и связывало?

О. Это верно. Был с Павловым связан как с троцкистом.

В. Вы говорите что на сборищах антисоветских в доме Павлова вы не были. А участник этих сборищ Каплинский Вас изобличает как участника. Теперь вы намерены рассказывать?

О. Нет на сборищах у Павлова я не был.

В. Следствию известно что вы были членом троцкистского ЦК. Это Вы подтверждаете?

О. Членом троцкистского ЦК я не был, я был пропагандистом, агитатором троцкистским Это было все до 1928 г.

В. Не только вы вели к-р работу до 1928 года, а и позже?

О. Да в 1931 году я Рубину сообщил о предстоящем его аресте. Этим самым дал ему возможность до ареста скрыть к-р документы. Рубин был меньшевик, а об этом мне сказал Рязанов».

Следователь и прокурор, принявший участие в допросе, старательно додавливают Евсея до нужных признаний (допрос от 3 марта 1941 г.):

«В. На ваших антисоветских собраниях обсуждался вопрос о создании троцкистско-зиновьевского блока?

О. Да этот вопрос мы на своих антисоветских собраниях к-р троцкистской организации обсуждали.

В. И как решили?

О. Сблокироваться в к-р троцкистско-зиновьевскую организацию.

В. Где этот вопрос обсуждался?

О. В 1926 году у Троцкого в помещении Главконцескома.

В. Назовите фамилии участников этого обсуждения?

О. Там были Солнцев, Павлов, Полатников, Лившиц, Эльцин, Харин, я – Каганович, Троцкий и др. фамилии сейчас не помню.

В. Что это за группа? Руководящая?

О. Да руководящая. Актив к-р троцкистской организации, связанный непосредственно с Троцким.

В. Эта же группа выполняла и директивы Троцкого?

О. Да выполняла.

В. После исключения Троцкого из партии, квартиру его вы продолжали посещать?

О. Да посещал. Тогда он жил на квартире Белобородова, тоже троцкиста.

В. И тогда вы были еще членом партии?

О. Да был членом партии.

В. Вы были двурушником?

О. Двурушником.

В. Вас исключили из членов партии в 1928 году?

О. Да в 1928 году.

В. И в этом-же году вы писали заявление об отходе от оппозиции?

О. В июле 1928 года такое заявление я подал на имя МКК.

В. Вас восстановили в ряды партии?

О. В том же месяце 1928 года МКК меня восстановил членом партии.

В. Вы-же в своем заявлении были не искренним перед партией?

О. Да был не искренним. Я спланировал. Я оставался троцкистом, не порывал идейную связь с троцкизмом, а подал заявление о якобы моем отходе.

В. Следовательно вы продолжали оставаться участником к-р троцкистской организации, а заявление подали с двурушнической целью?

О. Да с целью двурушничества.

В. Для чего вы это делали?

О. Такое указание было дано лично Троцким. Сохранить свои кадры.

В. Для борьбы с партией?

О. Именно это. Троцкий давал установку сохранить кадры свои для борьбы с партией и в этих целях троцкисты идейно остались троцкистами, не порывая с ними связи с двурушнической целью подавали заявления. Такое заявление на имя МКК было подано и мною.

В. Следовательно вы не отошли от к-р троцкистской организации оставались ее участником проводили установку Троцкого? Сдвурушничали?

О. Да оставался троцкистом, сдвурушничал и выполнял установку Троцкого.

В. Вы в своем заявлении указывали, что Троцкий продолжает вести борьбу с партией?

О. Нет, не указал. Это перед партией я скрыл. Я уже выше сказал, что выполнял установку Троцкого. Я знал что троцкисты ведут борьбу с партией в чем участвовал и я сам но это я скрывал не желая разоблачать себя и Троцкого.

В. А после высылки Троцкого как у вас обстоял вопрос с двурушничеством?

О. Тогда уже это возглавил сам Лившиц, и он продолжал после давать установку подавать заявление об отходе от троцкизма, а фактически мы продолжали оставаться троцкистами».

В допросе от 4 марта 1941 г. снова спрашивается об одном и том же:

«В. В ходе следствия Вы признали, что являетесь участником троцкистской контрреволюционной организации. Дайте подробные показания, когда и при каких обстоятельствах Вы вошли в эту организацию.

О. Да, я признал и еще раз подтверждаю, что действительно с 1923 по 1928 год входил в троцкистскую контрреволюционную организацию. В 1923 году в г. Москве, когда я находился слушателем курсов марксизма-ленинизма при Социалистической Академии, под прямым влиянием и обработкой заведующего курсами ПРЕОБРАЖЕНСКОГО Е.А. я примкнул к троцкистам, в частности на этих курсах я выступал и голосовал за троцкистскую линию. В этот период я связался по троцкистской линии с троцкистами ЭЛЬЦИНЫМ Виктором, ЛЕНЦНЕРОМ, ПАЛАТНИКОВЫМ и, конечно, также был связан и с ПРЕОБРАЖЕНСКИМ. Кроме этих названных мною лиц были и другие, с

которыми я был связан по троцкистской деятельности, но фамилии их теперь не могу вспомнить – забыл. Со всеми этими лицами я обсуждал вопросы партийной жизни и договаривался о совместных выступлениях против линии ЦК компартии».

Продолжается и в допросе от 6 марта 1941 г., где уже дуэтом задавали вопросы два следователя и Катерли и его начальник Баскаков:

«...А теперь скажите, кто возглавлял Вашу троцкистскую группу при Институте?»

О. Нашу к-р, троцкистскую группу при Институте возглавлял до конца 1927 года Виктор ЭЛЬЦИН, а после высылки ЭЛЬЦИНА – ЛИВШИЦ Борис.

В. А ваша контрреволюционная роль в этой группе?

О. Особой роли я в этой группе не играл, а выполнял контрреволюционную, троцкистскую агитационно-пропагандистскую и литературную работу.

В. Следствие располагает данными, что эта Ваша подпольная троцкистская группа была непосредственно связана с троцкистами Центра. Подтверждаете?

О. Да, признаю. Наша троцкистская группа являлась квалифицированной троцкистской группой агитаторов, пропагандистов и литераторов. Она была непосредственно связана с троцкистским центром – ТРОЦКИМ, ПРЕОБРАЖЕНСКИМ, ПЯТАКОВЫМ, РАДЕКОМ, МРАЧКОВСКИМ и СМИРНОВЫМ. Других лиц, входящих в троцкистский подпольный центр, я тогда не знал. Организационная связь нашей троцкистской группы осуществлялась через членов группы Виктора ЭЛЬЦИНА и Бориса ЛИВШИЦА, а кроме этого по отдельным вопросам непосредственно-личную связь с троцкистским центром имели и остальные участники нашей группы. Наша троцкистская группа в отношении троцкистского подпольного центра занимала положение «агитпропа» этого троцкистского подпольного центра.

В. Вы лично также имели непосредственную-личную связь с троцкистским центром?

О. Да, признаю, что я непосредственно-лично, как троцкист имел связи и по контрреволюционной деятельности с ТРОЦКИМ, ПРЕОБРАЖЕНСКИМ и ПЯТАКОВЫМ и лично от них получал инструктаж по троцкистской работе».

Далее допросы ведёт Баскаков (они названы дополнительными), характерен при этом «термин» - «сборища», заменивший нормальное слово «собрания», думается, что в ответы Евсея этот «термин» вписан, вряд ли он употреблял его в своих ответах, допрос от 19 марта 1941 г.:

«В. Вы признаете, что троцкистская группа при И.К.П. , в которую входили и Вы, являлась своего рода агитпропом троцкистского подпольного центра. Дайте подробные показания по существу деятельности этого троцкистского агитпропа?»

О. Свои показания о характере и роли троцкистской группы, существовавшей при Институте Красной Профессуры я полностью подтверждаю. Наша троцкистская группа действительно была своего рода агитпропом при троцкистском подпольном центре и была непосредственно связана и руководилась этим центром. Эта троцкистская группа вела

активную троцкистскую деятельность, как в стенах Института Красной Профессуры, а также в тех ВУЗ-ах, где участники этой троцкистской группы вели преподавательскую работу и кроме этого по заданиям ЛИВШИЦА и ЭЛЬЦИНА выступали с защитой троцкистской платформы против линии партии и ее ЦК на рабочих собраниях.

Как я уже признал выше, наша троцкистская группа была непосредственно связана с троцкистским подпольным центром, в частности с Троцким, ПРЕОБРАЖЕНСКИМ, ПЯТАКОВЫМ, РАДЕКОМ, МРАЧКОВСКИМ и СМИРНОВЫМ, и в частности члены этой группы принимали участие в сборищах у ТРОЦКОГО в Главконцескоме. На этих собраниях у ТРОЦКОГО, на которых, как я помню, принимали участие я – КАГАНОВИЧ, СОЛНЦЕВ, ЛИВШИЦ Борис, ПАВЛОВ, ПАЛАТНИКОВ, ХАРИН, ЭЛЬЦИН, КРАСНЫЙ, ДИНГЕЛЬШТЕДТ, ЯКОВИН и АЙЗЕНБЕРГ, обсуждались тактические вопросы борьбы троцкистов против партии. Всех вопросов, обсуждаемых на этих сборищах, я теперь не помню. Припоминаю, что на одном из таких сборищ у ТРОЦКОГО, что было примерно в 1926 году, обсуждался вопрос о блокировании троцкистов с зиновьевцами, причем, тогда ТРОЦКИЙ в своем выступлении, доказывая необходимость установления блока с зиновьевцами, говорил, что нам, троцкистам, надо пойти на этот блок, т.к. зиновьевцы «выражают тревогу за судьбу революции».

Помню также, что на другом таком же сборище, происходившем после того, как троцкистские вылазки и наскоки на партию в рабочих организациях («Авиаприбор» и др.) потерпели крах, - обсуждался вопрос об изменении тактики борьбы против партии и, в целях сохранения троцкистских кадров внутри партии, было решено фактически кадры троцкистов не распускать, несмотря на заявления и обещания о роспуске этих кадров.

Также на этих сборищах обсуждались и вопросы, связанные с выработкой троцкистской платформы, в частности нам – троцкистам из ИКП было поручено подготовить материалы к отдельным вопросам этой троцкистской платформы. Мне лично было поручено подготовить материалы по рабочему вопросу.

На этих сборищах у ТРОЦКОГО, кроме указанных мною лиц, присутствовали также ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, РАДЕК, ТЕР-ВАГАНЬЯН.

В. Где еще происходили аналогичные же сборища вашей троцкистской группы?

О. Троцкистские сборища нашей троцкистской группы происходили также в квартирах ПРЕОБРАЖЕНСКОГО и ПЯТАКОВА (они оба тогда жили на ул. Горького в гостинице), а также в квартире ЛИВШИЦА Бориса и КАПЛИНСКОГО. Помню, на сборище на квартире ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, последний нам делал вроде доклада, в котором доказывал и обосновывал троцкистские тезисы о перерождении партии и Советского государства, на сборище троцкистов, происходившем на квартире КАПЛИНСКОГО в период работы 15 съезда ВКП(б), обсуждался вопрос о тактике дальнейшей борьбы троцкистов против партии, где было решено, несмотря на требования и решения съезда не капитулировать перед партией и продолжать борьбу, даже в том случае если вслед за решениями съезда последуют репрессии.

На троцкистских собраниях в квартире ЛИВШИЦА обсуждались главным образом вопросы практической деятельности – получались задания о выступлениях и разработке троцкистских материалов – листовок и т.п.».

Давление продолжается и в допросе от 20 марта 1941 г. (через 12 часов после предыдущего допроса), Евсей, как может, пытается сопротивляться:

«В. Продолжайте Ваши показания о вражеской деятельности вашей троцкистской группы и троцкистского подпольного центра?

О. Основное, что я помню о вражеской работе нашей троцкистской группы и троцкистского подпольного центра, я изложил в своих предыдущих показаниях. Возможно, я упустил только какие-либо детали этой вражеской работы троцкистов.

В. Вы опять пытаетесь скрыть от следствия не только детали, но и основные направления и факты известные Вам вражеской деятельности троцкистов. В частности, разве Вам не были известны установки в работе троцкистов по созданию широко разветвленной подпольной троцкистской организации?

О. Я знал только о существовании подпольного троцкистского центра, т.е. троцкистского Ц.К., куда входили Троцкий, Пятаков, Мрачковский, Преображенский, Радек, Смирнов и др. лица, припомнить которых я теперь не могу. Об установках и деятельности троцкистов по созданию широко разветвленной подпольной троцкистской организации я не знал, т.к. я не принимал участие в организационной работе троцкистов, а лишь принимал участие в агитационно-пропагандистской деятельности троцкистов.

В. Вы опять лжете. Вы получали задание взять на себя роль троцкистского организатора в одном из районов гор. Москвы?

О. Нет, не получал и этой роли мне никогда и никто не предлагал. Я должен лишь признать, что от ЭЛЬЦИНА Виктора я незадолго до 15 съезда получил задание выехать на Урал, в Свердловскую организацию для активной защиты троцкистской платформы. Это задание было мотивировано тем, что я долгое время работал в Свердловске на партийной работе и таким образом мог быть известен в партийных кругах Свердловской партийной организации. Однако, - этого задания я не выполнил, чем остались сильно недовольны, как мне передавал ЭЛЬЦИН, - ТРОЦКИЙ и МРАЧКОВСКИЙ.

В. Вам зачитывается выдержка из ваших же показаний от 21 апреля 1932 года, данных Вами Пермскому Оперсектору ОГПУ и ПП ОГПУ по Уралу.

«Несмотря на мои разногласия, я идейно считал себя оппозиционером и связанным фракционной дисциплиной, поэтому в 1928 году я еще принимал участие в подпольной троцкистской работе..., но уже в этот период еще более категорически отказывался принимать на себя поручения, связанные с организационной подпольной работой, несмотря на настояние Бориса ЛИВШИЦА, чтобы я взял на себя роль организатора одного из районов, кажется, Хамовнического».

Вы и после этого будете отрицать, что заданий на роль организатора в одном из районов гор. Москвы Вы не получали?

О. Нет, отрицать это я не могу. Признаю, что действительно Борис Лившиц давал задание взять на себя роль организатора подпольной троцкистской организации в одном из районов г. Москвы, кажется в Хамовническом районе. Это было в начале 1928 года. Однако, и от этого задания я отказался.

В. Стало быть Ваши показания о том, что Вы не знали об установках и деятельности троцкистов по созданию подпольной троцкистской организации тоже ложны?

О. Я считаю свой ответ в этой части правильным, поскольку до 15 съезда ВКП(б) я не знал о наличии разветвленной троцкистской организации.

В. А после 15 съезда знали?

О. Нет, не знал.

В. Вы окончательно залгались. Как Вы могли не знать, если сами же признали, что получали задания взять на себя роль организатора подполья троцкистов?

О. Я не точно выразился, а не солгал. Об установках троцкистов о продолжении троцкистской контрреволюционной борьбы против партии в нелегальных формах после 15 съезда партии я знал. Знал также о создании троцкистского подполья и сам принимал участие в работе этого троцкистского контрреволюционного подполья до апреля месяца 1928 года».

Давление всё усиливается в следующем допросе от 22 марта 1941 г., в котором принял участи помощник военного прокурора Приволжского военного округа (похоже, что уже решили придать Евсея военному трибуналу этого округа):

«В. Вы признали, что знали об установках на переход к нелегальным формам борьбы троцкистов против партии. Кем были даны такие установки?

О. Свои показания я подтверждаю. О том, при каких обстоятельствах эти установки на переход к нелегальным формам борьбы мне стали известны, я уже дал показания на предыдущих допросах. Еще в период работы 15 съезда ВКП(б), на троцкистском сборище в квартире КАПЛИНСКОГО нами обсуждался вопрос о тактике дальнейшей борьбы троцкистов против партии и еще тогда же было решено не подчиняться решениям съезда, т.е. не капитулировать, а продолжать борьбу даже и в том случае, если вслед за решениями съезда последуют репрессии против троцкистов. А это безусловно означало, и мы в этом отдавали себе отчет, переход к нелегальным контрреволюционным формам борьбы с партией.

В апреле 1928 года в квартире ЛИВШИЦА Бориса, также обсуждался этот вопрос, но в более конкретных формах. Тогда там были: я – КАГАНОВИЧ, КРАСНЫЙ, ПАЛАТНИКОВ и ЛИВШИЦ Борис. При обсуждении вопроса ЛИВШИЦ Борис прямо заявил, что ни о какой капитуляции перед партией речи быть не может и что мы должны доказывать свою готовность бороться против партии, не взирая ни на что, т.е. ни на исключение из партии, ни на репрессии. Насколько я теперь помню, он, обосновывая это, говорил:

«Нам – троцкистам надо пройти через ссылку. Этим мы докажем готовность бороться не на словах, а на деле и этим создадим вокруг себя ореол героизма, что обеспечит при возвращении из ссылки, после неминуемого провала политики и линии ЦК ВКП(б), условия и быстрое завоевание партии».

Это опять-таки означало прямую установку на переход к нелегальным формам борьбы против партии и на создание, и на сохранение троцкистского подполья.

В. А разве раньше таких установок, в частности от ТРОЦКОГО не было?

О. Были. Приблизительно в октябре 1927 года я был конспиративно через ЛИВШИЦА Бориса вызван ТРОЦКИМ на квартиру к нему. Он жил тогда у троцкиста БЕЛОБОРОДОВА [\[104\]](#). Причиной вызова явилась моя агитация (подчеркиваю, что мною эта агитация велась усиленно) среди троцкистских кадров за безусловную капитуляцию перед партией. У ТРОЦКОГО на квартире, где также присутствовали БЕЛОБОРОДОВ, ЛИВШИЦ Борис, ПАЛАТНИКОВ, ВЛАДИМИРОВ и возможно еще ряд троцкистов, которых я теперь не могу вспомнить, - ТРОЦКИЙ стал доказывать неправильность и несостоятельность занятой мною позиции и развил установки троцкистского руководства, сводящиеся к необходимости продолжения борьбы против партии в нелегальных формах. Он говорил, примерно, следующее:

«Мы – троцкисты на съезде потерпели поражение и организационно и политически, но не идейно. Правота наших троцкистских взглядов скажется в недалеком будущем. Линия ЦК партии потерпит крах и тогда мы станем у руководства партией и страной. А теперь мы должны порвать с партией и продолжать борьбу нелегальными подпольными методами и даже если за это придется идти в ссылку».

Я тогда заявил, что следовательно мы – троцкисты становимся на путь контр-революции и контр-революционной борьбы с партией. Одновременно заметил, что такая установка его – ТРОЦКОГО противоречит его же собственным установкам, относящимся к 1926 году, когда он говорил о подчинении партии.

В ответ на это мое возражение ТРОЦКИЙ ответил буквально такой фразой:

«Обстановка изменилась и наша цель оправдывает средства».

В. Вы, конечно, разделяли и восприняли эти контр-революционные установки на сохранение и создание подпольной троцкистской организации?

О. Внутренне я не разделял таких установок.

В. А фактически?

О. Фактически принял их.

В. И таким образом, встали на путь организованной антисоветской троцкистской борьбы против партии и советского государства?

О. Да, таким образом, я встал на путь организованной антисоветской троцкистской борьбы против партии и советского государства. На этом пути я находился до апреля 1928

года, хотя в 1931 году я совершил новое контрреволюционное преступление, выразившееся в моем преступном разговоре с РУБИНЫМ – бывшим заведующим кабинетом политэкономии Института МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА в г. Москве, но последнее не было связано с контрреволюционным троцкизмом, а с моей личной политически грубой ошибочной оценкой личности РУБИНА.

В. К вопросу вашей контрреволюционной деятельности после 1928 года следствие еще вернется. А теперь изложите подробно свою практическую троцкистскую работу?

О. Моя практическая троцкистская деятельность состояла в том, что я в период 1925-28 годов, не входя в число сотрудников литературного секретариата ТРОЦКОГО, был привлечен ТРОЦКИМ через Виктора ЭЛЬЦИНА и ЛЕНЦНЕРА к редактированию сочинений ТРОЦКОГО, в частности мною был подготовлен к печати один том под названием «Проблемы пролетарской революции» и один том кажется под названием «Наша революция» (1905 год). Примечания к этим отредактированным мною томам были также составлены мною, причем, некоторые из них были мною составлены в тенденциозном троцкистском духе.

Я также активно участвовал в защите троцкистских взглядов на открытых партийных собраниях в Институте МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА, в Социалистической Академии, в Институте Красной Профессуры и в Институте народного хозяйства им. ПЛЕХАНОВА.

Моя троцкистская контрреволюционная работа также состояла в активном участии в троцкистской контрреволюционной работе, в частности в составлении троцкистских шпаргалок, содержащих в себе троцкистскую к-р критику речи Молотова на одном из пленумов ЦК в 1926 году по крестьянскому вопросу и решений партии по китайскому вопросу; в подтасовке статистических экономических материалов по рабочему вопросу с тем, обосновать троцкистскую клевету на ЦК партии и партию в этом вопросе; в выступлениях на троцкистских нелегальных сборищах низовых троцкистских групп с обоснованием троцкистских к-р взглядов после 15 съезда ВКП(б).

Наконец, моя троцкистская работа состояла в активном участии в ряде нелегальных подпольных сборищ актива троцкистов с участием членов подпольного троцкистского центра – ТРОЦКОГО, ПРЕОБРАЖЕНСКОГО и др.».

И вот «заключительный аккорд» в допросе от 25 апреля 1941 г.:

«...В. Вам было предъявлено обвинение по ст. ст. 58-2, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР, т.е. в том, что вы являлись активным участником контрреволюционной троцкистской террористической организации. На допросе от 27 ноября вы не признали себя виновным. Теперь вы признаете себя виновным в совершенных вами преступлениях, предусмотренных указанными выше статьями?

О. Нет, не признаю, хотя я и признаю, что являлся участником контрреволюционной троцкистской организации до апреля 1928 года, однако, я за весь период времени не имел ни помыслов, а тем более, действий не совершал, имеющих хотя-бы косвенное отношение к террору или вооруженному восстанию против Советского строя и среди окружающих меня, в то время троцкистов ничего подобного не слышал – речь шла по-прежнему о

продолжении борьбы за доведение до масс платформы троцкистской оппозиции, но нелегальными методами».

Читал все эти «замечательные вопросы» следователей и думал, а зачем они спрашивают обо всех этих людях, ведь большинство из них к этому времени уже были репрессированы, и, вроде бы, это ничего не давало в смысле дальнейших репрессий. По моим подсчётам всего были упомянуты в связи с обвинениями в троцкизме и связи с Рубиным 48 человек, из них 25 были расстреляны, двое убиты (Радек НКВДшниками в тюрьме, Троцкий в Мексике). Трое «успели» умереть до разворота репрессий. Один умер от голодовки в ссылке. Ещё пять человек были репрессированы и их дальнейшая судьба неизвестна. О двенадцати сведений не удалось установить. И только одна – Полина Виноградская умерла своей смертью в 1979 году. Такая вот печальная статистика. Вместе с тем, сожалею, что не смог узнать больше о двух лицах, которые часто встречаются в материалах дела: о Борисе Лившице и о Полине Виноградской. Судя по материалам дела, Борис Лившиц являлся одним из руководителей троцкистов в Институте красной профессуры и других научных и учебных заведений, но при этом данные о нём отсутствуют и в базе данных о жертвах политических репрессий в СССР, и в различных источниках по троцкизму, и, вообще, в Интернете. Полина Виноградская, как видно из материалов дела, - активная троцкистка, более того, жена одного из руководителей оппозиции Евгения Преображенского, расстрелянного 14 июля 1937 г. Казалось бы, ей прямая дорога в Гулаг, по меньшей мере, в АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников родины, но нет, в указанной выше базе сведения о ней отсутствуют, других сведений о репрессиях по отношению к ней в Интернете нет. Характерно и явное невнимание следователей к словам Евсея о ней. В общем, вполне успешная жизнь партийного писателя и публициста.

Так я написал, но позднее некоторые сведения о Борисе Лившице удалось обнаружить в материалах Фонда А.Н. Яковлева. Там, в «Протоколе № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начале 50-х гг., с приложениями»[\[105\]](#) обнаружилось некоторые сведения о нём: Лившиц Борис Соломонович, 1897 года рождения, еврей, член ВКП(б) с 1915 года, заведующий секцией НИИ монополии внешней торговли и профессор Института мирового хозяйства в г. Москве, проходил по делу так называемой «контрреволюционной троцкистской группы Смирнова И.Н., Тер-Ваганяна В.А., Преображенского Е.А. и других» (также как и упомянутые ранее Н.И. Уфимцев и Н.А. Палатников),[\[106\]](#) был приговорён Коллегией ОГПУ от 16 апреля 1933 г. к заключению в места лишения свободы сроком на три года. В апреле 1989 г. был реабилитирован. Других сведений о его судьбе обнаружить не удалось. Вместе с тем в этих материалах есть любопытные сведения о допросах Б.С. Лившица и Н.А. Палатникова, которые, полагаю, следует привести здесь:

«4 марта 1933 г. был допрошен Палатников Н.А. На поставленные ему следователем вопросы он ответил: «Признаю себя виновным в том, что после подачи заявления о разрыве с оппозицией, возвращения из ссылки и восстановления в правах члена партии я совершил ряд антипартийных контрреволюционных поступков, выразившихся в получении контрреволюционной литературы, контрреволюционной троцкистской информации и в сохранении связи с группой троцкистов-двурешников, возглавлявшейся

И.Н. Смирновым. Существование последней и антипартийный характер ее мне были известны. Для меня совершенно ясно было из бесед с И.Н. Смирновым, что он стремится к объединению антипартийного порядка, что сторонники этой группы (Смирнова), питаясь антипартийными контрреволюционными сплетнями, слухами и литературой, культивируют силы, которые могут быть способны на новые наскоки на партию и т.п. Из бесед с Мягковой и другими троцкистами я знал о двурушничестве этой группы. Все это мной скрывалось от партии. Я признаю, что оказался рецидивистом-троцкистом, участником двурушнической группы Смирнова и других». Рассказав далее о своих встречах и беседах с троцкистами, о их «двурушническом поведении», Палатников заверил следствие в том, что подробные показания по существу его встреч с бывшими троцкистами и об их политическом лице, а равно об известной ему «антипартийной деятельности троцкистов-двурушников» он дает «дополнительно собственноручно». В заключение допроса он заявил: «Я считаю вполне правильной решительную борьбу партии с контрреволюционным троцкизмом и в особенности с двурушничеством, я не намерен слагать с себя ответственность за участие в этой антипартийной среде и готов любой ценой доказать партии, что я рву окончательно со всей этой грязной антипартийной обстановкой, в которую я завяз вследствие безусловной потери партийной большевистской нетерпимости к антипартийным проявлениям, что, видимо, является наследием моей прошлой борьбы с партией».

На последующих допросах 11, 13 и 23 марта и 5 апреля 1933 года Палатников дал развернутые показания о деятельности всех известных ему троцкистов, их «двурушническом поведении», формах и методах ведения ими фракционной борьбы против ВКП(б), о распространении «контрреволюционных инсинуаций и слухов» против Сталина.

Допрошенный 14 марта 1933 г. Лившиц Б.С. показал, что после своего возвращения из ссылки в Москву он встречался с троцкистами Смирновым И.Н., Палатниковым, Сафоновой, Мягковой Т., Тер-Ваганяном и другими. Никаких антипартийных разговоров с указанными лицами он не вел и ему неизвестно, чтобы у кого-либо из них были антипартийные настроения. Обнаруженные у него при аресте и обыске письма Троцкого и другие троцкистские документы он хранил в своем личном архиве «как исторические документы». Встречи его с перечисленными выше бывшими троцкистами носили личный характер. В отдельных практических вопросах политики партии у него были сомнения, но этими сомнениями он ни с кем из бывших троцкистов не делился. О неизбежности обострения борьбы оппозиции с партией он никогда никому не говорил.

Однако на следующем допросе 22 марта 1933 г. Лившиц отказался от своих прежних показаний и заявил: «Я решил дать совершенно откровенные показания. Принципиальность взяла верх над интеллигентским либерализмом... Со времени своего возвращения из ссылки я был насквозь пропитан традициями гнилого интеллигентского либерализма, которые я решил в себе победить. После возвращения моего из ссылки в Москву я узнал, что И.Н. Смирнов и его ближайшие единомышленники рассматривают свое заявление как маневр и хотят сохранить свою фракционную группу».

Далее Лившиц показал, что он имел одну специальную беседу с И.Н. Смирновым по его инициативе, но тот, якобы, убедившись в том, что они стоят на разных позициях, «замял

разговор по существу”, после чего в его отношениях к Лившицу наступило “сильное охлаждение”. До этого же Смирнов в присутствии Лившица якобы два раза “рассказывал содержание наиболее важных статей «бюллетеня оппозиции» Троцкого”.

О своих идейных колебаниях Лившиц показал следующее:

“За последнее время, примерно в середине 1932 г., во мне начали зарождаться некоторые сомнения в правильности политики партии в связи с ухудшившимся положением в стране. В отдельных частных разговорах даже с членами партии, не бывшими троцкистами, я как-то говорил, что «мы, видимо, слишком пограбили мужика и в особенности колхозы», но я не видел другой линии, которую мог бы противопоставить линии партии.

Однажды я в таком духе сказал и бывшей троцкистке Т. Мягковой. Мягкова в ответ на это заявила, что следовало бы собраться группой и обсудить. Я ничего не ответил, дав понять, что на путь групповщины и фракционности я снова не вступлю. Мягкова своего предложения не возобновила.

Кроме таких отдельных отрывочных критических замечаний, я ни разу нигде подробно не говорил об этом. Последняя речь Сталина на Пленуме ЦК в начале января, в которой он заявил, что в дальнейшем прекратится проводившееся прежде «подхлестывание» страны, меня полностью удовлетворила, и я мог поэтому... уверенно сказать, что у меня нет разногласий с партией.

Заканчивая, я хочу еще раз подчеркнуть: я не троцкист и не двурушник. Я пропитан либерализмом, что превратило меня в укрывателя двурушников. Я хочу это изжить“.

На последующем допросе 13 апреля 1933 г. Лившиц признал, что после восстановления его в правах члена партии он совершил антипартийный поступок, выразившийся в том, что “зная о существовании к[онтр]р[еволюционной] группы троцкистов-двурушников, возглавляемой Н.И. Смирновым”, он не сообщил о ней в соответствующие руководящие партийные и советские инстанции и тем самым скрыл от партии существование группы, антипартийный характер которой был ему известен. Лившиц заявил, что в феврале 1930 г. ему стало известно, что И.Н. Смирнов стремится сохранить группу бывших троцкистов с антипартийной двурушнической целью и что не только И.Н. Смирнов, но и приближенные к нему бывшие троцкисты Т. Мягкова, Сафонова и другие “читали необходимым сохранить троцкистские кадры для возобновления борьбы со всей партией и ее руководством в момент, когда перед партией и советским государством возникнут какие-либо затруднения. Группа И.Н. Смирнова считала линию партии на развернутое социалистическое наступление недолговечной, исходя из троцкистской «теории зигзагов». Статью тов. Сталина «Головокружение от успехов» группа И.Н. Смирнова расценивала в свое время как симптом намечающегося поворота линии партии вправо...”. Лившиц показал далее, что он “пришел к выводу”, что И.Н. Смирнов относился враждебно к партии и ее руководству. Эта враждебность выражалась “в распространении клеветнической информации и к[онтр]р[еволюционных] сплетен с целью дискредитации руководства партии. Сам И.Н. Смирнов... распустил сплетню о имеющихся якобы разногласиях в составе Политбюро...”.

17 апреля 1933 г. Лившиц признал себя виновным в том, что скрыл от партии и не сообщил в соответствующие советские органы контрреволюционные настроения и враждебное отношение к партии и ее руководству Старосельского Я.В., с которым он познакомился на похоронах бывшего троцкиста Красного. Он признал себя виновным также в том, что скрыл от партии и Советской власти, что Старосельский является соучастником нелегальной контрреволюционной организации так называемых «марксистов-ленинцев», от которого узнал о существовании антипартийного документа «марксистов-ленинцев».

В заключение Лившиц заявил: «Мои преступления перед партией и Советской властью после моего возвращения из ссылки и восстановления меня в правах члена партии заключаются в том, что: 1) я не порвал всех связей с теми бывшими троцкистами, которые сохранили контрреволюционные антипартийные настроения и пришли в ряды партии с двурушнической целью; 2) я знал об этих их настроениях и о существовании контрреволюционной группы троцкистов-двурушников, возглавляемой И.Н. Смирновым, и скрыл это от партии; 3) я знал о контрреволюционных настроениях Старосельского и о том, что он был соучастником контрреволюционной антисоветской группы так называемых «марксистов-ленинцев» и скрыл это от партии и от Советской власти. Я готов любой ценой и в любой обстановке доказать свою преданность партии и пролетарскому государству и заслужить снова то партийное доверие, которым я пользовался в былые годы...

Дополнительно признаю себя виновным в том, что, узнав о существовании антипартийного контрреволюционного документа «марксистов-ленинцев», я не сообщил в руководящие партийные инстанции и ОГПУ об этом, предположив, что это уже им известно, и тем самым скрыл это от партии и «пролетарского государства».

Так что упрекавшие Евсея чуть ранее в отступничестве, сами также быстро под давлением всё тех же ставших уже несильными органов стали на этот же самый путь.

27 апреля 1941 г. Евсею было предъявлено обвинительное заключение, подписанное начальником Следственной части НКГБ ТАССР Старшим лейтенантом госбезопасности Баскаковым и утверждённое наркомом госбезопасности ТАССР капитаном госбезопасности Морозовым. Также имеются две рукописные резолюции от 16 мая 1941 г., подписанные заместителем военного прокурора Приволжского военного округа военным юристом 1 ранга (фамилия не расшифрована): «Утверждаю» и «Кагановича предать суду ВТ ПРИво по ст. ст. 58-2, 58-8 и 58-11 УК». В обвинительном заключении сказано:

«На территории СССР в разное время была вскрыта и ликвидирована троцкистская террористическая организация, которая в блоке с правыми ставила с задачей свержения советского строя и восстановления капитализма. Одним из активных участников этой организации являлся и обвиняемый по настоящему делу КАГАНОВИЧ Евсей Абрамович.

Следствием по делу установлено, то КАГАНОВИЧ Е.А. еще в 1920-1921 годах встал на путь контрреволюционного троцкизма и принимал активное участие в борьбе против ВКП(Б) в период, так называемой, профсоюзной дискуссии (л.д. 33).

Он же в 1923 году, находясь в г. Москве вошел в троцкистскую группу, руководимую ныне разоблаченным врагом народа ПРЕОБРАЖЕНСКИМ Е.А., а затем в троцкистскую группу при ИКП, которая являлась, своего рода, агитпропом при троцкистском подпольном антисоветском центре. Состоя в этой группе и будучи непосредственно связан с членами троцкистского центра – врагами народа ТРОЦКИМ, ПРЕОБРАЖЕНСКИМ, ПЯТАКОВЫМ, МРАЧКОВСКИМ, РАДЕКОМ, СМИРНОВЫМ и др., принимал участие на собраниях участников этого центра и по заданиям и установкам последнего вел активную вражескую деятельность. (л.д. 33-37, 62, 63, 70, 72-75, 81-82, 8-89, 93, 94, 98-102).

В 1927 году, будучи исключен из ВКП(б) за троцкистскую деятельность, он в июне 1928 года, с двурушнической целью, обратно пробрался в ВКП(б), скрыв при этом известный ему факт наличия подпольной контрреволюционной организации и подпольного троцкистского центра и уже находясь в рядах ВКП(б) был связан с троцкистскими группами и скрывал деятельность и двурушническую тактику троцкистов. (л.д. 37, 18-111).

В 1930 году, работая в г. Москве заместителем заведующего кабинетом политической экономии института Маркса-Энгельса и узнав о предстоящем аресте члена Союзного бюро ЦК меньшевиков РУБИНА И.И. предупредил последнего, чем дал возможность РУБИНУ до ареста уничтожить ряд директивных писем заграничной делегации ЦК РСДРП (меньшевиков), за что обвиняемый КАГАНОВИЧ и был арестован и осужден на 5 лет ИТЛ, с последующей заменой высылкой на тот же срок. (л.д. 37, 51, 54, 119-120).

Отбывая срок высылки, установил троцкистские связи с троцкистами-ссылными, регулярно получал информацию о положении «троцкистской ссылки», а в 1934 году на одном из открытых партийных собраний в г. Перми выступил с замаскированной защитой контрреволюционной сущности троцкизма. (л.д. 21-24, 60-61, 120-121, 128-130).

Арестованный и допрошенный в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-2, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР КАГАНОВИЧ Е.А. признал, что он являлся участником к-р троцкистской организации и дал по существу показания, но виновным по ст. ст., предъявленного ему обвинения не признал, указав, что ему, якобы, не были известны установки организации на террор и вооруженное восстание. (л.д. 134).

На основании изложенного –

КАГАНОВИЧ Евсей Абрамович, 1896 г. Рождения, уроженец г. Гомель, БССР, б-п, исключен из ВКП(б) за антисоветскую деятельность, из служащих, еврей, гр-н СССР, образование – высшее, до ареста проживал с. Васильево Юдинского района ТАССР, работал нач. Планового отдела стеклозавода «Победа Труда».

ОБВИНЯЕТСЯ В ТОМ, ЧТО:

он являлся активным участником контрреволюционной троцкистской террористической организации, ставящей задачу свержения Советской власти и на протяжении ряда лет вел активную троцкистскую деятельность, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-2, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР настоящее след. дело направить на рассмотрение Военного Трибунала ПРИВО через Пом. Военного прокурора ПРИВО, перечислив обвиняемого с сего числа за последним».

Прочёл я это «замечательное произведение» мастеров-чекистов и возникла в моей голове странная мысль: Если бы этот фантастический, безграмотный бред был бы правдой, то впору было бы сейчас, в наше время присвоить Евсею посмертно звание: Герой России. Ведь оказывается, он приложил руку к выполнению задачи «свержения советского строя и восстановления капитализма», то есть того, что и составляло сущность событий последних двадцати лет! Но, увы, это ложь. Евсей был и оставался убеждённым коммунистом, сторонником социалистического развития страны. Конечно, может быть, в последние годы, столкнувшись с практикой «сталинского социализма» он и разочаровался в деле своей жизни, но достоверных сведений об этом, увы, мы уже не узнаем.

Ну, а далее пошли «судебные процедуры». Сначала прошло в Куйбышеве некое подготовительное заседание военного трибунала Приволжского военного округа: «председатель военюрист 2 ранга т. [\[107\]](#) Рябцев, члены военюрист 3 ранга т. Прошкин и военюрист т. Редов. С участием Зам. Военного прокурора ПриВО военюриста 1 ранга т. Романова». На заседании было утверждено обвинительное заключение. Дело назначено к рассмотрению в закрытом режиме без участия сторон и вызова свидетелей. Вот такой, с позволения сказать, «суд», ах да «трибунал». Даты на этом «документе» нет.

Следующий акт, это само судебное заседание, выездная сессия в Казани 29 мая 1941 г. Его протокол заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«1941 года, мая 29 дня, выездная сессия Военного Трибунала ПРИВО, в составе председательствующего – военного юриста 2 ранга т. РЯБЦЕВА и членов военного юриста 2 ранга т. УХОВА и военнослужащего т. ПАНФИЛОВА, при секретаре военном юристе т. БАТИЩЕВЕ, в закрытом судебном заседании, в городе Казани, без участия сторон обвинения и защиты приступает к рассмотрению дела по обвинению КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича, в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-2, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

В 15 ч. 40 м. председательствующий открыл судебное заседание и объявил какое дело будет слушаться.

Секретарь доложил суду, что подсудимый КАГАНОВИЧ, содержащийся под стражей, в судебное заседание доставлен под конвоем.

Свидетели в судебное заседание не вызывались.

Председательствующий путем опроса удостоверяется в самоличности подсудимого, который о себе следующие сведения:

Я, КАГАНОВИЧ Евсей Абрамович, 1896 года рождения, уроженец города Гомеля, БССР, гражданин СССР, по национальности еврей, образование высшее, беспартийный, состоял членом партии до 1931 года, исключен в связи с арестом за троцкистскую деятельность, по соцпроисхождению и положению служащий, был судим в 1931 году по ст. 58-4 УК РСФСР к 5 годам ссылки, наказание отбыл, до ареста работал начальником планового

отдела стеклозавода в селе Васильево, Юдинского района, ТАССР, под стражей нахожусь с 6 ноября 1940 года.

С обвинительным заключением и протоколом подготовительного заседания я ознакомлен 26 мая 1941 года.

Председательствующий спрашивает подсудимого, какие он имеет ходатайства.

ПОДСУДИМЫЙ КАГАНОВИЧ: Ходатайств не заявил.

Председательствующий разъяснил подсудимому его права в судебном заседании, предусмотренные ст. 277 УПК РСФСР.

Председательствующий объявил состав суда, спрашивает подсудимого, не имеет ли он отвода кому-либо из состава суда.

ПОДСУДИМЫЙ КАГАНОВИЧ отвода составу суда не заявил.

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ

Председательствующий огласив обвинительное заключение и протокол подготовительного заседания Военного Трибунала ПРИВО, спрашивает подсудимого, понятно ли ему в чем он обвиняется и признает ли он себя виновным.

ПОДСУДИМЫЙ КАГАНОВИЧ: Обвинение мне понятно, виновным себя признаю только в том, что состоял в к-р троцкистской организации с 1923 по 1930 гг.

ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМОГО КАГАНОВИЧА

Причина побудившая меня вступить в контрреволюционную организацию, является то, что состав Екатеринбургского губкома партии состоял из троцкистов: Мрачковского, Солнцева, Семашко, Преображенского и других, которые и втянули меня в состав членов контрреволюционной организации.

В 1921 году я был направлен на учебу в город Москву на курсы марксизма. В 1923 году окончив курсы, я был командирован на учебу в институт Красной профессуры.

В институте Красной профессуры я связался с троцкистами Эльциным Виктором, Ленцнером, Дингельштедтом, Левиным (вероятно, опечатка, - Лившицем) Борисом, Красным, Солнцевым, Политниковым (опечатка – Палатниковым), Хариним, Яковлевым и Павловым, с которыми я дальнейшем стал вести троцкистскую работу, выступая уже как фракция.

В 1924 году при выпуске собрания произведений Троцкого я познакомился непосредственно с Троцким, так как я редактировал два первых тома собрания произведений Троцкого 1905 г. и третью книгу - основные проблемы пролетарской революции.

В 1925 году я познакомился с Пятаковым.

В квартирах Троцкого, Пятакова и Преображенского собирались оппозиционные собрания, на которых обсуждались и отстаивались троцкистские взгляды. Я лично сам написал две антипартийные листовки к-р содержания, которые были размножены на пишущей машинке и были разосланы низовым троцкистским агитаторам для агитации за позицию Троцкого.

Оппозиционные собрания Троцкий проводил и у себя в Главконцескоме, где я также присутствовал.

В 1927 году я был исключен из партии, а в 1928 году я был в партии восстановлен. Во время восстановления меня в партии, я скрыл от партии наличие контрреволюционной троцкистской организации. В 1920 году я подписал профсоюзную платформу, а в 1925 году я подписал платформу 83.

В 1930 году мне РЯЗАНОВ сообщил, что РУБИН будет арестован, о чем я сообщил лично Рубину.

В 1931 году я был арестован и осужден к 5 годам ссылки. Будучи в ссылке я троцкистской деятельностью не занимался.

Выступал на городском собрании и в городе Перми, в связи с убийством Кирова, возможно, мое выступление было неудачным.

Находясь в ссылке, я встречался с ссылкойными троцкистами МИЛЕЕВЫМ и ЛИЛЕЕВЫМ, но никакой деловой связи по троцкистской линии с ними не вел, а наоборот я всегда разлагал их политически во взглядах троцкистов.

Я был троцкистом до 1928 года, а после я уже с оппозицией порвал связь.

С 1923 по 1928 год я был активный троцкистский агитатор.

Преображенский на собраниях выступал по вопросу о перерождении партии и о задачах оппозиции.

Все обсуждавшиеся вопросы на троцкистских собраниях были направлены против генеральной линии партии.

Оглашается протокол допроса подсудимого КАГАНОВИЧА от 1931 года, находящийся в пакете.

ПОДСУДИМЫЙ КАГАНОВИЧ: Правильно, такой разговор у меня с РУБИНЫМ был.

Когда я изменил свой взгляд по отношению к оппозиции, то Троцкий вызвал меня к себе на квартиру и просил меня остаться в оппозиции, указывая, что оппозиция еще придет к руководству.

Председательствующий спрашивает подсудимого, чем еще он может дополнить судебное следствие.

Подсудимый КАГАНОВИЧ судебное следствие ничем не дополнил.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил последнее слово подсудимому.

ПОДСУДИМЫЙ КАГАНОВИЧ: Признавая себя виновным, я вполне сознаю, что состоял в троцкистской организации, я, конечно, нанес много вреда партии и Советской власти, но я прошу суд учесть, что я был завербован в троцкистскую организацию в тот момент, когда я еще недостаточно был устойчив в политических вопросах.

Я прошу суд сохранить мне жизнь, дать мне возможность искупить свою вину честным трудом.

В 17 ч. 10 м. трибунал удаляется на совещание.

В 18 ч. 15 м. по возвращении из совещательной комнаты председательствующий огласил приговор и разъяснил подсудимому сущность приговора и порядок его обжалования.

ПОДСУДИМЫЙ сущность приговора и порядок его обжалования понял.

Военный Трибунал, ОПРЕДЕЛИЛ:

Меру пресечения до вступления приговора в законную силу подсудимому КАГАНОВИЧУ оставить прежнюю, т.е. содержание под стражей. В 18 ч. 20 м. председательствующий объявил суд. заседание закрытым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

ВОЕННЫЙ ЮРИСТ 2 РАНГА

(РЯБЦЕВ)

СЕКРЕТАРЬ ВОЕННЫЙ ЮРИСТ

(БАТИЩЕВ)».

Комментировать тут что-либо трудно, разве что сказать, что, наверное, очень похоже на то, что происходило во времена святой инквизиции. Да, ещё обращает на себя внимание тот факт, что два члена трибунала, бывшие на предварительном заседании, заменены другими. Может, их самих успели посадить за эти несколько дней?

Ну и сам приговор:

«Приговор № 135

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

1941 года, мая 29 дня Военный трибунал Приволжского Военного Округа в составе: Председательствующего Военного Юриста 2 ранга РЯБЦЕВА и членов Военного Юриста 2 ранга УХОВА и военнослужащего ПАНФИЛОВА, при секретаре Военном Юристе БАТЫРЕВЕ, в закрытом судебном заседании в гор. Казани, без участия сторон обвинения и защиты, рассмотрел дело за № 00154 по обвинению гражданина КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича, 1896 года рождения, по национальности еврея, гражданина СССР, уроженца гор. Гомеля, Гомельской Области, БССР, по социальному происхождению и социальному

положению служащего, женатого, беспартийного, окончившего институт красной профессуры в 1925 году, судимого Коллегией ОГПУ в декабре месяце 1931 года сроком на ПЯТЬ лет ИТЛ, наказание отбывшего, до ареста работал начальником планового отдела Стеклозавода «Победа Труда», в совершении предусмотренных ст. ст. 58-2, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Судебным следствие и материалами дела Трибунал нашел установленным, что КАГАНОВИЧ с 1920 года по день его ареста являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации, участвовал на нелегальных собраниях в Главконцеском у врага народа Троцкого и на квартирах у врагов народа: ПЯТАКОВА, ПРЕОБРАЖЕНСКОГО и других участников контрреволюционной организации, где обсуждали вопросы контрреволюционного порядка, свержения Советской Власти и руководства ВКП(б). Редактировал и подготовил к печати три контрреволюционных работы - врага народа Троцкого; две книги «1905 год» и «Основные проблемы пролетарской революции». Редактировал и подготовил контрреволюционные платформы: 83 и о Профсоюзах, а также выпускал и распространял контрреволюционные листовки. Отбывая срок наказания в ссылке, имел идейную связь с высланными троцкистами. В 1934 году на городском партийном активе в городе Перми, выступил в защиту врагов народа троцкистов.

На основании вышеизложенного, признавая КАГАНОВИЧА виновным, в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-2, 58-8, и 58-11 УК РСФСР, а потому руководствуясь ст. 49 УК, по совокупности совершенных им преступлений Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

КАГАНОВИЧА Евсея Абрамовича, на основании ст. 58-2 УК, подвергнуть к высшей мере наказания расстрелять с конфискацией принадлежащего ему лично имущества.

Приговор на основании 400 ст. УПК может быть обжалован в кассационном порядке в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР, в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденному, через ВТ, вынесший приговор».

Характерно, что в приговоре даже присочинили то, до чего не додумались следователи: о редактировании платформ 83 и о Профсоюзах, наверное, показалось, что «грехов», «найденных» следователями недостаточно. И конечно, смешно звучит: «контрреволюционные работы ... “1905 год”и “Основные проблемы пролетарской революции”» и далее «имел идейную связь с высланными троцкистами».

И последний документ, «завершающий работу» репрессивной сталинской машины:

«Определение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР № 5-5531. 24 июня 1941 г.

Председатель армвоенюрист УЛЬРИХ, члены: бригавоенюрист КЛАМИК и военюрист 1 ранга БУКАНОВ.

Рассмотрев кассационную жалобу, определили: оставить приговор без изменения».

На что я обратил внимание, читая этот документ: прежде всего, что принят он на третий день войны! На одиозную фигуру председательствующего, пресловутого Ульриха, наряду с Вышинским, «героя» так называемых «открытых» процессов 1936-1938 гг. Ну, и на то, что эти почему-то «товарищами» себя не считали: буква «т» отсутствует.

Когда я окончил читать это последнее дело, то так и нашёл в нём дату смерти дяди. Обратился с этим вопросом в архив. Оказалось, я недосмотрел: на обороте определения по кассации оказалась рукописная запись о том, что приговор приведён в исполнение 17 июля 1941 г. и некая подпись.

И всё же, какова была цель этого? Не представлял ведь Евсей никакой опасности для тех самых «Советской Власти и руководства ВКП(б)». Да, и время массовых репрессий с заданиями на репрессии и списками на расстрел, вроде, уже закончилось. В голове вертятся две одинаково ужасные версии, основой которых маниакальная ненависть Сталина к своим личным врагам. Нет, Евсей, конечно, не был достоин этой «чести». Но... Первая версия. В августе 1940 г. по приказу Сталина убили Троцкого и, возможно, Сталин дал приказ уничтожить всех оставшихся ещё в живых к тому времени троцкистов, чтобы, как говорится, и духу их не было в стране. В пользу этой версии говорит и факт расстрела одного из упомянутых в деле – Кубанина, даже позднее Евсея и тоже в дни войны. Вторая версия, аналогичная, но в качестве врага выступает Рязанов, которого по приказу Сталина убили в 1938-м. И опять-таки надо было уничтожить всех тех, кто проходил по одному делу с ним. Здесь, конечно, масштаб, меньше, но всё же и эта версия возможна. А может обе версии имели место быть...

В описании одной диссертации, посвящённой истории политических репрессий в Татарстане нашёл такую фразу: «Судебные органы в 1941 г. особой лояльностью не отличались. К высшей мере наказания через расстрел было приговорено 87 человек (из них в декабре - 66)»[\[108\]](#). Значит, Евсей был в числе 21 человека, расстрелянного в ТАССР в январе-ноябре 1941 г. Рассуждая цинично, почти «вегетарианское» время, не то, в предыдущие годы

Последний документ в деле это заключение по делу в связи с реабилитацией жертв политических репрессий. К сожалению, я не успел записать документ до конца - отключился ноутбук. К слову тут сказать, непонятно почему в читальном зале не установили розетки на столы... Но приведу документ в том виде, как его успел записать:

«УТВЕРЖДАЮ:

Татарстан

И.о. Прокурора Республики

Ст. советник юстиции

С.Х.

НАФИЕВ

23 ноября

1992 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по материалам архивного уголовного дела № 1488

Фамилия	Каганович
Имя	Евсей
Отчество	Абрамович
Год рождения	1896 г. р.
Место рождения	г. Гомель, БССР
Партийность	беспартийный
Национальность, образование	еврей, высшее
Место жительства и работы до ареста	п. Васильево, стеклозавод «Победа труда» Кировского района ТАССР, начальник планового отдела
Сведения о родственниках	жена Елена Ивановна 1900 г.р. дочь Людмила 12 лет сын Юрий (не родной)

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким органом было вынесено решение по делу арестован 6 ноября 1941 г. обвинение предъявлено по ст. ст. 58-2, 58-8 и 58-11 УК РСФСР, решение по делу было принято Военным трибуналом Приволжского военного округа 29 мая 1941 г.

Каганович Е.А. признан виновным в том, что с 1920 г. по день ареста являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации, редактировал и подготовил к печати три контрреволюционных книги врага народа Троцкого.

Как видно из материалов дела, что Каганович Е.А. за вмененное обвинение отбыл меру наказания.

Никаких доказательств виновности Кагановича Е.А. в деле не имеется...».

Удивило в этом документе, что не подвергнута сомнению «вина» по делу 1931 г. , мол, за вмененное наказание отбыл меру наказания», да и ладно. Дело ведь было не казанское, а московское...

И вот ещё какие мысли приходят в голову. А ведь сегодня и следователи, и судьи применяют те же методы, не гнушаются ни признанием преступными событий, которые в момент их свершения были вполне законными, ни прямой фальсификацией доказательств, ни переписыванием, да ещё и с дополнением обвинительного заключения в приговор. Конечно, внешне всё более прилично, и «соствязание» обвинения и защиты по форме присутствует, и свидетели дают показания, и гражданских лиц не судят военным

трибуналом. И всё же, всё же суть, похоже, осталась та же: выполнить волю начальства любой ценой.

И ещё. Нам уже трудно понять, кто был бы лучше для нашей страны: Сталин или Троцкий. Хотя мы знаем, что при Сталине мы заплатили страшную цену за развитие страны. И те, кто повторяют фразу Черчилля о том, что Сталин принял страну с сохой, а оставил её с атомной бомбой, забывают, что это мы заплатили жизнями не только его политических противников, не только жизнями ни в чём неповинных рабочих, крестьян, представителей интеллигенции и других граждан страны, но и многими жизнями тех, кто осуществлял те самые стройки заводов, фабрик, дорог и городов, например, упомянутый здесь Сергей Витальевич Мрачковский, начинавший строить БАМ и построивший железную дорогу Караганда-Балхаш, или Шалва Степанович Окуджава, который организовывал строительство Нижнетагильского металлургического комбината и города Нижний Тагил.

Не хочу думать, что жизнь Евсея прошла зря. Надеюсь, что те, кто учился у него, помнят его (если, конечно, живы). В этой связи вспоминаю своего преподавателя политэкономии в институте по фамилии Наумов. Я всегда замечал, что он относится ко мне как-то особенно, очень добро. И мне казалось, что он знал Евсея, может быть учился у него. Надеюсь, что удастся найти ещё что-то из его работ, кроме предисловий и комментариев к томам сочинений Троцкого.

Хочу предложить своим немногочисленным родственникам отметить скорбный день 17 июля – семидесятилетие со дня убийства дяди Евсея.

В.И. Каганович

23 февраля 2011 года

[1] Сновск – в годы советской власти назывался Щорс (а может, и сейчас так называется, не знаю) в честь героя гражданской войны Николая Щорса, родившегося там. В последние годы стал известен по роману А.Н. Рыбакова «Тяжёлый песок», действие которого происходит в Сновске.

[2] Еврейская история Гомеля. <http://jewishgomel.com/flash/ru/#/0>

[3] Там же.

[4] Поль Лафарг. Сочинения. Тома 1 и 2. Под редакцией Д. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Библиотека научного социализма. Под общей редакцией Д. Рязанова. М.-Л., Государственное издательство, 1925.

[5] Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х книгах. Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. М.-Л., Государственное издательство, 1925.

[6] Так отца назвали при рождении, но в послереволюционные годы при получении паспорта и в иных документах он уже называется Исааком.

[7] Лейвик. Надо отметить, что в официальных документах (паспортах, анкетах и т.п.) и Лейвика, и Лейбу называли Львом.

[8] Город в Одесской губернии.

[9] Из

Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2.%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B9%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87>

[10] Группа меньшевиков-оборонцев возникла в годы Первой мировой войны. В группу входили и соратники Плеханова, старейшие социал-демократы Вер Засулич, Лев Дейч.

[11] Коммунистическая академия (Комакадемия) - высшее учебное и научно-исследовательское учреждение по общественным и естественным наукам (1918 - 1936). Основана декретом ВЦИК РСФСР 25 июня 1918 в Москве и названа Социалистической академией общественных наук, открыта 1 октября 1918; по положению, утвержденному ВЦИК 15 апреля 1919, именовалась Социалистической академией. В Комакадемию входило около 100 действительных членов и ряд членов корреспондентов. Научные задачи заключались в "исследовании и разработке вопросов истории, теории и практики социализма", учебные - в "подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства", организационные - в "объединении и сплочении работников научного социализма". С 17 апреля 1924 называлась Коммунистической академией. В 1936 г. ликвидирована с присоединением научных учреждений в Академии наук СССР.

[12] Институт красной профессуры (ИКП) - специальное высшее учебное заведение, готовившее преподавателей общественных наук для вузов, а также работников для научно-исследовательских учреждений, центральных партийных и государственных органов. Организован согласно подписанному В. И. Лениным постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 в Москве, находился в ведении Наркомпроса, общее руководство осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. Первоначально единый ИКП через год имел 3 отделения: экономическое, историческое и философское.

[13] Институт Маркса и Энгельса - был создан 11 января 1921 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б). Вначале институт находился при Социалистической академии, затем

с [1 июня 1922 года](#) — при [ВЦИК](#), с апреля [1924 года](#) — при [ЦИК СССР](#). Директором ИМЭ в 1921—1931 годах был [Д. Б. Рязанов](#).

[14] Здесь и далее орфография Евсея.

[15] Дискуссия о профсоюзах возникла в РКП (б) в начале 20-х гг. Застрельщиком этой дискуссии стал Л.Д. Троцкий. Он и его сторонники предложили и дальше "завинчивать гайки" в обществе и в профсоюзы, рабочую среду перенести армейские порядки. "[Рабочая оппозиция](#)" (А.Г. Шляпников, С.П. Медведев, А.М. Коллонтай) рассматривала профсоюзы как высшую форму организации [пролетариата](#), требовала передачи профсоюзам права руководства народным хозяйством. Группа "демократического централизма" (Т.В. Сапронов, В.В. Осинский и др.) выступала против руководящей роли РКП (б) в Советах и профсоюзах, а внутри партии требовала свободы фракций и группировок. В.И. [Ленин](#) и его сторонники составили свою платформу, определившую профсоюзы как школу управления, школу хозяйничанья, школу коммунизма. В ходе дискуссии борьба развернулась и по другим - коренным вопросам политики партии в послевоенный период: об отношении рабочего [класса](#) к крестьянству, о подходе партии к массам вообще в условиях мирного социалистического строительства. Итоги дискуссии о профсоюзах были подведены на X съезде РКП (б) (8-16 [марта](#) 1921 г.

[16] Возможно, в первом случае речь идёт о Симашко Александре Петровне. В базе жертвы политических репрессий о ней сказано: Родилась в 1894 г., Новочеркасске; русская; член ВКП(б); Экономист-плановик в райздравотделе. Проживала: Иркутск, ул. Горького, д.28, кв.4.. Арестована 17 августа 1936 г. Приговорена: Военным Трибуналом МВО 5 мая 1939 г., обв.: участия в к.-р. организации. Расстреляна 3 июля 1939 г. Место захоронения - Москва, Донское кладбище. Реабилитирована 11 апреля 1991 г. Прокуратурой СССР. Уфимцев Николай Иванович – в то время ответственный секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б), в материалах фонда А.Н. Яковлева есть следующие сведения о нём: Уфимцев Николай Иванович, 1896 г. рожд. Русский, член ВКП(б) в 1906 г., член коллегии и заместитель начальника Главхимпрома НКТП. Привлекался по делу так называемой «контрреволюционной троцкистской группы Смирнова И.Н., Тер-Ваганяна, Преображенского Е.А. и других», постановлением Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1933 г. был заключён в места лишения свободы на три года, в апреле 1939 г. реабилитирован. Сведения о его дальнейшей судьбе не установлено. Тунтул Иван Яковлевич, 1892 г. рожд., секретарь Уральского бюро ЦК РКП(б). Был избран членом ЦК РКП(б) на X съезде партии (март 1921 г.). Арестован УНКВД по Хабаровскому краю 7 апреля 1937 г. Приговорен: Военной Коллегией Верховного Суда СССР, выездная сессия 25 мая 1938 г., обвинен по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 25 мая 1938 г. Место захоронения - г. Хабаровск. Реабилитирован 22 сентября 1960 г. определением ВК ВС СССР дело прекращено за отсутствием состава преступления. Надо отметить, что сведения о И.Я. Тунтуле несколько разнятся. Воробьев В.А. – упоминается в указанной ниже работе как один из руководителей Екатеринбургского губкома РКПБ, сторонник Л.Д. Троцкого.

[17] Удивительные всё-таки бывают сближения. Евтушенко Ермолай Наумович – это дед Евгения Александровича Евтушенко со стороны его матери. Вот что, например, пишет он в «Строфах века»: Муж бабушки Марии Иосифовны, мой дедушка, Ермолай Наумович

Евтушенко,- белорус, полный георгиевский кавалер, впоследствии арестованный и исчезнувший в 1937-м. А вот что говорится о нём на сайте «Репрессии в Красной армии»: **Евтушенко Ермолай Наумович**. Род.1883, д. Химичи Азарической вол. Бобрыйского уезда Минской губ.; белорус, член ВКП(б) с 1917, обр. высшее, инспектор Артиллерийского управления РККА, бригадир, прож. в Москве: ул. Садовая-Кудринская, д.26/40, кв.3. Арест. 17.02.1938. Приговорен ВКВС СССР 25.08.1938 по обв. в участии в к.-р. террористической организации. Расстрелян 25.08.1938. Реабилитирован 23.03.1957.

[18] <http://www.sgu.ru/files/nodes/10087/30.pdf>

[19] Здесь и далее вопрос допрашивающего и ответ допрашиваемого обозначаются, соответственно, «В» и «О». В выдержках из протоколов и в других следственных и судебных документах здесь и далее сохранены их орфография и пунктуация.

[20] Т.н. «Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра» 19-24 августа 1936 г. Первый из т.н. «открытых судебных процессов» 1936-38 гг. Так сказать «бенефис» А.Я. Вышинского и В.В. Ульриха.

[21] Вероятно, речь идёт о внутривнутрипартийной дискуссии перед XII съездом партии.

[22] Эльцин Виктор Борисович(1899-1938) Сын старого большевика Б.М. Эльцина (расстрелян 27 ноября 1937 г., реабилитирован в ноябре 1956 г.). Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. председатель Вятского Совета. В годы Гражданской войны политкомиссар дивизии. Выпускник Института Красной профессуры, экономист. Главный редактор Собрания сочинений Троцкого. С 1928 г. в ссылках, политизоляторах, лагерях. Расстрелян 1 марта 1938 г.

[23] Ленцнер Наум Михайлович (1902-1936) окончил Институт красной профессуры (1926), один из редакторов и автор комментариев 3-го тома Полного собрания сочинений Троцкого. С 1932 г. в Белоруссии редактор газет «Рабочий» и «Звезда». Арестован 1 апреля 1936 г. и расстрелян 3 октября 1936 г., реабилитирован 6 июня 1956 г.

[24] Дингельштедт Федор Николаевич (1894-1937?) — советский партийный деятель, большевик с 1910 г. В 20-е годы был ректором Лесного института в Ленинграде. Социолог и экономист. Исследования проблемы социального развития Индии. Участник объединенной оппозиции. 1926-1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в г. Канск. Дальнейшая судьба неизвестна. Видимо, был расстрелян во время «большого террора» (Так, в книге В. Сержа указано: расстрелян).

[25] Первоначально не удалось обнаружить сведений. О сведениях обнаруженных позднее говорится в последующем тексте.

[26] Красный Саул – известно, что был сослан и умер после возвращения из ссылки в 1930 г. Удалось также найти лишь ссылку на статью о нём в журнале «Историк-Марксист», 1930, том 20, с. 65: С. Куннский. Саул Красный.

[27] Солнцев Ю. (Елизар Борисович) (1899, по другим сведениям, 1897-1936) - советский историк и экономист. В середине 20-х годов слушатель Института

красной профессуры.
Затем работник советских торговых представительств в Германии и США. Участник объединённой оппозиции 1926-1927 гг. Сотрудничал с американскими сторонниками Троцкого. Был отозван из США и приговорен к тюремному заключению на пять лет. В 1933 г. приговорен к заключению еще на пять лет. В конце 1935 г. объявил голодовку. Умер в Новосибирске в январе 1936 г. в результате последствий голодовки. Имеется также сообщение в выходившем за границей Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев) № 50 за 1936 г.: о его смерти в ссылке, см. в материале - Из СССР. Гибель Солнцева: «Мы давно беспокоились о Солнцева. Недавние письма приносят нам тяжелую весть о его гибели. - Молодой еще (ему было не больше 35 лет), Солнцев принадлежал к числу самых одаренных, верных и авторитетных большевиков-ленинцев. Вернувшийся из командировки в С. Ш. в 1927-1928 г.г., куда он ездил, кажется, с Пятаковым, он вскоре был арестован, послан в изолятор на 3 года, получил затем прибавку в 2 г., отбыл этот срок в Верхнеуральске, затем был освобожден после массовой голодовки оппозиционеров против повторных, автоматических "приговоров" к новой изоляции и сослан не то в северную часть Урала, не то в Западную Сибирь (точно не могу припомнить место), в совсем глухое местечко, где он оказался совершенно один, разумеется, обреченный на полную безработицу. Письма к нему почти не доходили, письма от него доходили к друзьям в пропорции: одно из трех-четырёх. Жена его и ребенок были сосланы в Минусинск, - изобретательные бюрократы еще пытались сломить борца ломкой его личной жизни. В середине 1935 года Солнцева вновь арестовывают в ссылке, где его политическая бездеятельность не могла не быть полной. Ему дают новый приговор: 5 лет изоляции, на который он немедленно отвечает смертельной голодовкой. На 18-ый день голодовки ему сообщают, что приговор отменен. Близится смерть и палачам становится "неловко". Ведь - узнают! Солнцева дают ссылку в Минусинск, т.-е. возможность увидеть жену и сына. Не поправившись, он отправляется в путь - этапом, с конвоем, с уголовными, в арестантских вагонах, по вонючим пересыльным тюрьмам старого режима. По пути, в Новосибирске его приходится срочно оперировать. У него воспаление среднего уха, и он умирает на больничной койке (январь 1936 г.)». В Интернете: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/trozky/bltn/50/BO-0469.html>

[28] Сведений не обнаружено.

[29] Харин Соломон Михайлович. Род.28.04.1897, г. Гродно, еврей, член ВКП(б), обр. высшее, экономист правления Госбанка СССР, прож.: г. Москва, ул. Дурова, 36а - 5. Арест. 28.03.1936. Приговорен ВКВС 4.11.1936, обв.: к.-р. и тер. деятельность. Расстрелян 4.11.1936. Определением ВКВС от 23.05.1956 реабилитирован (сведения на сайте: <http://www.memo.ru/memory/DONSKOE/d36-11.htm>).

[30] Сведений обнаружить не удалось.

[31] По уточнённым данным Павлов – это Павлов (Фейгель) Иосиф Моисеевич, который содержится в списках, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР по Казахской ССР по 1-й категории (ВМН), которые были утверждены Сталиным, Молотовым и Ждановым 22.11. 1937 г. См. в архиве АПРФ: <http://stalin.memo.ru/spiski/pg05046.htm> Вот какие сведения о нём приводятся: Павлов Михаил Васильевич (в ЧК работал под фамилией Павлов, наст, имя Фейгель

Иосиф Моисеевич, 1891-1938). Член партии с 1918 г. Родился в Минской губернии. В 1919-1920 гг. - заведующий Казанским губ. отделом юстиции. В ЧК с 1920 г. - заведующий секретно-оперативным отделом, председатель Киевской губ. ЧК (одновременно полпред ЦУЧК в Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской губерниях). В январе-апреле 1921 г. - начальник ОО Черного и Азовского морей. Образование: высшее. Окончил Институт красной профессуры. С 1921 г. - на научной и дипломатической работе. Участник троцкистской оппозиции, исключался из партии в 1929 и 1932 гг. (восстановлен). Затем на хозяйственной работе - помощник начальника строительства Балхашстроя (Казахстан). Арестован 27.08. 1936 г. Осужд. 25.02.1938 Военная коллегия Верховного суда СССР, выездная сессия. Обв. 58-7, 58-8, 58-11. Расстрелян. Реабилитирован: апрель 1957 Выездная сессия военной коллегии ВС СССР, основание: за отсутствием состава преступления.

[32] Л. Троцкий. Сочинения. Том 2. Наша первая революция. Часть 1. М.-Л., 1925.

[33] Л. Троцкий. Сочинения. Том 2. Наша первая революция. Часть 2. М.-Л., 1927.

[34] Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. М.-Л., 1925.

[35] Л. Троцкий. Сочинения. Том 2. Наша первая революция. Часть 1. М.-Л., 1925.

[36] Л. Троцкий. Сочинения. Том 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. М.-Л., 1925.

[37] Так в протоколе, на самом деле, Палатников Н.А. – был редактором тома 8 Сочинений Л.Д. Троцкого. По данным, приведенным в Протоколе № 11 Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг. от 29.05. 1990 г.: Палатников Наум Абрамович, 1896 года рождения, еврей, член ВКП(б) с 1919 года, заместитель начальника финансово-экономического сектора Наркомата финансов РСФСР, был арестован по делу так называемой «контрреволюционной троцкистской группы Смирнова И.Н., Тер-Ваганяна В.А., Преображенского Е.А. и других» и приговорён постановлением Коллегии ОГПУ от 16 апреля 1933 г. к высылке в Северный край сроком на три года. В апреле 1989 г. Палатников Н.А. был реабилитирован. Седения о его дальнейшей судьбе не установлены.

[38] Так в протоколе, на самом деле, Ленцнер, см. выше.

[39] Яковин Григорий Яковлевич родился 1 декабря 1899 г. в деревне Кривачинцы Подольской губернии, Сарновской волости Проскуровского уезда. Фамилия Яковин, скорее всего, псевдоним — по отчеству. Настоящая фамилия — Мительман (такова фамилия родителей, братьев и сестер). Образование — высшее. В 1924 г. закончил Институт Красной Профессуры, до того окончил 2 курса Одесского университета в 1917 г. Член ВКП(б) с декабря 1918 г. В годы Гражданской войны — на партийной работе (в Киеве) и в рядах Красной Армии («на командно-политических должностях»: зам военкома бригады), затем — секретарь укома на Донбассе, член политтройки по борьбе с махновцами. Можно предположить, что как троцкист был выслан в Ярославль, где был

приговорен: ОСО НКВД СССР 10 июля 1936 г. Приговор: ИТЛ-5. Снова арестован 28 сентября 1937 г. Приговорен: "тройкой" при УНКВД Архангельской области 25 декабря 1937 г., обв.: по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 1 марта 1938 г. Об этом человеке известно, что он был мужем будущего академика и члена ЦК ВКП(б) А.М. Панкратовой. Они были прообразами поэмы Наума Коржавина, см. об этом: http://scepsis.ru/library/id_2861.html Есть и ещё одно интересное свидетельство о нём и ещё об одном из названных здесь троцкистах: «У нас было два по-настоящему крупных марксистских теоретика, Яковин и Дингельштедт...». Виктор Серж. От революции к тоталитаризму. Мемуары революционера. См.: <http://artemvesely.narod.ru/Serzh.htm>

[40] Гонимон Соломон Львович. Родился в 1897 г., г. Могилев. Был одной из самых ярких фигур в политической элите Могилева первых послереволюционных лет, делегат II Всероссийского съезда советов. Как троцкист был выслан в Вятку (Киров), где был арестован в 1937 г. Срок отбывал в Норильсклаге. О дальнейшей судьбе сведений не обнаружено.

[41] Сведений не обнаружено.

[42] Возможно, это: Каплинский Давид Исаакович. Родился в 1902 г., Польша; еврей; Проживал: г. Москва. Арестован в 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 9 мая 1938 г., обв.: контрреволюционная троцкистская деятельность. Расстрелян 5 июня 1938 г. Реабилитирован в октябре 1956 г. Источник: Книга памяти Магаданской обл.

[43] КУБАНИН Михаил Ильич (1898—1941), член партии с 1918 г., экономист-аграрник, доктор экономических наук (1935), ст. науч. сотр. ин-та Экономики АН СССР. Занимался проблемами социально-экономического развития сельского хозяйства СССР в переходный период; впервые рассчитал соотношение производительности труда в сельском хозяйстве СССР и капиталистических стран (США и др.) в 1930-х гг. Арестован 5 мая 1941 г. Приговорен: ВТ войск НКВД СССР 5 сентября 1941 г. Приговор: ВМН. Определ. ВК ВС СССР от 18.09.1941 приговор оставлен в силе. Расстрелян 13 октября 1941 г. Место захоронения - г. Москва. Реабилитирован посмертно.

[44] Так в протоколе, на самом деле, Лившиц.

[45] Возможно, это Гингорн Семен Владимирович. По некоторым данным был профессором истории в Свердловске. В базе данных жертв политических репрессий в СССР о нём такие сведения: Родился в 1896 г., Белоруссия, г. Мстиславль; еврей; тюрьма №1, заключенный. Проживал: г. Свердловск. Арестован 21 июля 1936 г. Приговорен: 21 марта 1937 г. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 марта 1937 г.

Источник: Книга памяти Свердловской обл.

[46] Возможно, это: Владимиров Владимир Савельевич, род. 1895, в Могилеве, еврей, член ВКП(б), управляющий московской конторой Гл. управления алюминиевой промышленности Наркомата цветной металлургии СССР. Адрес: Хохловский пер., д.11, кв.26. Расстрелян 5.02.1940. Место захоронения: Донское. Вместе с тем, возможно, что это другое лицо, о котором сказано в примечаниях далее.

[47] Сведений не установлено.

[48] Вероятно, Альтер Исаак Маркович, 1892 г. рожд., автор монографии: *Философия Гольбаха: к характеристике французского материализма XVIII века*. Новая Москва, 1925 (Труды Института красной профессуры. Секция философии / под общ. ред. А. М. Деборина). Был репрессирован, дальнейшая судьба неизвестна.

[49] Сведений не установлено.

[50] Сведений не установлено.

[51] Возможно, это Вайсберг Роман Ефимович (1896-1935), экономист, автор книги: *Деньги и цены*. М.: Изд-во Госплана СССР, 1925. О нём также в книге: Мау В.А. *Реформы и догмы, 1914 - 1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма*. Москва : Дело, 1993. Других сведений не обнаружено.

[52] Гольденберг Элькон Зиновьевич. Родился 05.11.1901, г. Мирополь Волынской губ.; еврей; образование высшее. С 1920 г. член РКП(б). В 1920 г. был секретарем редакции газеты "Советский Дон", затем занимал ряд постов в Красной Армии в Донской области. В 1921-1923 гг. слушатель Института красной профессуры. В 1923 г. краткое время симпатизировал Троцкому. С 1924 г. декан экономического отделения Коммунистического университета им. Зиновьева в Ленинграде. С 1927 г. член редколлегии журнала "Коммунистический Интернационал", сотрудничал в газете "Правда" и журнале "Большевик". В 1928 г. был инструктором Западноевропейского бюро Коминтерна в Берлине. Позже работал в Госплане СССР, был заместителем председателя Госплана РСФСР. Во второй половине 20-х годов был участником "школы Бухарина". В 1930 г. признал свои "правооппортунистические" ошибки. Был отправлен на периферию. В 1930-1937 гг. занимал различные должности в строительных организациях Кузнецкого бассейна, а затем г. Керчи: начальник строительства Камыш-Бурунского железорудного комбината. Проживал: Москва, ул.2-я Извозная, д.17, кв.45. Арестован 13 апреля 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 15 июля 1937 г., обв.: участия в к.-р. террористической организации. Расстрелян 15 июля 1937 г. Место захоронения - Москва, Донское кладбище. Реабилитирован 30 апреля 1957 г. ВКВС СССР.

[53] Вероятно, это Стопалов Григорий (Георгий) Михайлович. Родился в 1900 г., Днепропетровск; еврей. Неоднократно был арестован: приговорен: ОС НКВД СССР 2 марта 1929 г., приговор: 3 года политизолятора, пост. ОС НКВД СССР от 12.09.1931 лишение свободы заменено на ссылку в Казахстан на 3 года, пост. ОС НКВД СССР от 14.07.1932 во изм. предыдущего пост. заключен в политизолятор на 3 года; приговорен: ОС НКВД СССР 5 января 1935 г., приговор: по отбытии срока наказания выслать в Северный край на 3 года; проживал: г. Архангельск, приговорен: ОС НКВД СССР 27 мая 1936 г., обв.: КРТД, приговор: 5 лет ИТЛ. В заключении в Севвостлаге НКВД; приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 14 сентября 1937 г., обвинен: контрреволюционная троцкистская деятельность. Расстрелян 27 ноября 1937 г. Реабилитирован 12 ноября 1956 г.

[54] Интересно, как это можно было сохранить эти «Троцкистские кадры», если их к этому времени успели расстрелять?

[55] Главный концессионный комитет республики (Главконцеском) был образован после издания декрета Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. о разрешении заключать концессионные договоры с целью привлечения иностранного капитала в Россию. Л.Д.Троцкий возглавлял Главконцеском после его снятия с

поста наркома по военным и морским делам (снят в январе и назначен в мае 1925 г.). С поста председателя Главконцескома Троцкий был снят после его исключения из ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г.

[56] Вот как пишет о тех событиях, правда в Ленинграде, Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич), известный троцкист и автор воспоминаний (30 декабря 1890, Брюссель – 17 ноября 1947, Мехико): «Примечательное совпадение дат: советский термидор свершился в ноябре 1927 года, в годовщину взятия власти. Через десять лет исчерпанная революция повернулась против самой себя. 7 ноября 1917 года Троцкий, председатель Петроградского совета, руководил победоносным восстанием. 2 ноября 1927 года «Правда» публикует отчет о его последней речи, произнесенной в октябре в ЦК и прерывавшейся выкриками. В то время как он говорил с трибуны, окруженный людьми, служившими ему оплотом, Скрыпник, Чубарь, Уншлихт, Голощекин, Ломов и некоторые другие, покуда в теле, но не подозревающие, что, в сущности, они лишь беспокойные призраки будущих самоубийц и расстрелянных, оскорбляли его, как зафиксировала стенограмма: «Меньшевик! Предатель! Сволочь! Либерал! Лжец! Каналья! Презренный фразер! Ренегат! Гад!» Ярославский бросает ему в голову толстой книгой. Старый рабочий Евдокимов закатывает рукава, готовый броситься в драку. Нестерпимо саркастичный голос Троцкого чеканит: «Ваши книги нельзя больше читать, но ими еще можно избивать людей»... «Выступающий: За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутри буржуазия... (Шум. Крики: Долой!) Ворошилов: Будет вам! Позор! (Свист, все нарастающий, шум, ничего не слышно, звонок председателя. Свистки. Голоса: Долой с трибуны! Тов. Троцкий все время читает, но нельзя разобрать ни одного слова. Члены Пленума встают с мест и начинают расходиться.)» (Текст «Правды»). Зиновьев под свист покинул трибуну после того, как сказал: «Вам придется либо дать нам говорить к партии и в партии, либо — арестовать нас всех. Другого выбора нет. (Смех)». Верили ли сами оскорбляющие в то, что кричали? В большинстве своем искренние, ограниченные и преданные, эти жестокие выскочки победившей революции оправдывали свои злоупотребления и привилегии службой социализму. Осмеянные оппозицией, они чувствовали себя оскорбленными и в некотором смысле были ими, потому что оппозиция сама принадлежала к правящей бюрократии. Мы решили участвовать в манифестации 7 ноября со своими собственными лозунгами... В Ленинграде служба, следящая за порядком, с умыслом позволила оппозиционерам пройти перед официальной трибуной, возведенной под окнами Зимнего, чтобы оттеснить их в проход между музеем Эрмитаж и зданием Архива. Помятый в нескольких схватках, я не смог присоединиться к процессии. Немного постоял, всматриваясь в поток бедняков под красными знаменами. Время от времени организатор поворачивался к своей группе и выкрикивал здравицы, которые неуверенно повторял хор голосов. Я сделал несколько шагов в направлении колонны и тоже крикнул — один, поодаль за мной шли жена и ребенок. Я выкрикнул имена Троцкого и Зиновьева, их встретило удивленное молчание. Организатор процессии,

одолевая оцепенение, злобно ответил: «На свалку!» Никто не поддержал его, тут я очень ясно почувствовал, что сейчас буду атакован с фланга. Возникшие неизвестно откуда мордovorоты мерили меня взглядом, немного колеблясь, потому что я мог оказаться большой шишкой. Какой-то студент пересек пустоту, образовавшуюся вокруг меня, и прошептал мне на ухо: «Пойдем отсюда, дело принимает плохой оборот, я прикрою сзади»... Я понял, что достаточно выступить в общественном месте цивилизованного города, чтобы быть безнаказанно избитым, чтобы мгновенно вызвать насилие. Сделав крюк, я постарался присоединиться к товарищам. На мосту на улице Халтурина (бывшей Миллионной) конная милиция сдерживала группы зевак. Беззлобное волнение кипело на пяточке у подножья высоких фигур из серого гранита, поддерживающих портик Эрмитажа. Несколько сотен оппозиционеров по-товарищески толкались с милицией. Лошади грудью оттесняли людскую волну, которая вновь накатывала на них, ведомая высоким безусым военным с открытым лицом, Бакаевым, бывшим начальником нашей ЧК. Я увидел, как Лашевич, грузный, приземистый, командовавший в свое время армиями, с несколькими рабочими бросился на милиционера, выбил из седла, а затем помог подняться, выговаривая командирским голосом: «Как тебе не стыдно нападать на ленинградских пролетариев?» На нем болталась солдатская шинель без знаков различия. Его тяжелое лицо любителя выпить, будто написанное Франсом Хальсом, побагровело. Схватка длилась долго. Вокруг возбужденной группы, в которой находился и я, царило изумленное молчание. Вечером мы собрались вместе с Бакаевым и Лашевичем, одежда на которых была разорвана. Кто-то горячился: — Ну что ж, еще повоюем! — С кем? — пылко отзывались другие. — Со своими?». См. в Интернете: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pagesb2b1-2.html?Key=12241&page=255

[57] Иоффе Адольф Абрамович (10 (22) октября 1882 – 17 ноября 1927) - в 1903-1904 гг. учился на медицинском факультете Берлинского университета, в 1906-1907 гг. на юридическом факультете Цюрихского университета. Член РСДРП с конца 90-х гг. XIX века; примыкал к меньшевикам. Участник Революции 1905-07 (Севастополь, Одесса). После февральской революции примкнул к большевикам, на VI съезде (июль 1917) избран членом ЦК. Во время Октябрьского восстания – председатель Военно-революционного комитета. Возглавлял российскую делегацию на мирных переговорах в Бресте в 1918 г. С апреля по ноябрь 1918 г. - полпред РСФСР в Берлине. В последующие годы также на дипломатической работе. В 1925-1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции. Зять Троцкого. Покончил жизнь самоубийством. Вот как пишет о похоронах Виктор Серж: «Троцкий шел рядом с Иваном Никитичем Смирновым, худощавым и светловолосым, все еще наркомом почт и телеграфа, и Христианом Раковским. Эту группу сопровождали грузинские активисты в своих синих, приталенных пальто, с прекрасной военной выправкой. Серая и бледная, без пышности, процессия, но душа ее была напряжена, и в пении слышался вызов. На подходе к кладбищу начались инциденты. Сапронов, с седой (в сорок лет) шевелюрой, топорщившейся вокруг постаревшего изможденного лица, прошел по рядам: «Спокойно, товарищи, не будем поддаваться на провокации... Преграды обойдем». Один из руководителей восстания 1917 года организовывал теперь скорбную баталию перед воротами кладбища. Некоторое время мы топтались перед высокими зубчатыми воротами: ЦК дал указание пропустить только двадцать человек. «Тогда, — ответили Троцкий и Сапронов, — гроб не внесут, и речи будут произнесены прямо на дороге». Какой-то момент казалось, что начнется драка.

Вмешались представители ЦК, мы вошли. В последний раз гроб в тишине и холоде проплыл над головами, затем его опустили в могилу. Не помню, кто из высокопоставленных деятелей произнес соболезнование от имени ЦК. Поднялся ропот: «Хватит! Пусть он уйдет!» Это было тягостно. Раковский, массивный и гладко выбритый, овладел вниманием толпы, далеко разносились его чеканные слова: «За этим знаменем — мы пойдем — как ты — до конца — клянемся в этом — на твоей могиле!» (Там же).

[58] В ссылку.

[59] Был исключен из партии 19 января 1928 г.

[60] Виноградская Полина Семёновна (1896–1979) - большевичка с марта 1917 г., в октябрьские дни — технический секретарь Московского Военно-Революционного комитета, затем сотрудница Моссовета. С августа 1919 г. в действующей армии, зимой 1920 г. возвратилась в Москву, получила назначение инструктором отдела работниц ЦК РКП (б). В 1922–1923 — старший научный сотрудник Академии коммунистического воспитания, потом училась в Институте красной профессуры, после — руководитель кабинета Института Маркса и Энгельса. Известный прозаик и публицист, автор книг «Женни Маркс», «Фердинанд Лассаль».

[61] Так в документе.

[62] Возможно об этом Владимирове, как о троцкисте, профессоре Высшей коммунистической школы в г. Ростове писала «Правда» в 1934 г., указывалось, что он в 1928 г. исключался из партии за троцкистскую деятельность. См. также предыдущее примечание к этой фамилии.

[63] Тер-Ваганян Вагаршак Аратюнович (1893-1936) — участник революционного движения в России. член партии с 1912 г. В 1917 г. секретарь Московского комитета РСДРП(б). В 1918-1920 гг. член ВЦИК и Моссовета, ответственный редактор журнала "Под знаменем марксизма". Один из лидеров троцкистской оппозиции. Преподаватель Института народного хозяйства им. Плеханова, руководитель кабинета им. Плеханова Института Маркса и Энгельса, автор книги о Плеханове. Проходил по делу т.н. «Троцкистско-зиновьевского террористического центра», которое слушалось Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве с 18 по 24 августа 1936 г. Все обвиняемые, в т.ч. В.А. Тер-Ваганян, были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведён в исполнение 25 августа 1936 г. Реабилитирован в 1988 г.

[64] Вероятно, пропущено какое-то слово, иначе предложение противоречиво.

[65] Описка в протоколе, так как был освобождён только в июле 1928 г.

[66] М., Партиздат, 1937.

[67] Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (10 марта 1870 – 21 января 1938) - революционную работу вёл с 1887 г. в Одессе, Петербурге, начинал как народник, затем социал-демократ. Много лет жил в эмиграции. После 2-го съезда РСДРП меньшевик. В 1905—07 гг. работал в социал-демократической фракции Государственной думы и профсоюзах. В 1911 г. лектор партийной школы в Лонжюмо. По поручению немецких

социал-демократов вёл работу по изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (в 1916 вышло 2 тома) и истории 1-го Интернационала. С 1917 г. член РСДРП(б). Был на профсоюзной работе. После Октябрьской революции 1917 выступал за создание коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров; в 1918 г. выходил из партии из-за несогласия с заключением Брестского мира; в профсоюзной дискуссии (1920—21) выступил с антипартийной платформой и был отстранён от профсоюзной работы. В 1921—1931 гг. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, который основал. Редактор первых изданий сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, Г. Гегеля. Автор более 350 научных трудов, в [1929 году](#) был избран в Академию наук СССР. Делегат 7—16-го съездов партии. В [1931 году](#) был обвинён в связях с меньшевиками и исключен из партии; [16 февраля](#) того же года арестован, а 3 марта исключён из Академии наук СССР постановлением Общего собрания членов Академии. [16 апреля](#) 1931 года по статье 58-4 УК РСФСР осужден к 3-м годам ссылки в [Саратов](#). Работал на историческом факультете Саратовского государственного университета. [23 июля 1937](#) года вновь арестован и [21 января 1938 года](#) Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорён к расстрелу. В тот же день расстрелян в Саратове. Реабилитирован в 1958 г.

[\[68\]](#) Рубин Исаак Ильич (1886-1937) – экономист, учёный. В юности увлекся марксизмом, в 1904 г. вступил в [Бунд](#) и до конца жизни оставался верен своим убеждениям. До революции 1917 г. Рубин — присяжный поверенный (с 1912 г. в Москве), автор статей по гражданскому праву, в 1915–17 гг. — секретарь Союза городов и Земского союза. Приглашенный [Д. Рязановым](#) к работе над переводами экономических сочинений [К. Маркса](#), Рубин вскоре стал одним из ведущих советских марксоведов и авторитетом в области марксистской политической экономии. С 1921 г. Рубин — профессор Московского университета и ряда ведущих вузов Москвы, общепризнанный интерпретатор экономической доктрины К. Маркса и ее категорий, автор многочисленных статей, обзоров, рецензий по экономическим вопросам, а также переводов работ зарубежных экономистов. Книга Рубина «Очерки по теории стоимости Маркса» выдержала до 1930 г. четыре издания, а его учебник «История экономической мысли» переиздавался ежегодно. В ноябре 1930 г. Рубин был заклеен газетой «Правда» как участник разоблаченной меньшевистско-кулацкой вредительской группировки, в конце декабря арестован, под пытками признался в принадлежности к меньшевистскому центру и на процессе так называемого Союзного бюро меньшевиков (1931) приговорен к пяти годам заключения, замененного в 1933 г. ссылкой в [Казахстан](#). В ноябре 1937 г. в Актюбинске Рубин был арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации, через несколько дней приговорен «тройкой» к расстрелу и через день казнен. Реабилитирован в 1989-1991 гг.

[\[69\]](#) Громан Владимир Густавович (1874—1940) — учёный-экономист, [статистик](#), член коллегии [ЦСУ РСФСР](#), [ЦСУ СР](#), член президиума [Госплана СССР](#). В [1898 году](#) вступил в [РСДРП](#), с 1903 г. – меньшевик, в 1905 г. – автор Программы РСДРП по аграрному вопросу. В 1922 г. Вышел из РСДРП. Приговор на процессе: 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, отбывал в Верхнеуральском политизоляторе, затем в Суздальском ИТЛ, где и умер 11.03.1940. Реабилитирован 13 мая 1991 г.: отсутствие состава преступления.

[70] Шер Василий Владимирович (1883-?) - начал свою революционную деятельность в студенческих кружках, примыкая с самого начала к меньшевикам. В 1917 году занимал ответственную командную должность. В последующие за Октябрем дни выступал с критикой Советской власти от имени меньшевиков. В последующие годы - профессор Московского университета и работник экономических советских органов. Приговор на процессе: 10 лет лишения свободы. Пост. ОС НКВД от 10.07.1940 заключение заменено ссылкой в Чкаловскую обл. Пост. ОС НКВД от 26.10.1940 место ссылки заменено на г. Хотим на 2 года. Опр. ВТ КиевВО от 4.12.1955 пост. ОС НКВД от 2.11.1937, от 10.07.1940, 26.10.1940 отменены. Реабилитирован 13 марта 1991 г. Прокуратура СССР.

[71] Суханов Н. (псевдоним; настоящие фамилия и имя Гиммер Николай Николаевич) (10.12. 1882 — 29.6.1940), участник российского революционного движения, экономист и публицист. С 1903 эсер, с 1917 меньшевик. Родился в Москве в семье чиновника. Учился в Московском университете. Занимался научно-литературной деятельностью, в политико-экономических статьях пытался сочетать народничество с марксизмом. Во время 1-й мировой войны 1914—18 гг. объявил себя интернационалистом. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, член ВЦИК 1-го созыва. Примыкал к меньшевикам-интернационалистам до 1920 г., один из редакторов газеты "[Новая жизнь](#)". Выступал против ленинского курса на победу социалистической революции. После Октябрьской революции 1917 работал в советских экономических учреждениях. Приговор на процессе: 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, отбывал в Верхнеуральском политизоляторе. 20.05.1935 тюремное заключение заменено ему ссылкой в Тобольск. Арестован 19 сентября 1937 г. Приговорен: Военный трибунал Сибирского военного округа 27 августа 1939 г., обв.: обвинение в связях с немецкой разведкой, в антисоветской агитации. Приговор: ВМН Расстрелян 29 июня 1940 г. Место захоронения - Омск. Реабилитирован 13 марта 1991 г. отсутствие состава преступления

[72] Гинзбург Абрам Моисеевич (1878-1937) – деятель российского социал-демократического движения, экономист. Социал-демократ с 1896 г., после II съезда РСДРП меньшевик. С начала 1912 г. поселился в Киеве, где вступил в число ближайших сотрудников газеты "Киевская Мысль"; стоял в стороне от местной нелегальной работы, ограничиваясь поддержанием связей с немногочисленными легальными рабочими организациями. Все больше специализировался в своей работе, в том числе и в газетно-журнальной, как экономист. Осенью 1916 г. был назначен одним из руководителей карточной системы в Киеве. С начала революции 1917 г. вошел в Киевский комитет меньшевиков и, в качестве его представителя, в Исполнительный ком-т Совета рабочих депутатов. Незадолго до Октябрьского переворота назначен товарищем министра труда во Временном правительстве. К Октябрьской революции отнесся резко отрицательно. В 1922 г. перешел на работу в Москву в ВСНХ, где долгое время занимал ответственный пост заместителя, начальника экономического управления (и сменивших его потом планово-экономического и т. д.); с 1928 г. состоял зам. председателя коллегии планово-экономич. управления и заведующим конъюнктурным бюро. С 1929 г. был зам. председателя Ин-та промышленно-экономич. исследований при ВСНХ. Приговор на процессе: 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, отб. в Верхнеуральском, а затем в Челябинском п/из. Приговорен: тройкой УНКВД по Челябинской обл. 27 декабря 1937 г. Приговор: ВМН

Расстрелян 30 декабря 1937 г. Место захоронения - г. Челябинск. Реабилитирован 31 марта 1989 г. Прокуратура Челябинской обл.

[73] Якубович Михаил Петрович (1890-1980) – член РСДРП с 1908 г., меньшевик. Участник Февральской революции 1917 г. Председатель Смоленского Совета рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК. В 1918-21 гг. на хозяйственной работе. В 1921 г. вышел из РСДРП. В 20-е гг. сотрудник Наркомторга СССР, зам. начальника сектора снабжения. Приговор на процессе: 10 лет лишения свободы. Освобожден в августе 1940 из Унженского ИТЛ Горьковской обл. Арестован 29 июня 1941 г. Приговорен: ОС НКВД СССР 21 ноября 1942 г., обв.: 58-10, 58-11. Приговор: 10 лет лишения свободы. Для отбытия наказания этапирован из мест лишения свободы Горьковской обл. 28.11.1950 в Луговой ИТЛ Коми АССР. Проживал: Карагандинская обл. Караганда г. Арестован 23 апреля 1968 г. Прокуратура Карагандинской обл. Приговор: дело прекращено. Реабилитирован 21 июня 1968 г. Прокуратура Карагандинской обл. за отсутствием состава преступления.

[74] Иков Владимир Константинович (1882-1956) - Участник российского революционного движения с 1902 г. С 1903 г. – в составе меньшевистской группы Ю.О. Мартова «Единение». Делегат IV, V съездов РСДРП. В 1917 – 1918 гг. – член «Комитета спасения Родины и революции». С 1918 г. работал в системе кооперации (в Центросоюзе, ВСЕКОЛЕСе). В 1924 – 1928 гг. – в ссылке. Затем помощник редактора отдела литературы, искусства и языкознания БСЭ. Приговор на процессе: 8 лет лишения свободы. После отбытия проживал в Москве, сотрудник Всесоюзной библиотеки иностранной литературы. Арестован 14 июля 1951 г. Приговорен: Особое Совещание при МГБ СССР. Приговор: 5 лет заключения в ИТЛ, отбывал в Братске Иркутской обл. Освобожден в 1953 г. по амнистии. Умер 29.12.1956 г. Реабилитирован 13 марта 1991 г. за отсутствием состава преступления.

[75] Брауде Илья Давидович (1885-1956) – адвокат, участвовал в качестве защитника ещё на ряде т.н. «открытых процессов, в том числе «Промпартии» (1930), «Антисоветского троцкистского центра» (1937), «Правотроцкистского блока (1938).

[76] Коммодов Н.В. – адвокат, участвовал в качестве защитника ещё на ряде т.н. «открытых процессов, в том числе «Антисоветского троцкистского центра» (1937), «Правотроцкистского блока (1938).

[77] Речь идёт о таком же фальсифицированном процессе выдуманной чекистами «Промпартии». Процесс проходил 26.11. – 07.12. 1930 г. Государственным обвинителем на процессе был тот же Н.В. Крыленко, а председателем суда – А.Я. Вышинский.

[78] Ещё один фальсифицированный процесс так называемой «Трудовой крестьянской партии», но в отличие от предыдущих он был закрытым: дело рассматривалось 26 января 1932 г. Коллегией ОГПУ, которая приговорила обвиняемых на разные сроки заключения в концлагерь. Позднее большинство из них было расстреляно.

[79] Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки: http://www.belousenko.com/books/medvedev/medvedev_stalin_2.htm

[80] Там же.

[81] Рокитянский Я.Г. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов. М., Собрание, 2009, с. 450.

[82] Надо сказать, что многих чекистских палачей в своё время настигла созданная их руками репрессивная машина. Так, названный выше Миронов (Каган) Лев Григорьевич 4 июня 1937 г. был арестован, 29 августа 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован. Пытался найти сведения об остальных сошках помельче, засветившихся в деле Евсея, но безуспешно.

[83] Статья 58.4 УК РСФСР: Оказание помощи «международной буржуазии», которая не признаёт равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть её, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазии общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности.

[84] Публикацию подготовили кандидаты исторических наук Г.Д.ГОЛОВИНА и Я.Г.РОКИТЯНСКИЙ. Вступительная статья Я.Г.РОКИТЯНСКОГО. Мною материал скопирован из Интернета.

[85] Я.Г. Рокитянский. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов, социал-демократ, правозащитник, ученый. М., ООО» Издательство “Собрание”», 2009. Глава 14. Дело академика Д.Б. Рязанова, с. 432-472.

[86] Указанная книга, с. 455, дана ссылка на книгу В. Сержа, с. 382.

[87] Там же, с. 456, дана ссылка на книгу: Рокитянский Я.Г., Мюллер Г. Красный диссидент, С. 11-13.

[88] Там же, с. 459.

[89] Там же, с. 466.

[90] Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович (5 января 1865, Пинск, – 5 июня 1935, Москва) – видный деятель сначала народовольческого, затем социал-демократического движения в России, делегат Псъезда РСДРП, меньшевик, затем IVи V съездов партии (на последнем избран членом ЦК). В годы первой мировой войны “интернационалист”, член Заграничного секретариата ОК меньшевиков. Октябрьскую революцию не принял. Но в конце октября выступил за участие ЦК РСДРП(о) в переговорах с большевиками. С введением нэпа заявил об отсутствии разногласий с РКП(б), на её 12-м съезде был принят в эту партию. В 1922 активно агитировал за ликвидацию меньшевистских организаций в Грузии. Работал в Институте Маркса и Энгельса, издательстве “Красная Новь”. Подвергался резкой критике меньшевистской эмиграции как ренегат. Читал лекции в Коммунистической академии и Свердловском коммунистическом университете. Работал в Коминтерне. До конца жизни член редколлегии журнала “Коммунистический Интернационал”.

[91] Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (4 (16) июня 1881, Упино, ныне Шилальский район, Литва — 8 марта 1963, Москва) — российский и советский философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР. С 1903 г. — член РСДРП. Окончил философский факультет Бернского университета (1908). Под влиянием Г. Плеханова в 1907 г. стал меньшевиком. После октябрьского переворота 1917 г. поддержал большевиков. С 1921 г. работал в Коммунистическом университете имени [Я. Свердлова](#), с 1923 г. — член редколлегии, в 1926–30 гг. ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма» и руководитель секции философии в Институте красной профессуры. В 1928 г. был принят в партию, в 1929 г. стал членом АН СССР. В январе 1931 г. Деборин и его группа, руководившая журналом, постановлением центрального комитета партии были обвинены в «меньшевистствующем идеализме» за недооценку революционного переворота, совершенного марксизмом в философии, и ленинского этапа в развитии марксизма. В частности, Деборину вменялось в вину то, что он назвал Ленина учеником Плеханова в философии. Этим постановлением было положено начало утвердившейся в СССР практике установления «научной истины» путем партийного декрета. Деборин был снят со всех постов. С 1935 г. работал в АН СССР и написал ряд трудов по истории социально-политических учений нового времени и философии марксизма. В 1937 г. значительная часть «меньшевистствующих идеалистов» была арестована, многие погибли в тюрьмах и концлагерях, но сам Деборин избежал этой участи.

[92] Сведений не установлено.

[93] Сведений не установлено.

[94] Республиканец Гений Измайлович (Абдрахманов). Родился в 1907 г., Ленинградская обл., г. Кронштадт; татарин; чл. ВКП(б) с 1927 г.; директор, Казанский центральный государственный музей. Проживал: г. Казань. Арестован 14 сентября 1937 г. Приговорен: Военной Коллегией Верховного Суда СССР 12 мая 1938 г., обв.: 58-2, 58-7, 17-58-8, 58-11. ("участник правотроцкистской националистической организации"). Приговор: 10 лет тюремного заключения, конфискация имущества, поражен. прав на 5 лет, пленумом Верховного суда СССР 25.5.42 дело прекращено за недоказанностью обвинения. Источник: Книга памяти Республики Татарстан

[95] См. выше.

[96] Сведений не установлено.

[97] То же.

[98] Похоже, сержант перепутал 1905 год с 1917 годом.

[99] Сведений об этом лице не обнаружено.

[100] Возможно, речь идёт о: Блиц Соломон Францевич. Родился в 1882 г., Польша; еврей; Проживал: г. Москва. Арестован 14 февраля 1936 г. Приговорен: ОСО при НКВД СССР 22 марта 1936 г., обв.: ст. КРД.

Приговор: 5 л. л/св. Воркута. Осв. 14.02.1941. Источник: Книга памяти Республики Коми. См. <http://lists.memo.ru/d4/f363.htm>

[101] См. о ней выше в «Собственноручных показаниях».

[102] Смирнов Иван Никитич (1881 – 25 августа 1936) - из крестьян Рязанской губернии, член партии с 1899 г., большевик, вёл нелегальную партийную работу в Москве и ряде других городов, за что семь раз подвергался арестам, 6 лет провел в тюрьмах, 4 года — в ссылках в Вологодскую и Иркутскую губернии, [Нарымский край](#). Весной — летом [1917](#) г. был одним из организаторов и руководителей совета солдатских депутатов Томского гарнизона. В годы гражданской войны входил в Реввоенсоветы республики, Восточного фронта и 5-й армии, в качестве члена Сибирского бюро [ЦК РКП\(б\)](#) руководил большевистским подпольем [Урала](#) и [Сибири](#), считался организатором разгрома [Колчака](#). С августа 1919 по сентябрь 1921 г. работал председателем Сибревкома и неофициально именовался «сибирским Лениным». В марте [1919](#) г. на [VIII съезде РКП\(б\)](#) был избран кандидатом в члены ЦК, а в апреле [1920](#) г. на [IX съезде](#) — членом ЦК большевистской партии.

На [X съезде](#) И. Н. Смирнов вместе с [Крестинским](#), [Преображенским](#) и [Серебряковым](#) был выведен из ЦК за то, что во время конфликта в ЦК «по вопросу об [НКПС](#)», вылившегося позже в [«дискуссию о профсоюзах»](#), поддержал [Троцкого](#) против [Ленина](#). Однако далеко не все делегаты разделили тогда позицию Ленина и, хотя в список для голосования, предложенный «группой 10-ти», И. Н. Смирнов внесен не был (он был предложен лишь в качестве кандидата в члены ЦК и получил необходимое число голосов), 123 делегата из 479 сами вписали его фамилию в бюллетень в качестве члена ЦК, — случай уникальный в истории партии.

В дальнейшем находился на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. В [1923—1927 годах](#) — нарком почт и телеграфов. С 1923 года принадлежал к [левой оппозиции в РКП\(б\)](#), был одним из ее лидеров, подписывал ее основные документы, начиная с «Заявления 46-ти», за что в 1927 году вместе с рядом других оппозиционеров был исключен из партии и сослан. Однако в [1929](#) году, как и многие оппозиционеры, пришел к заключению, что бороться со сталинской фракцией можно только изнутри партии, — написал заявление об отходе от оппозиции, был возвращен в Москву, восстановлен в партии и назначен управляющим трестом «Саратовкомбайнстрой», с 1932 года был начальником Управления новостроек Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1933 г. арестован и осуждён к 5 годам заключения, затем стал одним из главных обвиняемых на первом из так называемых «открытых процессов» 19-24 августа 1936 г., приговорён вместе с остальными обвиняемыми к высшей мере наказания – расстрелу и расстрелян 25 августа 1936 г. Реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР 13 июля 1988 г.

[103] Эльцин Борис Михайлович (1875 – 1937) - российский революционер, член партии с 1887 г., за революционную деятельность в 1910 сослан в [Уфимскую губернию](#), где работал санитарным врачом в [Белебее](#), продолжал революционную деятельность, примыкал к большевикам. В 1917 гласный уфимской городской думы, член комитета РСДРП, исполкома совета рабочих и солдатских депутатов и уфимского губревкома,

кандидат в Учредительное собрание от большевиков (не прошёл). С апреля 1918 председатель Уфимского Губсовнаркома. Проявил себя как активный левый оппозиционер, подписал в 1923 году «заявление 46» в Политбюро ЦК РКП(б), после высылки Троцкого продолжал его поддерживать. В 1929 г. исключён из ВКП(б), 27 ноября 1937 был расстрелян. Реабилитирован 23 ноября 1956 года.

[104] Белобородов Александр Георгиевич (14(26).10. 1891— 09.02.1938), член партии в 1907— 1927 гг. и 1930— 1936 гг., член ЦК в 1919— 1920 гг. (кандидат в 1920— 1921 гг.), член Оргбюро ЦК 25.03.19— 29.03.20 гг. Родился в Соликамском уезде Пермской губернии. Русский. Окончил начальное училище. С 1917 г. член Уральского областного и Пермского окружного комитетов партии. В 1918— 1919 гг. председатель Уральского областного Совета и Вятского губревкома. С 1919 г. на военно-политической работе, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК партии. В 1921 г. председатель Юго-Восточного экономического совета. С 1921 г. зам. наркома, в 1923— 1927 гг. нарком внутренних дел РСФСР. В 1927— 1930 гг. находился в ссылке. С 1930 г. в системе Комитета заготовок СССР, уполномоченный Наркомата внутренней торговли СССР. В ноябре 1927 г. исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции, в мае 1930 г. восстановлен Партколлекцией ЦКК, в августе 1936 г. вновь исключен. Репрессирован: в августе 1936 г. арестован, 8 февраля 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу, расстрелян 9 февраля этого же года. Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 11 марта 1958 г., 6 октября 1962 г. Ростовским обкомом КПСС восстановлен в партии. *Известия ЦК КПСС, 7 (306) июнь 1990*

[105] <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/67974>

[106] Не могу не отметить ещё одно удивительное пересечение судеб. По этому делу проходил также родной дядя Булата Шалвовича Окуджавы – Николай Степанович Окуджава, позднее расстрелянный.

[107] Так они себя именовали: звание в непонятном сокращении и буква «т», означающая слово «товарищ», которое они своей преступной, по существу, деятельностью, полностью опорочили.

[108] Багавиева, Сирена Сагитовна. Политические репрессии в советском Татарстане (1918 - начало 1950-х годов). Анализ и характеристика источников. <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-repressii-v-sovetskom-tatarstane-1918-nachalo-1950-kh-godov-analiz-i-kharakte-0>